

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360

2016 / №1

ISSN (online) 2310-676X

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8360

2016 / №1

ISSN (online) 2310-676X

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)
Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления (зам. председателя)
Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)
Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре
Асмолов А.Г. — д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования
Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)
Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет
Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»
Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет
Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8360

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2016. № 1. М.: ИИУ МГОУ. 190 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712**
© МГОУ, 2016.
© Издательство МГОУ, 2016.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Абрамов А.В. — к.пол.н., доц., МГОУ; **Багдасарян В.Э.** — д.и.н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва); **Гайдук В.В.** — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия); **Журавлев В.В.** — д.и.н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** — д.и.н., проф., МГОУ; **Ковалев В.А.** — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет; **Мартынов М.Ю.** — д.пол.н., доц., Сургутский государственный университет; **Михайловский Ф.А.** — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет; **Наталици М.** — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия); **Сельцер Д.Г.** — д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; **Сулакшин С.С.** — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии; **Фукс А.Н.** — д.и.н., проф., МГОУ

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «History and Political Sciences »

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

A.V. Abramov – Ph. D. in Politology, Associate Professor, MSRU; **V.E. Bagdasaryan** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **S.A. Voronin** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa; **J. González** – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia); **V.V. Zhuravlev** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **V.A. Kovalyov** – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University; **M.Yu. Martynov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Surgut State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; **M. Natalici** – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy); **D.G. Seltzer** – Doctor of Political Sciences, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; **S.S. Sulakshin** – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, chief of information and editorial management (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «History and Political Sciences». 2016. № 1. M.: MSRU Publishing house. 190 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0077-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MSRU, 2016.

© MSRU Publishing house, 2016.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Смоленский Н.И., Васильев С.В., Коньков А.А., Копосов Л.Ф., Егоров В.Г., Бруз В.В., Штоль В.В., Гаева А.С., Багдасарян В.Э.</i> ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА МИРОВОЙ ИСТОРИИ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)	6
---	---

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Всеобщая история

<i>Гайворонский И.Д.</i> ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ В КАРОЛИНГСКОЙ АННАЛИСТИКЕ 870-880-х гг.	79
<i>Васянина Л.А.</i> РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ЯПОНЦЕВ В ВОСПРИЯТИИ СОСТАВИТЕЛЕЙ РУССКИХ КОСМОГРАФИЙ XVII В.	90
<i>Скотони Дж.</i> МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ВОЙСК 8-Й ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ БОЁВ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ	97

Отечественная история

<i>Мухамедина Ш.</i> ВОДВОРЕНИЕ РУССКОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1865-1886 гг.)	106
<i>Сарыков Е.С.</i> ПОРЕФОРМЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1860-1880 гг.	123
<i>Горлов В.Н.</i> ИЗМЕНЕНИЕ ЖИЛОЙ СРЕДЫ МОСКВЫ В 1960-е гг. КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА	133

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Гайдук В.В., Лукьянцев А.С.</i> ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖМЕЙКИНГА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ.....	143
<i>Мельникова И.В.</i> АНАЛИЗ ИНТЕРЕСА НАСЕЛЕНИЯ К ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕРИИ ФОКУС-ГРУПП С ЖИТЕЛЯМИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ).....	151
<i>Мирзаханов Д.Г.</i> ИДЕЯ «РУССКОГО ИСЛАМА» КАК ПОПЫТКА МУСУЛЬМАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В 2000-е гг.: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И РЕАКЦИИ	159
<i>Сотников А.А., Сотников С.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	167
<i>Завальнев В.И.</i> БЕЗОПАСНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МИРОВОСПРИЯТИИ МЫСЛИТЕЛЕЙ ПРОШЛОГО: АНАЛИТИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА.....	176

CONTENTS

N. Smolenski, S. Vasilyev, A. Kon'kov, L. Koposov, V. Egorov, V. Bruz, V. Stol', A. Gayeva, V. Bagdasaryan. THE PROBLEM OF WORLD HISTORY UNITY (ROUND TABLE)6

SECTION I. HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

General history

I. Guyvoronski. IMAGE OF A RULER IN THE CAROLINGIAN ANNALS OF 870-880S79
L. Vasyanina. JAPANESE RELIGION BELIEFS THROUGH PERCEPTION OF RUSSIAN
 COSMOGRAPHY AUTHORS OF THE 17TH CENTURY90
G. Scotoni. MORALE OF THE 8TH ITALIAN ARMY SOLDIERS,
 INVOLVED IN FIGHTING AGAINST THE SOVIET TROOPS97

Native History

Sh. Mukhamedina. ESTABLISHMENT OF RUSSIAN CITIZENSHIP IN CENTRAL ASIA
 (1865-1886 YEARS) 106
E. Sarikov. EVOLUTION OF POST-REFORM PEASANT INDUSTRY OF KURSK PROVINCE IN
 THE 1860-1880 YEARS 123
V. Gorlov. THE CHANGE OF MOSCOW LIVING ENVIRONMENT IN THE 1960th
 AS A SOCIOCULTURAL PROBLEM 133

SECTION II. POLITOLOGY

V. Gaiduk, A. Lukyantsev. THE INSTITUTE OF POLITICAL IMAGE-MAKING:
 THEORETICAL ASPECTS OF FUNCTIONAL SUPPORT 143
I. Melnikova. ANALYSIS OF THE PUBLIC INTEREST TO THE INFORMATION
 ON THE ACTIVITIES OF THE EXECUTIVE BRANCH OF THE OMSK REGION
 (BASED ON A SERIES OF FOCUS GROUPS WITH RESIDENTS OF THE OMSK REGION) 151
A. Mirzakhanov. "RUSSIAN ISLAM" IDEA AS AN ATTEMPT OF MUSLIM POLITICAL
 PROJECT-MAKING IN 2000S: PUBLIC POLITICAL APPRAISALS AND REACTIONS 159
A. Sotnikov, S. Sotnikov. FEATURES OF NATIONALISM FORMATION AMONG
 YOUNG PEOPLE: THE POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS 167
V. Zavalnev. SECURITY THROUGH THE POLITICAL WORLDVIEW OF THINKERS
 OF THE PAST: ANALYTICAL RETROSPECTIVE 176

УДК 94(100)

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-6-78

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА МИРОВОЙ ИСТОРИИ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

**Смоленский Н.И.¹, Васильев С.В.², Коньков А.А.³, Копосов Л.Ф.¹, Егоров В.Г.¹,
Бруз В.В.¹, Штоль В.В.⁴, Гаева А.С.¹, Багдасарян В.Э.¹**

¹ Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация

² Институт этнологии и антропологии РАН
11991, Москва, Ленинский проспект, д.32-А, Российская Федерация

³ Медико-генетический центр РАН
115478, Москва, ул. Москворечье, д. 1, Российская Федерация

⁴ ИГСУ РАНХ и ГС при Президенте России, Дипломатическая академия МИД России
119606, Москва, Проспект Вернадского, 84, Российская Федерация

Аннотация. Круглый стол, прошедший в Московском государственном областном университете, посвящен анализу проблемы единства мировой истории. Указанный анализ осуществлен на материале ее двух хронологических периодов – древности и современности. Основными темами обсуждения стали проблемы формирования человека, возникновения языка и современная глобализация. Анализ проблемы происхождения человека и возникновения языка опирается на существующие в науке современные представления об этом и на самостоятельные позиции и выводы участников круглого стола. Анализ новейших процессов и перемен в истории связан, прежде всего, с попыткой выяснить соотношение распространенных ныне представлений о глобализации с проблемой единства истории.

Ключевые слова: Homo sapiens, единство истории и единообразие, мультикультурализм, глобализация.

THE PROBLEM OF WORLD HISTORY UNITY (ROUND TABLE)

**N. Smolenski¹, S. Vasilyev², A. Kon'kov³, L. Kuposov¹, V. Egorov¹, V. Bruz¹, V. Stol⁴,
A. Gayeva¹, V. Bagdasaryan¹**

¹ Moscow State Regional University
10 A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

² Institute of Ethnology and Anthropology RAS
32A, Leninsky Avenue, Moscow, 119991, the Russian Federation

³ Institute of Medical Genetics, Moscow
1, Moskvorechye St., Moscow, 115478, the Russian Federation

⁴ Institute of State Service and Management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
84, Vernadsky Avenue, Moscow, 119606, the Russian Federation

© Смоленский Н.И., Васильев С.В., Коньков А.А., Копосов Л.Ф., Егоров В.Г., Бруз В.В., Штоль В.В., Гаева А.С., Багдасарян В.Э., 2016.

Abstract. The RoundTable organized at Moscow State Regional University was devoted to the analysis of the problem of the unity of world history based on the material of its two chronological periods – antiquity and modern history. The problems of a human being formation, the origin of the language and issues of modern globalization were the main themes discussed at the Round Table. The analysis of the latest processes and changes in the history is primarily associated with the attempt to find the correlation of current ideas about globalization with the problem of history unity.

Key words: Homo sapiens, the unity and uniformity of history, multiculturalism, globalization.

Смоленский Н.И.

Вступительное слово

Проблема круглого стола – единство мировой истории. Взгляд на историю как на единство и целостность, т. е. единый поток развития стран, народов, континентов, цивилизаций, впервые был выдвинут в качестве теоретической проблемы просветителями и получил развитие в последующей философско-исторической мысли – утопический социализм, позитивизм, марксизм, религиозная философия истории (К. Ясперс), концепции индустриального и постиндустриального общества. Однако этот взгляд – лишь часть общетеоретической проблемы, другим вариантом которой является отрицание единства и понимание истории в качестве простой арифметической суммы всего ее многообразия. (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и др.)

Проблемой круглого стола является анализ идеи единства истории на материале ее двух хронологических периодов – древности и современности – со второй половины XX в. до настоящего времени. В первом случае предметом анализа является происхождение человека и возникновение языка, что стало началом человеческой истории.

Применительно к современности речь идет главным образом об анализе тех представлений о ней, которые выражаются в термине глобализация, в связи с чем выясняется соотношение этих представлений и реального хода исторического развития.

Обоснованность постановки данных проблем в обоих случаях весьма очевидна, о степени обоснованности выводов участников круглого стола судить читателю, с наличием, однако, еще одного критерия оценки – развития познания, что – за будущим.

Васильев С.В., Коньков А.А.

Современные проблемы происхождения Homo sapiens

Долгое время происхождение Человека разумного связывали с верхнепалеолитической эпохой. Действительно, где-то в районе 40 тыс. лет тому назад первые представители Homo sapiens появляются в Европе (Младеч V) и, вероятнее немногим раньше – в Азии (Вадьяк, Лиуцзиан). Однако палеоантропологические исследования последних двадцати лет показали нам бóльшую древность человека современного типа, которая выходит за рамки верхнего палеолита. Ряд нахо-

док, происходящих из Африки (Элие Спрингс, Бордер Кейв, Летоли 18, Омо, раскопки Мумбва и т. д., как осторожно пишут исследователи, «человека, анатомически сходного с современным», удревели до 150-200 тыс. лет. Таким образом, *Homo sapiens* оказался древнее неандертальцев, что исключает возможность участия последних в эволюции сапиентных форм как прямых предков. Так кто же был прародителем современного человека? Сколько было центров его происхождения? На сегодняшний день эти вопросы решаются большинством ученых-антропологов однозначно. Безусловно, именно Африканский континент мог быть прародиной современного человека, а предками его, скорее всего, были эректоидные формы *Homo heidelbergensis*, которые населяли довольно обширные территории Африки 1 млн. – 200 тыс. лет тому назад [18].

Наиболее древней сапиентной находкой за пределами Африки являются образцы Кафзех 6 и 9, обнаруженные на территории Палестины. По разным источникам эти находки датируются от 92 до 115 тыс. лет. Более того, географическое положение этого местонахождения указывает нам на возможный восточный путь миграции *Homo sapiens* с Африканского континента. Так или иначе, но где-то примерно 100 тыс. лет тому назад человек современного типа начал заселять Земной шар. Как мы уже знаем, в пределах 40 тыс. лет тому назад человек разумный появился в Европе и чуть ранее в Азии. Судя по костным останкам, на Австралийский континент человек попал около 40 тыс. лет до наших дней. Американский континент, скорее всего, заселялся с севера на юг, и впервые

люди туда попали по сухопутному перешейку, соединявшему Чукотский полуостров с Аляской, 25-20 тыс. лет назад. Последней была освоена Южная Америка, о путях заселения которой до сих пор идут споры. Таким образом, мы можем констатировать, что к концу верхнего палеолита (12-10 тыс. лет назад) человек разумный заселил все экологически доступные места на Земном шаре. Следовательно, рассуждая о верхнепалеолитических людях, мы говорим не столько о времени происхождения, сколько о времени их расселения.

На сегодняшний день известно большое число (более ста) местонахождений периода верхнего палеолита, в которых обнаружены костные останки человека современного типа. Практически все верхнепалеолитические останки имеют ряд морфологических отличий от предшествующих форм и описываются как разновидности сапиентного типа. Диаметры их мозговой коробки близки к средним величинам современных долихокранных черепов; височная чешуя имеет большой вертикальный размер, соответствуя уровню происхождения первой височной борозды мозга; на передней стенке верхней челюсти имеется клыковая ямка; в симфизе нижней челюсти выделяется подбородочный треугольник [12]. На отдельных черепах верхнего палеолита сапиентный комплекс признаков выражен не полностью, ряд черепов характеризуется сохранением некоторых примитивных особенностей.

Как было указано выше, в настоящее время известны сотни стоянок верхнего палеолита, в том числе несколько десятков стоянок, содержащих скелетные останки ископаемых людей

современного типа. Наибольшее число черепов собрано на территории Франции и бывшей Чехословакии. В России верхнепалеолитические черепа обнаружены в двух районах европейской части страны: в Воронежской области (Костёнки) и во Владимирской области (Сунгирь).

Еще в 1927 г. Г. Морант, сопоставив все измерения, пришел к выводу, что все найденные в Европе верхнепалеолитические черепа составляют одну серию, не более изменчивую, чем многие современные [75]. Однако, учтя изменчивость отдельных признаков, Г. Морант не учел вариаций их сочетаний. Именно изучая эти комплексы краниологических признаков, ряд исследователей выделяют среди сапиенсов верхнего палеолита ряд морфологических вариантов, иногда называя их палеорасами [80; 14]. Так, например, Заллер выделял четыре палеорасы: гримальдийскую, кроманьонскую, шанселядскую и брюннскую; а В.В. Бунак находил возможным выделять семь различных морфологических вариантов: гримальдийский, комбкелльский, кроманьонский, солютрейский, оберкассельский, шанселядский и пржедмостский. Вот как описывает В.В. Бунак всем известный кроманьонский вариант верхнепалеолитического человека: удлинённая, широкая и низкая мозговая коробка пятиугольной формы, с выступающими лобными, теменными и затылочными буграми, с невыраженным рельефом надбровья, лицо широкое, средневysокое, носовые кости образуют значительный угол с лицевой линией. Однако, выделяя морфологические варианты в верхнем палеолите, В.В. Бунак (1984) все же исходил из так называемой

концепции «краниологического полиморфизма», согласно которой: 1) верхнепалеолитические черепа отличаются от современных наличием у некоторых специфических особенностей и потому выделяются в особую группу ископаемых неантропов; 2) краниологические типы верхнего палеолита наряду с признаками, входящими в комплекс особенностей одной группы, включают признаки, не свойственные данной антропологической группе, а характерные для других групп; 3) краниологические типы, вполне соответствующие вариантам последующих эпох, в верхнем палеолите не установлены; 4) приуроченность определенного комплекса особенностей к определенной ограниченной территории в верхнем палеолите отсутствует.

Исходя из вышеизложенных типологизаций российские находки классифицируются следующим образом: Костенки 14 (Маркина Гора) – гримальдийский тип, Костенки 2 (Аносов Лог) – кроманьонский тип, Костенки 15 (Городцовское) и Костенки 18 (Покровский Лог) – брно-пшедмостский тип, Сунгирь 1 В.В. Бунаком определен как «человек разумный ископаемый верхнеплейстоценовый восточноевропейский из Сунгиря» [15].

Несмотря на столь хорошо разработанные типологизации верхнепалеолитических морфологических вариантов, в 1983 г. немецкий антрополог В. Хенке провел интересное исследование по классификации верхнепалеолитических и мезолитических черепов, происходящих из Европы, используя метод главных компонент. Проведенный анализ подтвердил прежние представления о характере дифференциации краниологических типов

данного региона и данного периода времени в том смысле, что широкие и низкие черепа – типа Комб-Капелль. Однако выделение крайних вариантов не позволило построить настоящую классификацию, поскольку совокупность в целом выглядела аморфной и не обнаруживала тенденции к образованию отдельных комплексов. Автору исследования не удалось даже дифференцировать верхнепалеолитические черепа от мезолитических. Как полагает А.А. Зубов, мы застаем в данную эпоху в Европе картину морфологической пестроты, в основе которой лежат широкомасштабные процессы метисации при достаточно большой для того времени плотности населения в регионе.

Таким образом, при классификации типов верхнего палеолита выделение вариантов может основываться только на морфологическом сходстве или различии, но когда проводится сопоставление этих вариантов с современными расами, сразу же встает вопрос: могут ли краниологические варианты верхнего палеолита рассматриваться как древние формы трех современных больших рас? По мнению В.В. Бунака, верхнепалеолитическое население представляет собой «смесь разновидностей одного полиморфного подвида, еще не распавшегося на отдельные определенные расы» [13]. Он считал, что у ископаемых неантропов еще не образовались характерные для современных рас устойчивые сочетания признаков, которые складываются в более позднее мезо-неолитическое время. Однако есть и другая точка зрения, высказанная Г.Ф. Дебецем. Он ввел понятие «протоевропейского антропологического типа», в который

включил все сходные с кроманьонскими скелетами из Лез-Эйзи и Ментонских гротов костные останки верхнего палеолита. Причем термин «протоевропейский» подчеркивает генетическое родство этого типа с современными расами европеоидного ствола.

Японский генетик Н. Масатоси считает, что человек разумный впервые разделился на две микроэволюционные ветви примерно 100 тыс. лет назад, причем одна ветвь была представлена протонегроидами, а другая – недифференцированная, – европеоидно-монголоидным стволом, разделившись, по данным этого автора, значительно позже, около 60 тыс. лет назад. Одновременно японский исследователь констатирует большую генетическую близость субрасовых таксонов как внутри европеоидной расы, так и в пределах монголоидной.

На сегодняшний день становится очевидным, что формирование современных краниологических расовых комплексов шло по-разному и неодинаковыми темпами в каждом регионе. В зоне контакта двух очагов расогенеза – восточного и западного, выделение расогенетических линий с непрерывной преемственностью задерживалось и блокировалось активными метисационными процессами. В Африке, Юго-Восточной Азии и Австралии такие линии сформировались раньше и не подвергались резким разрушающим генетическим влияниям. Более поздние северные (протоевропеоидный и протомонголоидный) очаги расообразования активно взаимодействовали друг с другом и отчасти даже с древними южными центрами.

И все же – была ли метисация между современным человеком и не-

андертальцем? Проблема эта имеет не только академический интерес. В частности, наблюдаемая тенденция снижения таксономических рангов в систематике рода *Homo*, сближение его внутриродовых таксонов способствуют, к примеру, укреплению позиций концепции полицентризма.

Решение вопроса о таксономическом статусе неандертальцев напрямую связано с проблемой их роли в процессе становления человека современного физического типа. Тенденция снижения таксономического ранга, которая сказалась в закреплении за неандертальцами статуса подвида, а именно *Homo sapiens heidelbergensis*, в настоящее время разделяется все меньшим числом исследователей [18]. Вновь на повестку дня ставится вопрос о том, какие из неандертальцев и как принимали участие в формировании *Homo sapiens*.

В популяционной генетике самым главным основанием для выделения двух групп организмов в отдельные виды является очень простая вещь – будут ли между собой особи из этих групп при скрещивании оставлять плодотворное потомство. Важно понимать, что существует много случаев, которые затрудняют наше понимание того, могут ли скрещиваться эти группы или нет. Такое нередко возникает, если их разделяют какие-то географические препятствия (реки, проливы, моря, горные цепи, леса, пустыни, болота), которые затрудняют или прекращают обмен генов между ними, в результате чего под действием разных причин (дрейфа генов, случайных мутаций или адаптации) у них накапливаются заметные отличия в фенотипе. Если этот барьер будет вовремя осла-

блен или снят, и они, даже имея существенные отличия во внешнем облике, могут без каких бы то ни было затруднений скрещиваться, то вместе они, бесспорно, будут составлять единый вид. Впрочем, возможен и иной сценарий, когда не географические барьеры, а какие-то поведенческие механизмы (или физиологические особенности) затрудняют общение между двумя группами, т. к. делают выбор партнера из другой группы малопривлекательным. Если в этом случае смешение между двумя группами, пусть и ограничено, но все-таки происходит, а полноценное потомство от них появляется – и в этом случае, как и в предыдущем, они также будут составлять один вид.

В общем, если скрещивание происходит, и потомство появляется, то, какие бы ни были барьеры, перед нами будет один вид, состоящий из нескольких группировок, даже если эти группы разделяют тысячи километров или какие-то ярко выраженные внешние, поведенческие и физиологические особенности. Если эти группы обитают не просто рядом, но даже на одной и той же территории, при этом внешне идентичны, но нормальное потомство они не могут дать ни при каких обстоятельствах, то эти объединения представляют уже разошедшиеся виды. Потому самым надежным инструментальным критерием для определения границ между видами является прямое скрещивание. Но, к сожалению, по разным причинам не всегда можно провести прямые эксперименты по скрещиванию. А в случае ископаемых и вымерших видов это сделать просто невозможно. Но для того чтобы определить, являются ли сравнивае-

мые группы разными видами или нет, можно использовать косвенные подходы. Один из возможных подходов для выявления границ между видами – это определение степени изоляции генофондов сравниваемых групп друг от друга (географические дистанции между группами при этом могут быть любыми). Наиболее частым статистическим методом, который применяется для такой оценки, является так называемое «расстояние Нея» [76].

В молекулярной генетике структура родства разных групп часто определяется через филогенетические деревья. Важно понимать, что филогенетические деревья дают достаточно адекватное представление о близости или удаленности отдельных групп друг к другу (хотя при использовании разных подходов в построении деревьев, их форма может несколько отличаться и показывать в некоторых деталях немного разную структуру родства). Но по построенным фило- и кладограммам напрямую нельзя сказать, есть ли межвидовая граница между группами, относящимся к разным ветвям дерева, или же она здесь еще отсутствует. Это может быть понятно только из общей совокупности выявленных данных.

Таким образом, необходимо признать, что хотя сама концепция вида в популяционной генетике сформулирована достаточно четко, и в генетической науке существует широкий арсенал приемов для определения как степени, так и структуры родства между разными группами, но сами критерии, необходимые именно для выделения границ между видами, все же обладают некоторой размытостью. Присутствие общих аллелей в сравниваемых группах не всегда говорит о

том, что это один вид. Оно может действительно быть результатом обмена генов, но может и всего лишь являться элементом общего наследства, который достался каждой из двух групп от общего предка. Самый надежный критерий – это наблюдаемое смешение между группами. В тех случаях когда его нельзя выявить прямо, можно сравнить их генофонды. Если эти генофонды сильно различаются между собой по представленному в них набору аллелей, то, скорее всего, перед нами будут разные виды.

Хотя в настоящее время опубликовано уже немало работ по генетике неандертальцев, где описаны данные о множестве их физиологических особенностей, таких, как липидный обмен [76], способность различать вкус финилтиокарбамида [72], а также о генах, вовлеченных в сперматогенез, иммунный ответ [63], есть данные о строении гена FOXP2, участвующего в формировании речи [68], и даже есть информация о генах, вовлеченных в нейрогенез и развитие мозга [79], до сих пор существует мало данных, в которых была бы исследована и выявлена прямая связь между генами и внешними морфологическими признаками неандертальцев. Одним из немногих исключений являются работы Castellano 2014 г., Kuhwillm 2013 г. и Laluela-Fox 2007 г., некоторые данные даны в работе Green 2010.

В работе Laluela-Fox 2007 была исследована последовательность гена меланокортинового рецептора (MR1C). Установлено, что у двух неандертальцев из Монти-Лисини (Италия) и Эль-Сидрона (Испания), выявлен один и тот же мутантный аллель этого гена, который экспрессирует белок клеточ-

ного рецептора, имеющего сниженную восприимчивость к меланоцит-стимулирующему гормону. Этот гормон вырабатывается в средней доле гипофиза для усиления выработки меланоцитами (пигментными клетками кожи) меланина, который обеспечивает ее потемнение. Клеточные рецепторы, которые будут иметь к нему низкую восприимчивость, будут способствовать тому, что кожа и волосы всегда будут иметь низкий уровень пигментации. Потому можно быть уверенным, что если не все неандертальцы, то какая-то часть их популяций отличалась светлокостью своих членов, а также светлыми или рыжими оттенками волос. Интересно, что неандертальский аллель низковосприимчивого меланокортинового рецептора отличается от всех известных аллелей, имеющих пониженную чувствительность, которые пока выявлены у современных людей.

В работе Green 2010 выявлены различия между человеком современного типа и неандертальцами в гене меластатина TRPM1, которые потенциально могут влиять на различия в пигментации. Так, у неандертальцев, как и у шимпанзе, в последовательности гена имеется стоп-кодон, из-за которого экспрессируемый пептид меластатина короче примерно на 100 аминокислотных последовательностей, чем у современного человека. Но, к сожалению, прямое фенотипическое проявление, которое связано с различиями в этих генах, пока неуловимо.

Очень перспективным и многообещающим выглядит направление для исследований, выявленное в результатах работы Kuhwilm 2013 г., которая посвящена исследованию влияния гена RUNX2 на общую морфологию

скелета. Известно, что этот ген играет важную роль в остеогенезе, стимуляции дифференциации остеобластов и зарастании родничка в черепе у детей. Авторы установили, что роль этого гена в костеобразовании гораздо шире и влияет на многие сигнальные пути, инициирующие костеобразование, и, кроме того, также влияет на формирование зубов. Интересно, что некоторые мутантные формы этого гена, даже в гетерозиготном состоянии, приводят к серии нарушений костной конституции: задержке зарастания черепных швов, выступанию лобных бугров (frontal bossing), колоколовидной грудной клетке и аномалиях ключицы.

Суммируя все вышесказанное, даже на современном уровне знаний, кажется вполне убедительным, что изменения именно в этом гене могли сыграть одну из ключевых ролей в появлении различий между морфологическим обликом неандертальцев и людей современного типа.

Наиболее полно гены, отвечающие за различия морфологии скелета между людьми современного типа и неандертальцами, выявлены в работе Castellano 2014 г. На основе ее результатов были сделаны интересные выводы о том, что во время разделения предков людей современного типа и неандертальцев гены, связанные с морфологией скелета, в большей степени изменялись у предков неандертальцев, чем у предков людей современного типа (в геноме предков современных людей изменения в большей степени затрагивали гены, связанные с поведением и пигментацией). Специфические неандертальские аллели выявлены в двух десятках генов, связанных с формированием костной конституции. Из-

вестно, что у людей современного типа некоторые патологические изменения в этих генах связаны с различными костными деформациями, дисплазией в дефектах развития ряда костей.

Все же, рассуждая, нужно сказать, что наши знания о связи между морфологическим и генным полиморфизмом пока недостаточны, также, по-прежнему, не очень ясен и характер этих связей, чтобы говорить точно о том, какие именно изменения и в каких генах обеспечивают те или иные морфологические особенности. Но некие основные ориентиры в этом направлении уже заданы. Вероятно, морфологические изменения у неандертальцев были связаны с большим числом генетических изменений, чем у людей современного типа. В то же время некоторые мутации в ряде ключевых для морфогенеза генах, таких, как RUNX2, совершенно не затронули геном неандертальцев, хотя наверняка сыграли важную роль в формировании облика современных людей. Может быть даже, что у людей современного типа внешний облик формировался под влиянием изменений в небольшой, но очень важной совокупности регуляторных генов, вовлеченных в морфогенез, в то время как у неандертальцев внешний облик формировался под влиянием изменений в генах разной значимости, – как очень важных, так и второстепенных. Но на современном уровне знаний к таким предположениям нужно относиться с определенной долей осторожности и необходимо ждать появления новых данных.

Взаимосвязь между морфологическими и генетическими маркерами бесспорно существует. Очевидно, что многие (хотя и не все) морфологиче-

ские особенности зависят от наследственности, а не от полноценности питания и любых других признаков внешней среды. Т.И. Алексеева в своей работе «Адаптация человека в различных экологических нишах Земли» приводит немало примеров в пользу справедливости этого положения: индекс Рорера, длина и поверхность тела. В то же время она приводит и другие случаи, когда выделенные адаптивные морфологические особенности могут формироваться в результате адаптации в постнатальный период, не будучи наследуемыми, как, скажем, развитая грудная клетка и удлинённые конечности в горных популяциях [1]. Эти примеры совершенно не должны вызывать каких-то неуместных в данном случае сомнений, т.к. не всегда гены строго детерминируют признак и жестко фиксируют его в узком диапазоне значений, многие гены просто задают рамки для его проявления. Когда такие рамки возможных фенотипических проявлений гена бывают очень широкими, то такое явление у генетиков называется «широкой нормой реакции» гена. Сам же такой тип изменчивости, где морфологические и любые другие признаки широко варьируют при одном и том же генотипе, называют модификационной изменчивостью. Очевидно, что если норма реакции гена широка, то и модификационная изменчивость определяемого им признака будет сильно варьировать.

Самый интересный вопрос – какие именно гены могут влиять на жестко зафиксированные в наследственности морфологические признаки, если они связаны с модификационной изменчивостью. К сожалению, точная при-

вязка конкретных морфологических признаков, связанных с особенностями скелета к конкретным генам, пока еще затруднительна. Но наиболее вероятно, что большая часть морфологических признаков скелета, определяющих межрасовые отличия человека и межвидовые отличия гоминид, кодируется сразу многими генами, т.е. эти признаки скорее всего полигенны. Но наследуемые морфологические различия в фенотипе не обязательно должны появляться из-за работы большого количества специфичных для каждой группы аллелей. Они могут быть больше связаны с разной настройкой и последовательностью включения одних и тех же регуляторных каскадов, участвующих в морфогенезе (что может обеспечиваться различиями в метелировании регуляторных элементов), при этом сам фонд аллелей, вовлеченных в формирование морфологических признаков, может быть и не таким большим. Одни из случаев, когда различия в регуляции морфогенеза могут быть связаны не столько с разными аллелями, сколько с разным уровнем метилирования, является семейство генов *HOXD*. Эта группа генов участвует в костеобразовании. Обнаружено, что у неандертальцев гораздо более высокий уровень метилирования этих генов, чем в геноме человека современного типа [78].

Активное использование в конце XX в. однородительских маркеров (митохондриальной ДНК и Y-хромосомы), для реконструкции ранней истории человечества выявило очень убедительные факты в пользу очень жесткой версии моноцентризма. Так, было установлено, что выявленные у современного человечества митохондриальные

линии человечества сходятся к одному корню и имеют практически бесспорное африканское происхождение [56]. То же самое было продемонстрировано для Y-хромосомной ДНК [59]. При этом у неандертальцев был выявлен совершенно иной фонд гаплогрупп, не имевший ничего общего с тем набором, который когда-либо был выявлен у современных людей [63]. Возраст разделения митохондриальных линий неандертальцев и человека современного типа, равный примерно 660 тыс. лет, значительно превышал возраст разделения основных магистральных стволов у современного человечества, равный 210-140 тыс. лет [56; 64]. Время разделения всех гаплогрупп Y-хромосомы еще более позднее, чем для митохондриальной ДНК, оно не превышает 140 тыс. лет. Можно было бы предположить, что такое давнее разделение неандертальцев и людей современного типа просто сопровождалось длительной изоляцией, где в каждой группе накопился свой независимый пул вариантов; а потом, при расселении человека современного типа из Африки, оно могло смениться ограниченным смешением и обменом линиями. Но т.к. ни неандертальские линии в геноме современного человека, ни линии современного человека в неандертальском геноме не были выявлены, каких-либо реальных доказательств в пользу обмена линиями и, следовательно, смешения этих двух групп, не было.

Но необходимо заметить, что однородительские маркеры, при ряде достоинств (например, отсутствии рекомбинации, селективной нейтральности) имеют один существенный недостаток – число носителей каждого митохон-

дрияльного или Y-хромосомного гаплогруппа всегда будет в четыре раза меньше эффективной численности популяции (из-за их гапloidности и из-за того, что они могут быть только у одного родителя). Поэтому они сильнее, чем аутосомные маркеры, будут подвержены влиянию дрейфа генов (из-за колебаний численности, эффекта основателя), и с большей вероятностью будут уносить из генофонда какие-то редкие аллели, стирая записи из генной летописи популяции. Ну и, наконец, при всей их информативности и ценности, они еще не представляют весь геном.

Развитие и удешевление технологий полногеномного секвенирования вместе с развитием алгоритмов обработки большого массива данных подарило новые возможности и инструменты в анализе аутосомных маркеров, что было прежде недостижимо из-за высокой дороговизны технологических процессов и низких вычислительных мощностей. Полученные с помощью секвенирования всего генома новые данные свидетельствовали в пользу того, что небольшая доля неандертальских генов попала в генофонд современного человечества.

Главный вопрос, который закономерно здесь возникает: является ли выявленный компонент именно результатом метисации? Не может ли он просто быть общим элементом генома людей современного типа и неандертальца? Доказательством этого является очень простая вещь. Изначально определяли круг молодых аллелей, которые были обнаружены у гоминид (и неандертальцев, и людей современного типа), но отсутствовали у шимпанзе. Далее ожидалось, что, если среди этих эволюционно молодых аллелей

какие-то отсутствуют у населения Африки, где неандертальцы неизвестны, но присутствуют у неафриканской части человечества, чьи предки во время первых этапов переселения в остальные части света с неандертальцами пересекались, значит, эти гены попали к неандертальцам во время метисации. Иные варианты предположить сложно, т.к. все косвенные признаки говорят о том, что неандертальцы дальше от человека, чем любые подгруппы людей современного типа [63].

Действительно, ряд аллелей выявлен у всех неафриканцев: у европейцев (французов), и монголоидов (китайцев), и даже папуасов. Их общая доля равна 4%. Наоборот, как у негроидов (йоруба), так и у бушменов эти аллели вообще не выявлены либо число таких аллелей исчезающе мало [63]. Это странное распределение неандертальского генофонда в современном населении находит разумное объяснение в том, что неандертальцы смешивались не со всеми предками современных людей, а лишь с той их частью, которая стала выходить за пределы Африканского континента. С оставшимися в Африке людьми неандертальцы не пересекались и поэтому не смешивались.

Недавние работы выявили интересные дополнения к этой картине; оказалось, что небольшой, но заметный компонент неандертальского генома выявлен у восточноафриканских масаев [82]. Кроме того, установлено, что доля неандертальских генов в генофонде современного населения Восточной Азии несколько больше, чем в генофонде современных европейцев [82]. Недавний анализ древней ДНК из Тяньюаня (Tianyuan) в Китае, выделенной из останков, возраст которых

оценивается примерно в 40 тыс. лет, также показал наличие примеси неандертальских генов. При этом фило-генетическая реконструкция на основе данных аутосомных однонуклеотидных замен в 21 хромосоме указывает на большую близость генома Тяньюаньского человека к геному современных восточноазиатских народов и индейцев, чем к европейцам. Т.е. неандертальская примесь в населении Восточной Азии присутствует бесспорно очень давно и восходит еще ко временам формирования этого населения.

Все-таки, учитывая биологические закономерности, мы можем сказать, что межвидовая метисация если и возможна, то вряд ли она оставила бы после себя популяцию метисов. Такие межвидовые взаимоотношения, как правило, приводят к нежизнеспособному или бесплодному потомству. Так кого же мы находим по всему Средиземноморскому побережью в мустьерскую эпоху? Это находки (Ортю, Лагар Вельо, Охос, Шубайлук, Велика Печина, Виндия, Ханеферзанд и т.д.), в которых ряд авторов находят и сапиентные и неандерталоидные характеристики. Чаще всего эти находки располагаются в зонах постоянных миграций.

Вероятней всего, разновекторность миграционных процессов не позволяла в этом регионе формироваться аллопатрическим путем новым видам Человека. Поэтому *Homo heidelbergensis*, имея в своей морфологии некоторые сапиентные и/или неандерталоидные характеристики, в Средиземноморье формировали различные метисные варианты, максимально стабилизирующиеся только на подвидовом уровне.

В связи с этим можно только добавить, что неандертальцы как вид и

внутривидовые метисы гейдельбергского человека, скорее всего, не выдержали конкуренции как физической, так и экономической с качественно новыми пришельцами из Африки – *Homo sapiens*.

Таким образом, мы придерживаемся, на сегодняшний день, первой модели распространения человека современного типа, согласно которой происходило замещение неандертальских популяций при расселении по Европе.

Л.Ф. Коносов

Родство языков и проблема моногенеза

На земном шаре насчитывается до 6000 языков, различных по своей структуре, по количеству говорящих на них людей, особенностям исторического развития, выполняемых в обществе функций. Точное число языков установить невозможно, так как во многих случаях нет возможности разграничить язык и его территориальную разновидность – диалект: такое разграничение часто проводится не по лингвистическим, а по социально-историческим и политическим соображениям. Так, до революции 1917 г. большинство специалистов-филологов считали украинский и белорусский языки диалектами русского языка (в его составе различались наречия: северновеликорусское, южновеликорусское, малорусское и белорусское); действительно, каких-либо существенных языковых различий, затруднявших речевое общение восточных славян, не было. Однако в связи с образованием

СССР Украина и Белоруссия приобрели статус союзных республик, при этом были признаны самостоятельными украинский и белорусский языки.

Человечество издавна интересовал вопрос о происхождении языка, причинах и времени возникновения различий языков мира. Согласно религиозным представлениям, божественная сила создала единый для всех людей язык. Согласно библейскому преданию о вавилонском столпотворении Бог, разгневанный действиями потомков Ноя, задумавших построить башню, чтобы достигнуть небес, смешал их языки так, что они перестали понимать друг друга. В соответствии с этим ветхозаветным преданием исходным языком-источником всех языков вплоть до XVII в. считался древнееврейский. В дальнейшем проблема моногенеза перестала интересовать учёных и возродилась уже на новой почве в XX в. (см. об этом ниже). Правда, свою теорию моногенеза предложил в своё время Н.Я. Марр, утверждавший, что в языке первобытного человека содержались четыре элемента (саль, бер, йон, рош), которые в разных комбинациях с другими элементами можно обнаружить в любом языке мира. Но эта теория за полным отсутствием доказательств была отвергнута.

Существуют различные возможности классификации языков мира. Наиболее известной является генеалогическая классификация, учитывающая родственные связи языков. Родственными считаются языки, восходящие к одному историческому источнику – т.н. праязыку. Русский, украинский и белорусский восходят к древнерусскому языку, который существовал как относительно единое образование до

XIV – XV вв. Но эти языки родственны и таким языкам, как болгарский, сербский, македонский, чешский, словацкий, польский и др., т.е. остальным славянским языкам, так как все они, в свою очередь, восходят к т.н. праславянскому языку, который, как полагают, распался в V – VI вв. н.э. Более далёкое родство обнаруживается между славянскими и многими другими языками мира, восходящими к индоевропейскому языку-основе, распад которого учёные относят к IV – V тысячелетию до н.э.

Все родственные языки объединяются в семьи, которые принято разделять на ветви (группы) и далее на группы (подгруппы). Так, наиболее изученная индоевропейская семья включает 12 ветвей (2 из них представлены только мёртвыми языками).

Родство языков лежит в основе т.н. сравнительно-исторического языкознания (компаративистики), возникшего в начале XIX в. и использующего собственный и, как выяснилось в дальнейшем, довольно точный метод исследования языковых фактов. Одним из важнейших факторов, способствовавших формированию компаративистики, был древний индийский литературный язык – санскрит, получивший известность в Европе благодаря работам Вильяма Джонса, который обратил внимание на поразительное сходство санскрита с известными к тому времени древними языками и отметил, что такое сходство не может быть случайным.

Важную роль в становлении сравнительно-исторического языкознания сыграл выдающийся немецкий учёный-языковед Август Шлейхер (1821 – 1868), разработавший методику ре-

конструкции звуков и форм индоевропейского языка и написавший даже басню на этом языке. А. Шлейхер был главой т.н. натуралистического направления в языкознании. Увлечённый идеями Ч. Дарвина, он считал языки живыми организмами, которые рождаются, развиваются, достигают расцвета, а затем стареют и умирают. Языкам свойствен естественный отбор: сильные «экземпляры» языков выживают, слабые погибают. Так, языки американских индейцев обречены на вымирание, якобы, из-за сложности своих форм. Нетрудно видеть, что гибель этих языков объясняется социально-историческими причинами, а именно вымиранием говоривших на этих языках племён.

Наряду с проблемами сравнительно-исторического изучения языков, Шлейхер занимался типологической классификацией языков. Он предложил классификацию, основанную на морфологических признаках, и выделил три типа языков: корневые, или изолирующие, агглютинирующие и флективные. Полисинтетические языки как отдельный тип Шлейхер не признавал, считая их разновидностью агглютинирующих языков. При этом Шлейхер ошибочно полагал, что все языки проходят одинаковый путь развития – от корневых к агглютинирующим и далее – к флективным. Таким образом, степень развития языка, по мнению Шлейхера, зависит от принадлежности к тому или иному типу.

А. Шлейхер явился основоположником теории родословного древа, которая наглядно представляет историю формирования современных индоевропейских языков, восходящих к общему «стволу» – праязыку. А. Шлейхер

строит эту теорию в соответствии со своими биологическими воззрениями: индоевропейские языки возникают как результат простого распада языка более высокого уровня, они как бы отпочковываются от ствола или ветви. Индоевропейский язык первоначально распался на две ветви: арио-греко-итало-кельтскую и славяно-германскую; каждая из этих ветвей разделилась на группы, эти группы также распались на отдельные группы; в результате такого распада в конечном итоге возникли все индоевропейские языки. Так, славяноязычно-германская ветвь разделилась на две группы: германскую и балто-славянскую, последняя дала начало балтийским и славянским языкам. Теория родословного древа в основных своих чертах сохраняет свою актуальность до настоящего времени, хотя образование конкретных языков рассматривается не в биологическом, а историческом аспекте с учётом процессов как дивергенции (расхождения), так и конвергенции (схождения).

Важный этап в развитии сравнительно-исторического языкознания связан с деятельностью т.н. младограмматической школы, сформировавшейся в 70-е гг. XIX в. в Германии, но идеи этого направления развивали учёные и в других странах Европы, в том числе и в России. Младограмматики пересмотрели многие положения компаративистики, сделав при этом ряд ценных открытий в индоевропейской фонетике. В то же время благодаря деятельности младограмматической школы получили развитие такие лингвистические дисциплины, как диалектология и фонетика.

XIX в. был периодом господства сравнительно-исторического языкоз-

нения. В XX столетии приоритет стал отдаваться изучению живых языков, однако сравнительно-историческое языкознание не только сохранилось как одно из важнейших направлений лингвистических исследований, но и получило дальнейшее развитие. Были открыты новые материалы: так, чешский учёный Б. Грозный в 1916–1917 гг. расшифровал памятники хеттского языка, относящиеся к XVIII–XIII вв. до н.э. Широко используются теоретические достижения лингвистики, новые методы, в том числе точные. Так, американский лингвист М. Сводеш предложил метод глоттохронологии, который основывается на представлении о том, что основной словарный фонд, отражающий универсальные, наиболее значимые для человека понятия, изменяется медленно и во всех языках с одинаковой скоростью (т.е. процент сохранения этой лексики в единицу времени, например, за одно тысячелетие, представляет постоянную величину), поэтому можно с большой долей вероятности вычислить время распада того или иного языкового единства.

В XX в. возникают теории, предлагающие новые пути решения проблемы развития языков мира. Некоторые учёные (Г. Шухардт, Н.Я. Марр и др.) придают особое внимание процессам скрещивания языков. Теория языковых союзов, сформулированная Н.С. Трубецким, объясняет сходство языков их географической близостью (так, в балканский языковой союз входят языки разных ветвей, обладающие многими общими признаками: славянские, румынский, греческий, албанский). Отдельные учёные вообще отрицают сравнительно-исторический метод. Так, основоположник «ново-

го учения о языке» Н.Я. Марр, пытавшийся внедрить в языкознание марксизм, но не обладавший элементарной философской подготовкой, считал сравнительно-историческое языкознание буржуазной наукой, потому что оно привлекало к исследованию языки господствовавших наций.

Однако понятие родства языков остается непоколебленным. Более того, сравнительно-историческое языкознание получило дальнейшее развитие в т.н. ностратической теории, в соответствии с которой можно обнаружить родственные связи между различными семьями, образующими генетическое единство более высокого уровня – макросемью. Термин «ностратические языки» (от лат. *nostras* 'наш' был предложен датским лингвистом Х. Педерсеном ещё в 1903 г., но развитие ностратической теории получила только в 60-е гг. XX в. благодаря работам советских учёных В.М. Иллича-Свитыча, А. Долгопольского, С.А. Старостина и др.

Ностратическая макросемья включает в себя многочисленные языки Европы, Азии и Африки. Она делится на две группы:

Западно-ностратические языки:

Афразийские (семито-хамитские);

Индоевропейские;

Картвельские.

Восточно-ностратические языки:

Алтайские (включает семьи: тюркскую, тунгусо-маньчжурскую, монгольскую, корейскую, японскую);

Дравидийские;

Уральские.

Иногда к ностратической макросемье относят также и эскимосско-алеутские языки.

Все эти языки в древности восходят

к общему ностратическому праязыку. А.А. Старостин, используя методику глоттохронологии, определил, что этот праязык распался 10–12 тыс. лет до н.э. К этому же периоду относится и распад языка-источника афразийских языков, которые, по мнению А.А. Старостина, представляют собой отдельную макросемью.

Существует мнение, что ностратические языки относятся к макросемье более высокого уровня – борейским языкам.

Академик В.В. Иванов считает возможным утверждать, что «сравнительно-исторический метод позволяет путём сравнения праязыков отд. макросемей ... наметить формы вероятного исходного праязыка *Homo sapiens sapiens*, т.е. совр. человека, к-рый после своего возникновения ок. 100 тыс. лет назад мог распасться на диалекты, давшие ок. 40 – 30 тыс. лет назад по мере расселения человека из Африки по Евразии и увеличения числа древних людей начало отд. языкам (праязыкам макросемей); ист. типология помогает вскрыть наиболее вероятные пути формирования языковых категорий» [30]. И далее: «Методы антропологии и примыкающих к ней наук (напр., палеоневрологии, реконструирующей особенности мозга по их отражению на черепках) позволяют ориентировочно отнести возникновение естеств. языка в его членораздельной форме к периоду ок. 100 тыс. лет назад, лежащему между неандертальцами (*Homo sapiens*) и первыми людьми совр. типа (*Homo sapiens sapiens*)» [30]. Поскольку левое полушарие отвечает не только за речь, но и за координацию движений, язык жестов мог предшествовать звуковому языку [30].

Ностратическая теория и связанная с ней теория моногенеза (происхождения всех языков из одного источника) имеют как сторонников, так и противников. Однако в настоящее время гипотеза моногенеза представляет высокую степень вероятности.

Егоров В.Г.

Глобализация и всемирно-исторический процесс

Глобализация, наряду с другими стадиями развития планетарной цивилизации, обусловленными трансформациями социально-экономического качества, является закономерным этапом мировой истории.

Объективной основой современного «витка» международной интеграции стало вступление человечества в информационную эпоху. Интеллектуализация социально-экономического процесса, превращение знания и информации в главный ресурс общественного прогресса актуализировали «прозрачность» пределов национальных и государственных идентичностей. Современное глобальное взаимодействие обусловлено спецификой феномена знания, имеющего ограниченные возможности локализации в собственности или территории. Трудно представить современное знание, являющееся, в силу интеллектуальной ёмкости, результатом коллективной деятельности, ресурсом, принадлежащим стране или группе стран. Даже при наличии буржуазного права, распространяющегося на интеллектуальную собственность, поступательное движение научного освоения действительности можно, в лучшем случае, не-

сколько притормозить, но неизбежно рост интеллектуального потока преодолевает и эти искусственно конструируемые преграды.

Такой исход противоборства соответствующей индустриальной эпохе правовой формы и интеллектуального мейнстрима тем более очевиден, что имплементация знания в качестве общественной доминанты сопровождается революцией в средствах коммуникации. По словам Элвина Тоффлера, интеллектуализация цивилизационного пространства «требуется более свободных, более быстрых потоков информации. Это будет означать, что каналы пересекают друг друга, идут вверх, вниз и в стороны – нервные пути, которые прорываются через окошки в Таблице организации, чтобы люди могли обмениваться идеями, данными, рецептами, намеками, инсайтами, фактами, стратегиями, слухами, жестами и улыбками, которые, оказывается, так существенны для эффективности» [47, с. 229].

Несмотря на новейшую историю своего происхождения, глобализация подготовлена предшествующим ходом мирового исторического процесса. Истоки глобализации уходят в многовековое стремление человечества к экономическому обмену, обусловленному территориальным разделением труда, который, по словам Ричарда Кобдена, «объединяет человечество узами мира» или, по крайней мере, связан с «интеграцией мировой экономики в десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне» [49, с. 25].

В основе глобализации лежат планетарные последствия роста материального производства и индустриализации. Хозяйственное освоение

биосферы планеты, мотивированное безудержным целеполаганием на получение прибыли и порожденным рациональной экономикой гедонизмом, генерировало цивилизационные проблемы, связанные с сохранением среды обитания человечества. Свидетельством наднационального характера проблемы экологической безопасности планеты стало создание ряда всемирных общественных организаций: Фонда дикой природы (WWF), Гринпис, Международной ассоциации «Зелёный крест», движения «зеленых» и т.д.

Всеобщая задача сохранения природы объединила страны с различной культурной традицией и политическим строем глобальной ответственностью за будущее планеты.

Многоликость мирового исторического процесса отвергает все попытки установления абсолютных закономерностей общественного развития. «Основное теоретическое положение, характеризующее соотношение логики общемирового развития и каждого отдельного общества, заключается в том, – пишет Н.И. Смоленский, – что данное соотношение во всех случаях своеобразно, индивидуально и не подходит ни под какое общее правило, кроме одного: общеисторический и локальный варианты развития не совпадают не только – конкретно – исторически, но и в значительной мере логически» [42, с. 25].

Тем не менее «единая логика эволюционизма», не предполагающая универсализацию форм, институтов, процессов и тождество национальных исторических опытов, не отрицает всемирного целеполагания на достижение общечеловеческих непреходящих ценностей: свобо-

ды, равенства и справедливости. В ходе развития планетарной цивилизации эти цели и символы актуализировались в качестве духовных скреп нового этапа мировой интеграции.

Исторически приобретённой характеристикой глобализации является совпадение её интеграционного контекста с тенденциями эволюции доминирующей на планете буржуазной социальной системы. Построенный на рыночных отношениях и рациональных принципах извлечения прибыли капиталистический способ производства обладает двумя имманентными качествами. Во-первых, экспансионизмом и, во-вторых, универсализмом. Ещё А. Смит, К. Маркс и его последователи указывали на зависимость эффективности капитала от масштабов потребительного рынка.

Мир-системный подход Иммануила Валлерстайна с Центром и Периферией мировой силы проецирует эту закономерность на логику современной планетарной реальности [17]. Ведущее положение в мире «Центра», составляющего институциональную основу западной цивилизации или стран «золотого миллиарда», обеспечивается за счёт освоения рынков «Периферии» или развивающихся стран.

Сигналом достижения предельных значений расширения рынков стала Великая депрессия (1929-1933 г.г.). Однако вступление капитализма в финансовую стадию развития, означавшую смещения «центра тяжести» в финансовую сферу, значительно расширило его функциональные возможности, – настолько, что многие интеллектуалы определили безграничную перспективу капиталистической парадигмы планетарного развития [50].

Охватывая рынки, распространяя своё влияние на страны и континенты, капитал стирает традиции, взламывает культурные коды, комодифицирует социальные отношения, перестраивает экономическое пространство на рациональной основе. «Мёртвая рука» рынка и адаптация финансовых систем к императивам мировой планетарной архитектуры выстраивает национальные повестки и стратегии в соответствии с «правилами игры», установленными Центром.

Вестернистский мейнстрим иницирует перемены, «которые в конечном счёте (и достаточно быстро, по историческим меркам) революционизируют, т.е. переделают на новый, капиталистический лад всю человеческую жизнь, переделают *повсеместно и необратимо*. ... *Мир миров*, мир множественных сосуществующих социальных и культурных форм будет преобразован путём распространения этого нового «духа», в мир, организованный на принципах глобальной связности и универсализма, *мир капитализма*», – пишет В.В. Лапкин [29].

Однако, обладая имманентным свойством к самовозрастанию, капитал, «принуждая» к социальной динамике вовлекаемые в глобальный обмен территории, порождает тенденцию, диалектически противоположную собственному развитию. Последний мировой финансовый кризис обнажил пределы капиталистической обусловленности глобализации. В связи с исчерпанностью позитивного потенциала капиталистической перспективы планетарной архитектуры, конструктами которой могут быть основания, интегрирующие мировую многоликость культурных традиций, объекти-

визируется альтернативная парадигма глобальной цивилизации. «Действительно, – пишет А.И. Неклесса, – новая социально-культурная феноменология несводима к какой-либо одной известной, исторически реализованной цивилизации, культурно-историческому типу или идеологической системе. В драматичных событиях последнего времени проступает контур какой-то иной, по-своему целостной, хотя не слишком внятной семантики. То есть не исключено, что находясь на кромке ветшающей исторической конструкции, мы присутствуем при зарождении вполне определённой цивилизационной альтернативы со своим ценностями, законами и логикой социальных институтов» [37].

Начертание «не вполне внятной» модели будущей глобальной архитектуры не входит в круг задач настоящей работы. Однако заметим, что начавшие проявляться тренды мирового развития позволяют говорить о некоторых чертах «постсовременности»: депривации материальных факторов экономики, преодолении социальных деструкций, связанных с несовершенством распределения, ассимиляции демократией подлинного народовластия, сублимации институтов планетарного миропорядка, гармонизации общества и природной среды. Учитывая уровень глобальных проблем, имеющих пролонгированный характер, скепсис относительно указанных нарративов фактически граничит с депривацией перспективы планетарной цивилизации. «Формы современной жизни, – говорит Зигмунт Бауман, – могут различаться по ряду аспектов, но их общей чертой является хрупкость, скоротечность, уязвимость и постоян-

ная изменчивость». При этом конкретная «модель глобального общества, глобальной экономики, глобальной политики, глобальной правовой системы» пока не просматривается.

«Казавшийся прочным каркас, на котором держалась плоть истории, – говорит З. Бауман, – разорван на части, и ни один институт – ни на первый взгляд, ни при тщательном рассмотрении – не в состоянии собрать их воедино. «Экономические интересы» вновь, как и во времена отделения предприятия от домохозяйства (которое Маркс Вебер позже определил как момент зарождения индустриальной революции и современного капитализма), оказались в движении и имеют все меньше точек привязки, материальных или концептуальных, которые удерживают их на месте или ограничивают выбор траектории. С точки зрения времени они переходят из одного кризиса в другой, что говорит об очередном раунде перераспределения глобального богатства и перегруппировки глобальных сил. С точки зрения пространства они смещают локальные центры глобальных кризисов: капитализм следует модели паразитических жизненных форм – «организмы-хозяева», приближающиеся к истощению, лишаются своих активов, которые уже не обещают быстрой прибыли от инвестиций, оказываются брошенными на произвол судьбы» [35].

Альтернативный социалистический «проект», способный восстановить целостность всемирно-исторической «ткани», может актуализироваться в обновлённой семантике, имеющей с прежним опытом его реализации сходство лишь в целях построения социально гармоничного общества. Од-

нако современное прочтение социалистической альтернативы предполагает безусловность нескольких императивов: преодоления отчужденности от труда и его результатов и несправедливого распределения на основе достижения «высшей производительности труда» 31], а также и технологического уровня, позволяющих ликвидировать неравенство в потреблении. Целеполагание на реализацию практик, связанных с указанными императивами, невозможно в рамках территориальных локализаций, но способно детерминировать содержание глобальной тенденции мирового развития.

Финансовая стадия капитализма породила адекватную социальную страту – интернациональную элиту, интересы которой консолидируются вне границ национальных государств. По выражению Ж. Аттали, эта группа «граждан мира» стала «новыми кочевниками», для которых не существует границ и культурной «осёдлости» [4].

О могуществе финансовой олигархии, выходящем далеко за пределы государств, говорят несколько фактов: «В последние десятилетия прошлого века стоимость ценных бумаг развитых капиталистических стран увеличивалась примерно на 6% в год, что вдвое опережало рост выпуска товаров. Совокупная стоимость финансовых активов стран-членов ОЭСР на рубеже веков превышала общий объем их производства в два раза. В 2009 г. стоимость мирового ВВП достигла 55 трлн. долл., в то время как общая стоимость деривативов всех видов составила абсурдную цифру в 900 трлн. долл.» [23].

Универсализация пространства обращения финансов, предполагающая

депривацию национальных и государственных идентичностей, создаёт ложное представление о тождестве глобализации (как объективного процесса) и намерения мировой финансовой элиты «оседлать» её конструктивные результаты. При этом для достижения контроля за глобальными финансовыми потоками, требующего прозрачности государственных границ и управления политическими процессами, международный финансовый интернационал одинаково успешно использует как ресурс глобализации, так и регионализации. «Продвижение глобалистских интересов (финансовой элиты. – прим. авт. – В.Е.) связано со стремлением исключить саму возможность появления внутри государств и их союзов локальных субъективных факторов, оппозиционных глобальному, т.е. олигархии. В суверенных странах ее интересы проводятся «пятой колонной» в лице компрадорской «смычки» части политических, деловых и научных элит, а также крупных СМИ и НПО с иностранным финансированием, относящих себя к так называемому глобальному гражданскому обществу» [39, с. 12].

Инкорпорированность финансовой олигархии в мировой интеграционный процесс институализирована в соответствующих структурах. Основу институтов, «вершающих судьбы планеты», составляет симбиоз лондонского Королевского института международных отношений (Chatham House) и американского Совета по международным отношениям (CFR или СМО).

В 70-е гг. прошлого столетия структуры финансового интернационала пополнил Бильдерберский клуб, Трёхсторонняя комиссия и Римский клуб,

имеющие функциональную специализацию.

Всеобщая тенденция мировой интеграции активно используется центрами мировой силы с целью достижения локального или планетарного лидерства. И если генерирование сообществ стран со схожими естественными условиями, культурными традициями, политическими предпочтениями имеет основание в виде объективного процесса регионализации, то попытки гегемонизма в масштабах всей планеты обречены на неудачу. Кру-

шение биполярного мира инициировало внешнеполитическую стратегию Вашингтона на установление полного господства на планете. Однако гегемонистские планы США, продавливающих национальные интересы в качестве контента глобализации, вступают в противоречия с интересами мирового сообщества. Результаты опроса населения планеты Международным исследовательским Центром Гэллапа (Gallup International) проведённого в 2014 г., красноречиво подтверждают сказанное [26, с. 278].

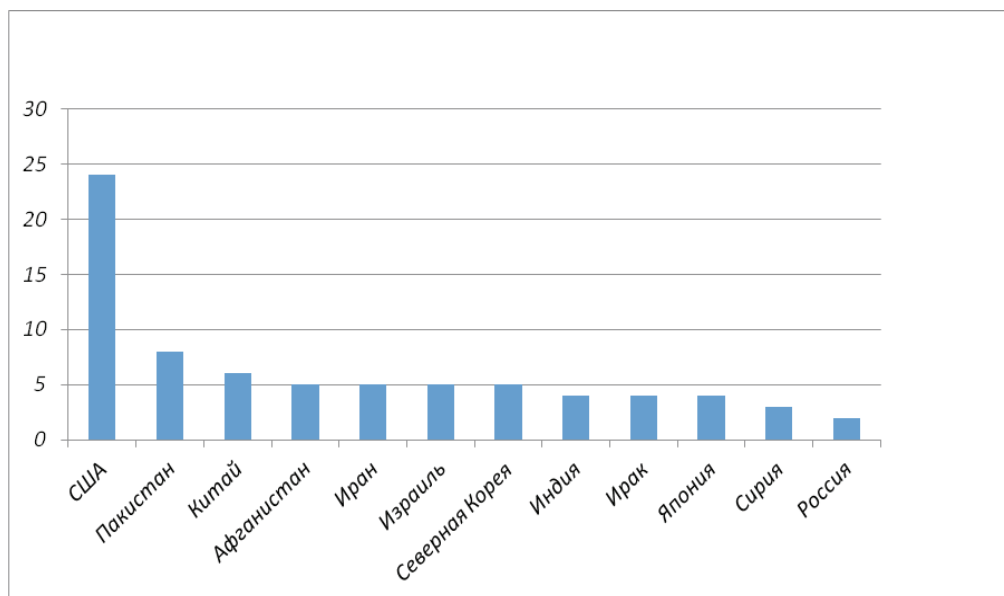

Диаграмма 1. Распределение ответов на вопрос: Какая страна, по Вашему мнению, представляет наибольшую угрозу миру?
(Не представлены варианты ответов «Другое» и «Затрудняюсь ответить»)

Монополярная архитектура не соответствует «культурному концерту» планеты, а локализация тенденции глобализации искусственно выстроенными границами политических предпочтений одной страны актуализирует возможность inferнального сценария планетарной перспективы.

Таким образом, глобализация составляет одно из закономерных направлений всемирно-исторического процесса, проявляющееся и развивающееся в единстве с противоположным, но также закономерным вектором общественной эволюции – регионализацией. Современная тенденция

мировой интеграции подготовлена предшествующим ходом развития планетарной цивилизации.

Как и всегда случалось в истории, социальные новации используются «уходящими» силами, стремящимися использовать ресурс нового для продления своего присутствия на «исторической сцене» и нарождающимися силами, способными обеспечить цивилизационный прогресс. Противоборство встречных потоков социальной силы, актуализировавшееся в современном мейнстриме глобализации, может стать источником поступательного движения человечества или «закатом истории».

Бруз В.В.

Бильдербергский клуб – история и политика в отношении России

Интерес к Бильдербергскому клубу вызван отнюдь не праздным любопытством. Объясняется это, прежде всего, составом его участников, целями и задачами организации и тем влиянием, которое она оказывает на процессы, происходящие в мире.

Бильдербергский клуб, как говорится на недавно появившемся его официальном сайте, – это ежегодная трёхдневная конференция, направленная на укрепление диалога между Европой и Северной Америкой [38].

Появление этой организации связано с кардинальными изменениями, происшедшими в мире после окончания Второй мировой войны, началом объединительных процессов в Европе, возникновением недопонимания между Старым Светом и США, а также

ростом коммунистического движения, порождавшего стремление Запада противостоять «коммунистической угрозе». Для решения этих задач необходимо было более тесное сотрудничество.

Идея проекта такого сотрудничества принадлежит одному из основоположников «европейского единства», генеральному секретарю «Европейского движения» Джозефу Ретингеру, стремившемуся, как он позднее написал в мемуарах, «подчинить весь мир европейскому идеалу» [3]. Д. Ретингер имел контакты с самыми влиятельными политическими лидерами Западной Европы того времени, в том числе с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем и канцлером Западной Германии Конрадом Аденауэром, которые оказывали Д. Ретингеру поддержку и покровительство во всех его начинаниях [3].

Проект создания площадки для неформального общения крупных политиков и предпринимателей из европейских стран и США, своего рода клуба для продвижения по миру «западных ценностей», Д. Ретингер предложил голландскому принцу Бернардусу.

Своё видение политических целей и задач этого клуба Д. Ретингер изложил в преамбуле разработанной им концепции. Суть сводилась к тому, что, с геостратегических позиций, главным и естественным врагом англосаксов на пути к мировой гегемонии является Россия. Для того чтобы установить контроль над этой страной, необходимо выработать стратегию, в соответствии с которой США и их союзники должны, как анаконда, сдавливать Россию со всех сторон: с запада – Германия и Великобритания, с востока –

Япония. На южном направлении надо создать государство-вассал, которое, раскинувшись между Каспийским, Чёрным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом, плотно закрыло бы выход России к Индийскому океану. Такого государства пока не существует, но нет причин, чтобы оно не появилось в будущем [3].

Многие исследователи отмечают, что изначально в организации конференций значительную роль сыграло ЦРУ, – прежде всего, в виде финансовой поддержки самого мероприятия [8].

Первая встреча состоялась в отеле Бильдерберг в Остербеке (Нидерланды), она проходила с 29 по 31 мая 1954 г. Представители экономической, социальной, политической областей и сферы культуры были приглашены для проведения неофициальных дискуссий, с тем, чтобы лучше разобраться в сложных проблемах и главных тенденциях, затрагивающих западные страны в трудный послевоенный период [38]. Обращаясь к участникам конференции, принц Бернард так определил её формат: «Мы предлагаем вам совершенно искренне и открыто обмениваться мнениями. Дословных цитат зафиксировано не будет. Прессы не будет, так что вы можете дать себе волю, если вы позволите мне так выразиться» [9].

Со временем встречи стали форумом для обсуждения широкого диапазона тем – от торговли до рабочих мест, от валютной политики до инвестиций и от экологических проблем до задачи обеспечения международной безопасности [38].

Написавший биографию принца Бернарда А. Хэтч утверждает, что

Бильдербергский клуб являлся колыбелью Европейского сообщества – позднее переименованного в Европейский Союз [9].

На протяжении более шестидесяти лет, ежегодно 120-150 представителей американской и западноевропейской элиты – крупнейших политических деятелей, банкиров, руководителей транснациональных корпораций, интеллектуалов-аналитиков – экономистов и политологов, а также представителей средств массовой информации приглашаются принять участие в конференции. Примерно две трети участников – из Европы и остальные – из Северной Америки; одна треть от политики и правительств, а остальные – из других сфер [38].

Совещания проводятся по правилу «Чатем-Хаус», в соответствии с которым участники могут свободно использовать полученную информацию, но ни личность, ни принадлежность докладчика(ов), ни каких-либо других участников разглашать не могут [38].

На каждое заседание Бильдербергского клуба, в зависимости от меняющейся международной обстановки, приглашаются новые участники. Однако, как свидетельствует участник Бильдербергской конференции 1999 г. в Португалии, бывший министр обороны Нидерландов Франк де Храве: «Попасть туда можно только по приглашению. Нельзя напроситься самому, послать своё резюме – об этом можете забыть...» [9].

Структура Бильдербергского клуба, как полагают некоторые исследователи, включает в себя три круга. «Внешний круг» объединяет до 80% участников собраний. Члены этого круга знают только часть реальной

стратегии и истинных целей организации. Второй круг, более закрытый, – Комитет управления (Steering Committee), состоящий из 35 человек, знакомых с задачами группы примерно на 90%. Узкий круг – Консультативный комитет (Advisory Committee), состоящий примерно из десяти человек, досконально знающих подлинные цели и стратегию организации и обладающих всеми полномочиями по делам группы в период между её ежегодными заседаниями [7].

Считается, что актив клуба объединяет 383 человека, треть из которых – американцы, – представители аппарата Президента США, Госдепартамента, крупнейших корпораций, банков и деловых кругов, а остальные – европейцы. Фактически руководителем Бильдербергского клуба является Д. Рокфеллер, формальным председателем – американец П. Каррингтон. Кроме того, клуб имеет двух «достопочтенных генеральных секретарей»: одного – по Европе и Канаде, другого – по США. Штаб-квартира Бильдербергского клуба находится в Нью-Йорке, в помещении Фонда Карнеги. Организацию совещаний и безопасность участников обеспечивает та страна, на территории которой собираются члены клуба [9].

Один из наиболее авторитетных исследователей Бильдербергского клуба, журналист и писатель Даниэль Эстулин, автор книги «Подлинная история Бильдербергской группы», называет среди участников этой организации таких представителей мировых элит, как Дэвид Рокфеллер, Эдмунд де Ротшильд, Пол Волфовиц, Генри Киссинджер, Джордж Сорос, Руперт Мердок, Алан Гринспен, Валери Жискар

д'Эстен, Ангела Меркель, Билл Клинтон, Гордон Браун, Дональд Рамсфельд, Збигнев Бжезинский, Маргарет Тэтчер, Романо Проди, Роберт Макнамара и других глав государств, влиятельных сенаторов, конгрессменов и парламентариев, генералов Пентагона и НАТО, членов Европейских королевских семей, знаковых медийных личностей. Туда постепенно вводятся и другие участники, такие, как Барак Обама и многие высокопоставленные чиновники его правительства. Также в группе всегда хорошо представлены руководители из Совета по международным отношениям, МВФ, Всемирного Банка, Трёхсторонней комиссии, Евросоюза, и могущественные банкиры из Федерального резерва и Европейского Центрального Банка [41].

Обращает на себя внимание тот факт, что практически все известные участники Бильдербергского клуба занимают по отношению к нашей стране, мягко говоря, недружественную, а часто – откровенно враждебную позицию. Видимо, этим объясняется и то, что на заседаниях клуба Россию представляют участники, известные своей прозападной ориентацией. Это А. Чубайс, Г. Каспаров, Г. Явлинский, сотрудники Центра Карнеги Л. Шевцова и Д. Тренин, Е. Немировская и другие. В 2015 г. Россию представлял С. Гуриев из Открытой России Ходорковского, эмигрировавший во Францию.

Руководители крупнейших мировых СМИ, как правило, присутствуют на встречах клуба или присылают своих представителей. Они хорошо информированы о программе этих встреч, однако никогда не рассказывают об этом в своих СМИ. В этой связи интересное высказывание Д. Рокфелле-

ра приводит в книге «Матрица власти» американский писатель, исследователь Дж. Максвелл. Выступая 8 июня 1991 г. на встрече Трёхсторонней комиссии в Эссене (Германия), Д. Рокфеллер сказал: «Мы благодарны The Washington Post, The New York Times, Time Magazine и другим крупным изданиям, чьи директора посещали наши встречи и уважали своё обещание сохранить конфиденциальность на протяжении почти сорока лет. Нам было бы невозможно разработать наш план для всего мира, если бы он был предан огласке в те годы. Но теперь мир стал сложнее и он готов идти к мировому правительству. Наднациональная верховная власть интеллектуальной элиты и банкиров мира, несомненно, более предпочтительна, чем национальное самоопределение, практиковавшееся в прошлые столетия» [74, с. 15, 16]. Анализ даже весьма ограниченного круга источников, касающихся Бильдербергского клуба, даёт основания для серьёзного отношения к таким высказываниям, учитывая изменения, происходящие в современном мире.

По мнению Д. Эстулина, Бильдербергская группа стремится ликвидировать национальный суверенитет и заменить его всемогущим глобальным правительством, которому будут подконтрольны корпорации и вооружённые силы [41].

Наряду с этой точкой зрения, которую разделяют многие исследователи, существуют и другие. Так, по мнению британского экономиста Уилла Хаттона, Бильдербергский клуб не является исполнительным советом. У. Хаттон не без основания полагает, что достигнутый на каждой встрече клуба консенсус является фоном, на котором принима-

ются политические решения во всём мире. То, что решает Бильдербергский клуб, может быть реализовано позднее на встрече Большой восьмёрки, а также Международным валютным фондом, Всемирным банком [9] и другими международными организациями.

Авторы «Энциклопедии знаков и символов» утверждают, что уже на первом заседании клуба, на котором присутствовали Д. Рокфеллер, президент Фонда Карнеги Д. Джонсон, председатель Корпорации Баруха Д. Колеман и др., был принят целый ряд документов, в которых формулировалась программа создания нового мирового порядка, а также конкретные пункты стратегической деятельности Запада по отношению к СССР и странам третьего мира. Каждому приглашенному выделялось 8 минут на выступление, но основное общение происходило вне официальных заседаний [9].

Сотрудник Нидерландского института военных документов NIOD Херард Аалдерс, основываясь на обнаруженных им в лондонском архиве секретных протоколах заседаний клуба, в частности отмечает, что в протоколах 1999 г. речь идёт о Косово. Имен выступающих не указано. Вместо этого – просто «Выступающий-1 сказал то-то, выступающий-2 сказал то-то» [7]. Таким образом, теперь совсем небезосновательно выглядят обвинения Бильдербергского клуба в развязывании войны на Балканах. Интерес США к контролю над балканскими трубопроводами проявляется всё более отчётливо. Под этим углом следует рассматривать и захват Ирака.

Немногие протоколы заседаний, оказавшимися в распоряжении некоторых изданий, свидетельствуют о том,

что «бильдербергцы» особо пристальное и предвзятое внимание уделяли СССР и «угрозе» распространения коммунистических идей на планете. Так, например, по данным И.Г. Атаманенко, среди вопросов, обсуждавшихся на конференции в 1955 г., – отказ Советскому Союзу во вступлении в НАТО. 1962 г. – Карибский кризис, советские ракеты на Кубе. 1964 г. – внутриполитическая обстановка в СССР в связи с отстранением Хрущева от власти. 1980 г. – ввод советских войск в Афганистан, адекватные меры Запада, резолюция по отказу от участия в Олимпийских играх в Москве. 1985 г. – поддержка инициативы Горбачева по оздоровлению экологической обстановки в Советском Союзе, предоставление СССР займов МВФ. 1989 г. – работа с окружением Горбачева. 1991 г. – попытка переворота в СССР, упредительная реакция США и Западной Европы на возможное отстранение Горбачёва от власти, выработка единой платформы в отношении курса Ельцина [3].

Сегодня, по прошествии многих лет, можно уже оценить, насколько правительства стран Западной Европы придерживались установок, выдвинутых Бильдербергским клубом.

Среди относительно недавних событий хотелось бы обратить внимание на решение Бильдербергской конференции 1985 г., касающееся поддержки инициативы М.С. Горбачёва по оздоровлению экологической обстановки в Советском Союзе. Реализация этой инициативы, при активной поддержке появившихся многочисленных отделений «зелёных», направляемых «Гринпис», путём заказных публикаций, теле и радиопередач, спровоцировавших

у населения страны страх перед повальным заражением сальмонеллёзом, привела к тому, что в 1987 г. советский птицепром рухнул, а страну наводнили «ножки Буша».

Следующий удар «зелёные» нанесли по отечественным овощам и фруктам, якобы перенасыщенным нитратами. В результате прилавки заполнились продукцией из Голландии, Бельгии, Франции. В итоге сельское хозяйство было уничтожено. А «зелёные», выполнив свою задачу, исчезли.

По информации хорошо осведомлённого эксперта по Бильдербергскому клубу Д. Эстулина, «головной болью» Бильдербергской конференции в мае 2012 г. был президент России В. Путин из-за его «противодействия войнам в Сирии и Ираке», «агрессивного неприятия окружения России американскими базами», «упорстве в установлении полного государственного суверенитета», планов по прокладке ещё одного газопровода в Европу («Южного Потока»), который «мог превратиться в главную победу России» – за счёт конкурирующих проектов (трубопровода «Набукко»), поддерживаемых Бильдербергским клубом, а также из-за идеи Путина по созданию «мощного наднационального союза между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [61].

По словам Д. Эстулина, на этой конференции «... один из европейских участников Бильдербергского клуба открыто признал, что «Путин – безоговорочно самый грозный оппонент нашим планам на мировой арене». Моральная позиция Путина, состоящая в «защите и продвижении национальных интересов России» [61], существенно осложняет позицию бильдербержцев.

Иными словами, Путин ничего плохого не делал, и участникам Бильдербергского клуба это известно. Но он стоит на пути «наших планов», каковы бы они ни были. Как говорится, ничего личного, только бизнес.

Таким образом, Бильдербергский клуб представляет собой международную организацию, оказывающую огромное влияние на мировую политику. Россия, как ранее Советский Союз, рассматривается бильдербержцами в качестве недружественной силы, стоящей на пути реализации их планов. В настоящее время это противостояние серьёзно обострилось. Объявленные США, Канадой и Евросоюзом санкции против нашей страны – ещё одно тому подтверждение.

Штоль В.В.

Европейский союз – надолго ли?

На протяжении своей многовековой истории на Европейском континенте шли как интеграционные, так и дезинтеграционные процессы. Поводы и идеи их были разные, но в результате появлялись то крупные объединения европейцев, то суверенные государства в той или иной конфигурации, а их народы без учёта своего ареала оказывались гражданами разных стран, а чаще всего становились разделёнными народами (греки, немцы, французы, поляки, южные славяне и т.д.).

Ещё до новой эры в Европе образовалась Римская империя, к II в. н.э. владевшая наибольшими европейскими территориями. Империя пала в IV в. н.э. под натиском варваров и восстаний покорённых народов. Но уже

в конце следующего века возникло Франкское государство, ставшее империей во времена Карла Великого из династии Каролингов (742–814 гг.). Это раннефеодальное государство включало почти всю Западную и часть Центральной Европы, в середине IX в. разделённое между наследниками Карла Великого. Следующим большим объединением в Европе была Священная Римская империя германской нации (962–1806 гг.). В неё входили территории Германии, Северной и Центральной Италии, Чехии и некоторых регионов Франции. Священная Римская империя рассматривалась как наследница античной Римской империи и Франкской империи Карла Великого. В средние века, когда императорами Священной Римской империи были представители династии Габсбургов (1438–1806 гг.), в это многонациональное государство входила и территория современной Австрии.

В начале XIX в. Европа была объединена под властью Наполеона. Как писал академик Е.В. Тарле, Наполеон, став французским императором и начав завоевание Европы, «великолепно различал, что он делает во Франции и для Франции, для “старых департаментов”, в качестве французского государя, от того, что он делает в качестве императора Запада, короля Италии, протектора Рейнского союза и т.д. и т.д. Первое он считал прочным, имеющим долгую жизнь, второе держится, пока он жив» [43, с. 240].

Французская империя (как объединённая Европа) держалась не только на штыках, но и на экономике. Экономическая политика Бонапарта «вполне соответствовала его общей политике. Превращаясь в результате захватниче-

ских войн из императора французов в императора Запада, стремясь расширить свои владения до Египта, Сирии, Индии, он и в области экономической политики решительно подчинял эти «новые департаменты» интересам «старых департаментов», другими словами, той Франции, которую он застал 18 брюмера, когда сделался самодержцем» [43, с. 246].

С первых дней своего правления Наполеон жёстко проводил свою линию – «есть экономические интересы «национальные» и есть интересы всего остального человечества, которые должны быть не то что подчинены, а просто принесены в жертву национальным... Вся завоёванная империя – своя собственная, поскольку можно от неё требовать рекрутов, налогов, содержания войска и т.д., но чужая, поскольку нужно стараться, чтобы бельгийские, немецкие, голландские металлурги, текстильные и водочные фабриканты не смели конкурировать с французами как в старой Франции, так и у себя дома...

Нечего и говорить о тех завоеваниях, которые, по наполеоновским соображениям, сохраняли фикцию *отдельного* существования от Франции: Италия, где Наполеон был королём, Швейцария, где он был «медиатором», Рейнский союз (Бавария, Саксония, Вюртемберг, Баден и т.д.), где он был «протектором», Вестфальское королевство, т.е. конгломерат средне- и северогерманских государств, куда он посадил королём своего брата Жерома, Польша, куда он посадил своего вассала, саксонского короля, и т.д. и т.д., – всё это должно быть рынком сбыта или рынком сырья для французской промышленности» [43, с. 246, 247].

После поражения Наполеона Европа вновь вернулась к своим старым границам и к не менее застаревшим конфликтам. Венский конгресс (1814–1815 гг.) прошёл под знаком победы русского оружия, закрепив ведущую политическую роль России на континенте. Было принято говорить, что при Николае I и Александре III ни одна пушка не может выстрелить в Европе без согласия русских императоров. Это волей или неволей признавали все монархи Западной Европы.

В XX в. вопрос объединения Европы не потерял своей актуальности. Первая мировая война и Версальский мир не только не решили предвоенных проблем, но во многом усугубили их. После прихода Гитлера к власти вопросы территориальной экспансии стали краеугольным камнем идеологии Третьего рейха. Они динамично видоизменялись от пересмотра условий Версальского договора в части возврата немецких земель и колоний Германской империи до переориентации решения всех вопросов территориального расширения Рейха в основном за счёт Восточной, а не Западной или Южной Европы, как при кайзере Вильгельме II.

В свете борьбы за территорию и ресурсы востребованными оказались разработки немецкой школы классической геополитики, в частности концепции борьбы за «жизненное пространство» (*der Lebensraum*), которая пользовалась поддержкой всей нации и в конечном счёте оправдывала необходимость ревизии унизительного для Германии Версальского мирного договора.

Первоначально представители немецкой школы геополитики рассма-

тривали «жизненное пространство» исключительно как территорию компактного проживания немцев в Германии и за её пределами, т.е. продолжали в каком-то виде основную линию политики О. Бисмарка на объединение страны.

Взгляд А. Гитлера на проблему восторжества территорий был иным. После Мюнхенского сговора (30 сентября 1938 г.) все устремления Третьего рейха были направлены на решение проблемы «жизненного пространства» исключительно за счёт *Drang nach Osten*, а не только объединения территорий с немецким населением.

Поэтому история Европы в XX в. с точки зрения интеграции и дезинтеграции не менее драматична, чем в предшествующие века. В Европе начались две мировые войны, причём сначала как войны чисто локальные. Здесь между войнами «вакуум силы» пытался заполнить Третий рейх, а после Второй мировой – СССР.

За столетие этот регион пережил три общественно-политические модернизации. Первая закончилась утверждением авторитарных и фашистских режимов (межвоенный период); вторая была связана с установлением демаркационной линии между западной демократией и народной демократией. А затем началась третья, связанная с желанием центральноевропейских правящих элит доказать миру, что в цивилизационном плане они тоже «принадлежат» Западу. Причём это осуществлялось под лозунгом «возвращения в Европу» через вступление в НАТО и Европейский союз.

В XXI в. эта тенденция продолжилась, при этом обнаружилась чёткая разница между «старой» Европой и

«новой». Однако политическая целесообразность в Европейском союзе берёт верх и над национальными и над социально-экономическими разногласиями.

Важнейшей предпосылкой успешного развития европейской интеграции стала **единая правовая база** (*aquis communautaire*) и система общих институтов, имеющих отчасти межгосударственный, наднациональный характер, наделённых правом принятия обязательных решений и контроля за их исполнением.

Первооснову права Европейских сообществ (в настоящее время Европейского союза) составляют договоры, учредившие три сообщества – *Европейское объединение угля и стали (ЕОУС)*, *Европейское экономическое сообщество (ЕЭС)* и *Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом)*, а также *Единый европейский акт (ЕЕА)*, *Маастрихтский*, *Амстердамский* и *Ниццкий договоры о Европейском союзе*. К числу основных правовых актов относятся договоры о создании единого Совета и единой Комиссии Европейских сообществ – Договор о слиянии¹ (8 апреля 1965 г.) и договоры между ЕС и вступающими в него государствами [24].

В качестве **этапов развития европейской интеграции** можно выделить следующие:

Декларация Шумана. Формально датой рождения объединённой Европы является 18 апреля 1951 г., когда в Париже был подписан Договор об ЕОУС.

Однако идеи европейской интеграции неразрывно связаны с итога-

¹ Договор о слиянии вступил в силу 1 июля 1967 г. [24]

ми Второй мировой войны. Одним из инициаторов европейского объединения был У. Черчилль. В своей речи о трагедии Европы (Цюрихский университет, 19 сентября 1946 г.) он призвал европейцев покончить «с национальными распрями», прежде всего с франко-германским антагонизмом, и создать на континенте «нечто вроде Соединённых Штатов Европы».

Начало европейской интеграции положила Декларация Роберта Шумана (9 мая 1950 г.), который, будучи министром иностранных дел Франции, обратился к правительству ФРГ с предложением начать новую главу в отношениях между двумя государствами, создав франко-германское объединение угля и стали.

Декларация Шумана, разработанная при активном участии известного французского «европеиста» Жана Монне, призывала к созданию «общей основы экономического развития, которая явится первым шагом к Европейской федерации», обеспечивающей мир, экономический рост и улучшение условий жизни европейского населения.

Основные положения концепции Монне – Шумана следующие: вместо Европы, раскалываемой националистическими распрями, необходимо создать единую миролюбивую Европу на принципах демократии, экономического благосостояния и социального консенсуса, мира и равноправного сотрудничества.

Единая Европа должна строиться постепенно, начиная со сферы экономики, не затрагивая такие сферы государственного суверенитета, как национальная безопасность, оборона, внешняя политика и т.п. В дальнейшем

евроинтеграция шла от таможенного союза к единому внутреннему рынку, а затем к экономическому и валютному союзам.

Некоторые западноевропейские государства, приняв в условиях холодной войны концепцию Монне – Шумана и разделяя цели и принципы объединения Европы, придерживались иных взглядов на его конкретные формы. Это относилось прежде всего к Великобритании, создавшей в 1960 г. совместно с Австрией, Данией, Норвегией, Португалией, Швейцарией и Швецией Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ).

Итак, первым этапом современного объединения Европы стал *Договор об учреждении ЕОУС*, который был разработан в соответствии с решениями Межправительственной конференции (Париж, июнь 1950 г.) при участии Франции, ФРГ, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Италии¹. Основные цели Договора – создание общего рынка угля и стали, модернизация и повышение эффективности производства в угольной и металлургической отраслях, а также улучшение условий труда и решение проблем занятости. При этом участники Договора ставили перед собой и более серьёзные цели на перспективу: создать условия для объединения европейских народов, содействовать их экономическому и социальному прогрессу. Договор заложил институциональную основу европейской интеграции.

25 марта 1957 г. те же государства подписали в Риме два договора, уч-

¹ Договор ЕОУС подписан 18 апреля 1951 г. сроком на 50 лет и после ратификации всеми странами-участницами вступил в силу 23 июля 1952 г. [24].

редивших *Европейское экономическое сообщество (ЕЭС)* и Евратом (так называемые Римские договоры)¹.

Главные цели Договора о ЕЭС – создание таможенного союза и общего рынка, предусматривающего:

- свободное движение товаров, лиц, капиталов и услуг на территории Сообщества;
- введение общей политики в области сельского хозяйства;
- гармонизацию национальных законодательств;
- сближение экономической политики, условий труда и жизни и т.д.

Для реализации целей ЕЭС был избран вариант ступенчатого снижения общего уровня таможенных тарифов во взаимной торговле, начиная с 1 января 1959 г. В итоге 1 июля 1968 г. внутренняя торговля в Сообществе стала беспоплатной, а на его внешних границах введён Общий внешний таможенный тариф.

Евратом учреждался для объединения усилий в развитии ядерной энергетики в мирных целях.

С момента вступления в силу Римских договоров существовали три различных сообщества – ЕОУС, ЕЭС и Евратом, которые объединяли одни и те же государства, но функционировали автономно по своим учредительным документам. Наряду с органами управления, действующими в рамках соответствующего сообщества, были созданы два института – Парламентская ассамблея и Суд Европейских сообществ.

Следующими этапами европейской интеграции стали:

– слияние в 1967 г. высших органов трёх сообществ в единые Совет ЕС и Комиссию ЕС, которые вместе с Европейским парламентом и Верховным судом ЕС образовали современную институционную структуру Евросоюза;

– подписание четырёх двусторонних договоров о вступлении в Европейские сообщества Великобритании, Дании, Ирландии и Норвегии. Норвегия так и не вошла в ЕС.

В 1971 г. Европейское сообщество приняло *план перехода к Экономическому и валютному союзу* (так называемый «план Вернера»)².

План создания Экономического и валютного союза не был реализован из-за решения Вашингтона (1971 г.) прекратить свободную конвертацию доллара в золото, что привело к расстройству международной валютной системы, а также четырёхкратное повышение цен на нефть, осуществлённое государствами-экспортёрами в течение 1973–1974 гг. и повлёкшее за собой резкий рост цен на промышленную продукцию, нарушение платёжных балансов и т.д.

В этих условиях Сообществу пришлось решать задачи «выживания» – сохранения достигнутого уровня интеграции, преодоления усилившихся протекционистских тенденций и сепаратистских действий государств-членов.

Но оказалось, что Сообщество обладает достаточным запасом прочности и политической воли, позволившим преодолеть критическую ситуацию. В 1974 г. был создан новый институт – Европейский совет на уровне глав государств и правительств.

¹ Римские договоры (от 25 марта 1957 г.), учредившие ЕЭС и Евратом, вступили в силу с 1 января 1958 г. и являются бессрочными [24].

² План назван по имени автора проекта, премьер-министра Люксембурга Пьера Вернера [24].

Сообщество приступило к осуществлению политики регионального развития, а её главным инструментом стал *Европейский фонд регионального развития (ЕФРР)*, созданный в 1975 г.

В течение 1978–1979 гг. была введена *Европейская валютная система*, основными элементами которой явились механизм поддержания стабильных обменных курсов национальных валют государств-членов и общая денежная единица ЕС – ЭКЮ.

В 1979 г. состоялись первые прямые выборы в Европейский парламент. В 1984 г. была начата реформа общей сельскохозяйственной политики и принята Первая рамочная программа научно-технического развития на 1984–1987 гг., положившая начало координации действий и сотрудничеству государств-членов в этой области.

В середине 80-х гг. Сообщество вступило в новый этап – *завершение формирования Единого внутреннего рынка ЕС (ЕВР)*. Для решения этой задачи Комиссия ЕС подготовила подробную программу практических действий, которая содержала около 300 мероприятий, охватывавших все направления экономической политики, с указанием сроков их выполнения. Правовой базой программы стал *Единый европейский акт (ЕЕА)*¹, который был подписан 12 государствами-членами (Люксембург и Гаага, февраль 1986 г.) и предусматривал создание (декабрь 1992 г.) единого внутреннего рынка со свободным движением товаров, услуг, капиталов и лиц. ЕЕА внёс в учредительные договоры дополнения, особенно в Договор о ЕЭС, включив задачи:

– содействие экономическому и социальному сплочению стран-участниц;

– развитие сотрудничества в таких сферах, как наука и технология, окружающая среда, внешняя политика и т.д.

Дальнейшая стратегия развития интеграции была разработана с учётом следующего:

– очередной практической целью стал переход к созданию экономического и валютного союза;

– в связи с изменениями в странах ЦВЕ в 90-е гг. XX в. открылись новые перспективы пространственного расширения европейской интеграции;

– курс на расширение выявил необходимость консолидации ЕС.

Исходя из этого сообщество разработало стратегию, связанную с углублением и расширением европейской интеграции.

Цели и программа *развития интеграции «вглубь»* были определены в *Договоре о Европейском союзе* (Маастрихт, 1992 г.)². Важной целью Маастрихтского договора было создание Экономического и валютного союза. Две другие цели – переход к общей внешней политике и политике безопасности; сотрудничество государств-членов в области внутренней политики и правосудия.

Конкретно Маастрихтский договор предусматривал:

– введение европейского гражданства и предоставление гражданам государств-членов права избирать и быть избранными как в местные органы власти, так и Европарламент; дальнейшая демократизация процесса

¹ ЕЕА вступил в силу 1 июля 1987 г. [24].

² Договор о Европейском союзе был подписан 7 февраля 1992 г. и вступил в силу с 1 ноября 1993 г. [24].

принятия решений в Союзе; усиление защиты прав и интересов всех граждан; курс на subsidiarity применения интеграционных мероприятий;

- расширение полномочий Европарламента;

- переход к общей политике и общей политике безопасности, чтобы поднять роль ЕС в обеспечении мира и безопасности в Европе и за её пределами;

- сотрудничество в области юстиции, правопорядка и внутренних дел;

- расширение сотрудничества в социально-экономической сфере, а также в области культуры и образования.

Маастрихтский договор был пересмотрен и дополнен дважды – в Амстердаме (1997 г.) и Ницце (2000 г.).

Амстердамский договор (изменяющий Договор о Европейском союзе, договоры, учреждающие Европейские сообщества, и некоторые относящиеся к ним акты) был подписан 2 октября 1997 г. Он дополнил текст Маастрихтского договора разделом по вопросам осуществления общей внешней политики и политики безопасности. В Договор включён раздел, посвящённый соблюдению государствами – членами ЕС принципов демократии, прав человека и приоритета законности, созданию «пространства свободы», безопасности и правопорядка в интересах граждан, усилению сотрудничества государств-членов в борьбе с терроризмом, расизмом, контрабандой, преступностью и т.д.

*Ниццкий договор*¹ (изменяющий Договор о Европейском союзе, договоры, учреждающие Европейские со-

общества, и некоторые относящиеся к ним акты) подписан главами государств и правительств 11 декабря 2000 г. Он внёс изменения в основные принципы и процедуры принятия решений квалифицированным большинством и блокирования их меньшинством. Договор определил новые квоты как для членов ЕС, так и государств-претендентов в основных органах Союза – Совете ЕС и Европейском парламенте.

Одна из важнейших дат в истории европейской интеграции в экономической сфере – 1 января 1999 г., когда начал функционировать *Экономический и валютный союз (ЭВС)*, в который вошли 12 из 15 государств – членов ЕС, была введена в обращение (сначала в виде безналичных расчётов) единая валюта – евро. С 1 января 2002 г. она поступила в наличное обращение, а с 1 марта того же года полностью заменила национальные валюты в странах еврозоны.

Программа расширения интеграции, связанная с кардинальными изменениями, произошедшими в странах ЦВЕ и СССР, отразилась в ряде соглашений между ЕС и не входящими в него европейскими государствами, заключённых в первой половине 90-х годов.

2 мая 1992 г. ЕС и *Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ)* подписали Соглашение о создании Европейского экономического пространства (ЕЭП), в котором были определены его главные элементы:

- переход к свободному движению товаров, услуг, капиталов и рабочей силы;

- введение единых правовых норм, обеспечивающих четыре названные свободы, а также равенство условий конкуренции;

¹ Ниццкий договор после ратификации всеми государствами-членами вступил в силу с 1 февраля 2003 г. [24].

– координация некоторых направлений экономической политики в той мере, в какой это необходимо для функционирования общего экономического пространства.

Соглашение с самого начала рассматривалось как важнейший шаг к объединению двух интеграционных группировок в Западной Европе – ЕС и ЕАСТ. Но объединение пошло иным путём. В июне 1994 г. четыре участника ЕАСТ – Австрия, Финляндия, Швеция и Норвегия – подписали договоры о вступлении в ЕС. Первые три стали членами Союза (1 января 1995 г.), а в Норвегии на референдуме противники вступления в ЕС победили, как и в начале 70-х гг. Тогда же на референдуме в Швейцарии, являющейся членом ЕАСТ, было отвергнуто Соглашение о ЕЭП. Но в целом к концу XX в. ЕС объединил всю Западную Европу.

В начале XXI в. Европейский союз превратился в сложное интеграционное объединение с населением свыше 500 млн чел. и валовым продуктом, превосходящим ВВП США. Таким образом, экономика ЕС стала вполне конкурентоспособной с наиболее сильными экономиками мира: Китая, Соединённых Штатов и совокупной экономикой стран, входящих в БРИКС.

В Европейский союз в настоящее время входят страны Западной, Центральной, Восточной, Северной и Южной Европы (всего 28 государств). Дальнейшее его расширение возможно только за счёт включения Турции, Македонии, Сербии, постсоветских государств (Молдавии, Украины и Грузии) и некоторых других. Таким образом, пределы географической экспансии практически исчерпаны, а появление новых разделительных линий

на континенте создаст новые геополитические риски и вызовы. Кроме того, не исключено, что приём новых членов может привести к возникновению дополнительных непредвиденных, а возможно, и непреодолимых конфликтов, которых и сегодня в Евросоюзе достаточно.

Для оценки современной ситуации в Европейском союзе стоит вернуться к середине XX в., когда идеи объединения Европы только возникли в условиях холодной войны как логического продолжения Второй мировой войны. Связано это было с тем, что Западная Европа была испугана не только военным потенциалом Советского Союза, но и его огромным авторитетом в мире, приобретённым в результате огромного вклада в победу над Третьим рейхом. В то время было общепризнанным – Победа ковалась на Восточном фронте.

У. Черчилль был одним из первых, кто в Фултоновской речи (1946 г.) чётко сформулировал идеологию холодной войны [53]. В дальнейшем это нашло отражение и в доктрине Трумэна.

В послевоенные годы Западная Европа, вступив в блок НАТО, созданный для силового подкрепления идеологии холодной войны, заключила, как утверждают некоторые исследователи, выгодную сделку: получила экономическую помощь в виде плана Маршалла и занялась весьма успешно восстановлением своей экономики и социальной сферы, а вопросы европейской безопасности отдала в руки Соединённых Штатов. Это положение в сфере безопасности существует и сегодня.

После 90-х гг. XX в. все страны, входившие в советский блок, потянулись

в НАТО и Европейский союз. Неофиты, как всегда, были более активны и безоговорочно поддерживали Брюссель даже в сомнительных с точки зрения международного права делах, доказывая свою «ширую» европейскую идентичность. Но до августа 2015 г. внутреннее положение в ЕС было более или менее стабильным, а возникающие конфликтные ситуации могли быть решены существующими правовыми методами.

В августе 2015 г. началось нашествие на Западную Европу полчищ беженцев с арабского Востока, Северной Африки, Афганистана, Пакистана и т.д.

Для Европы эта миграция – огромная проблема. Вина за арабо-африканское нашествие лежит, конечно, в первую очередь на американцах. Разворошив североафриканские страны «арабской весной», убрав вполне лояльные США режимы в Ираке, Ливии и Египте, разрушив Ирак, Ливию и Афганистан, а теперь и потакая ИГИЛ, США вызвали неконтролируемый поток беженцев в Европу, где нет границ суверенных государств, а одна Шенгенская зона. Никакая устойчивая европейская экономика с таким наплывом чужеродного населения не справится.

Встаёт вопрос и о террористах различных исламских экстремистских организаций. Спецслужбам выявить их и отфильтровать практически невозможно. Это один аспект проблемы беженцев.

Но есть и другой.

Брюссель пытается решить проблему беженцев за счёт их добровольно-принудительного квотирования по странам ЕС. Но, как известно, экономика государств – членов Евросоюза

разная и единого социально-экономического статуса нет. Поэтому страны протестуют и, кроме того, правительства учитывают настроение своего населения. При этом США остаются в стороне, хотя говорят, что помогут Европе решить возникшую проблему.

Стоит отметить и взгляды беженцев. В большинстве своём это люди до 40 лет, которые привыкли спокойно жить у себя. Воевать ни за какие идеалы они никогда не будут, да и работать тоже, а вот требовать социальной поддержки от государства-реципиента будут, и весьма настойчиво. Очень похоже, что эти полчища совершенно чужеродных для европейцев людей создают, по Ж. Аттали, «цивилизацию новых кочевников» [5], которые не будут иметь ни своей истории, ни идентичности [48]. При этом адаптация «новых» европейцев к культуре и традициям Старого Света вряд ли возможна. Они создадут свои анклав в европейских городах, куда коренному населению путь будет заказан.

Для Европы эти беженцы – категория иждивенцев с высоким криминальным потенциалом. Поэтому в дальнейшем с легкомысленной европейской толерантностью придётся разбираться ещё долгие годы и с неведомой перспективой.

Следует отметить, что арабо-африкано-азиатское нашествие низкоквалифицированных, но амбициозных людей – это проблема не только Западной Европы, но и международного сообщества, и прежде всего США. Было бы разумнее и целесообразнее средства, которые тратятся Западом на разные военные кампании и провокации, направить на «замирение» арабского Востока, Афганистана и Северной Аф-

рики, на восстановление там экономики и социально-культурной среды, создание рабочих мест, ликвидируя тем самым те причины, которые побуждают людей уезжать из своих стран. Это надо делать как можно быстрее, пока ещё пришельцы хотя бы говорят о работе и не превратились окончательно в иждивенцев на шее стареющего и убывающего европейского населения. Вместе с тем, к сожалению, понятно, что это лишь благие пожелания, которые не могут быть осуществлены в силу стратегических установок консолидированного Запада.

Гаева А.С.

Теоретический анализ термина «мультикультурализм»

В современном научном поле, как отечественном, так и зарубежном, существует большое количество трактовок термина «мультикультурализм», однако единое и общепринятое понятие до сих пор не сформировано [27]. Наличие множества смыслов данного понятия порождает проблемы при практической реализации концепции мультикультурализма в интеграционной стратегии государства и провоцирует еще большее количество проблем, таких, как геттоизация меньшинств, рост социального недовольства, явления ксенофобии и дискриминации. В данном ракурсе необходимо упомянуть опыт Германии и Франции, где в реальности, несмотря на политическую риторику, политика мультикультурализма не практиковалась [20]. По мнению автора, рассмотрение подходов к определению понятия «мульти-

культурализм» позволит минимизировать риски реализации концепции мультикультурализма. Таким образом, цель данной работы состоит в попытке проанализировать различные подходы и на основе результатов данного анализа сконструировать наиболее универсальное определение понятия «мультикультурализм».

Вторая половина XX столетия характеризуется значительным ростом иммиграционных потоков, посредством которых подверглись изменению этнический и культурный состав населения большинства стран мира. Возросшие потоки инокультурных мигрантов актуализировали проблемы расизма и дискриминации на социокультурном уровне, поставили под сомнение классические принципы национального государства, а вместе с этим и ассимиляционную модель интеграции [66].

Результатом поисков новой модели взаимоотношений представителей различных культур в рамках одного государства явилась модель политики мультикультурализма, которая была призвана, с одной стороны, отвечать современным реалиям межкультурной коммуникации, в рамках защиты прав различных культурных групп, а с другой – снимать культурные противоречия как между этническими группами, так и между культурным большинством и меньшинством. Кроме того, политика мультикультурализма стала ответом и своеобразной попыткой решить проблемы, порождаемые, условно говоря, «реакцией» на глобализацию. Эта тенденция к локализации и индивидуализации начала усиливаться в 80-90 гг. XX в. и характеризовалась нарастанием культурной дезинтегра-

ции и ростом национального и этноконфессионального самосознания.

Обращаясь к анализу понятия «мультикультурализм», необходимо отметить, что единой интерпретации до сих пор не существует, несмотря на широкое обсуждение как теории, так и мультикультурной политико-социальной практики. Отечественный исследователь феномена мультикультурализма М.В. Тлостанова говорит о том, что само понятие мультикультурализма, на сегодняшний день, стало «резиновым» и включает в себя широчайший диапазон различных этнокультурных процессов, поэтому каждый исследователь этого явления вкладывает в его определение свой собственный смысл [46, с. 8].

Кроме того, исследователи не только расходятся во мнении по поводу того, что все-таки можно подразумевать под мультикультурализмом, но и, собственно, где это концепция исторически зародилась и обрела свой смысл. Одни считают, что термин «мультикультурализм» появился на рубеже 50-60-х гг. XX в. в США после трех так называемых «революций»: гражданских прав и свобод (движение за права афроамериканцев), молодежной (студенческие движения «новых левых») и сексуальной (движение за права женщин и сексуальных меньшинств) [11, с. 13]. Требования, которые выдвигались различными движениями, можно обозначить как «постматериалистические» (по теории Р. Инглхарта), т. е. направленные прежде всего не на экономическую и ресурсную составляющую, а на признание их индивидуальных прав и разнообразных идентичностей. Эти социально-политические сдвиги подвергли пересмотру устоявшиеся

стереотипы национального государства и гомогенной культуры, следовательно, вызвали к жизни политику мультикультурализма.

Другие же постулируют о том, что теория мультикультурализма возникла в Канаде в 70-е гг. XX в. для характеристики культурного, расового и этноконфессионального разнообразия страны, а также была использована для конструирования политики, призванной решить проблемы сосуществования различных этнокультурных групп [33, с. 189]. Эти два подхода объединяет тот факт, что теоретическая основа мультикультурализма однозначно формировалась на почве широкого культурного многообразия, которым характеризуется как американское общество, так и канадское, а не в условиях единой национальной культуры.

Широкое смысловое поле, наличие огромного количества трактовок, а также различные социокультурные контексты, относительно которых употребляется термин «мультикультурализм», выводят на передний план проблему оценки феномена мультикультурализма, а также дискуссию о том, что же, собственно, представляет собой мультикультурализм – механизм навязывания этническим меньшинствам определенной модели поведения, основанной на демократических традициях англо-саксонской культуры, или же модель, которая позволит успешно интегрировать представителей с разными системами ценностей в единое социокультурное поле.

Ряд исследователей, преимущественно консервативного толка, видят в мультикультурализме усиление фрагментарности общества посредством акцентирования внимания не на

общности, а на различии культурных характеристик, что грозит потерей национальной идентичности граждан и сепаратизмом. Такой позиции придерживается С. Хантингтон, видя в мультикультурализме угрозу национальному европейскому государству. Среди последствий применения такой политики он отмечает маргинализацию, а не интеграцию этнических меньшинств [51, с. 268]. Практически такой же позиции придерживается П. Бьюкенен, говоря о том, что мультикультурализм не способствует развитию межкультурного диалога и взаимообогащению культур, скорее наоборот: сначала традиционные ценности вытесняются, а затем устанавливается в качестве доминирующей культура этнического меньшинства. Он отмечает, что «тотальная толерантность» грозит смертью западной либеральной демократии, уходящей корнями в христианскую пуританскую культуру [16, с. 55].

Негативно мультикультурализм оценивает американский историк А. Шлезинджер, делая акцент на том, что это – идеология, предполагающая замену «общественных идеалов ассимиляции фрагментацией, интеграции – сепаратизмом» [81, с. 98]. Традиционалистскую позицию занимает С. Жижек. В своей работе «Интерпасивность. Желание, влечение. Мультикультурализм» он критикует мультикультурализм с другой точки зрения: не как угрозу американским или европейским ценностям, а напротив – культуре этнических меньшинств. Таким образом, по его мнению, мультикультурализм выступает как проявление «европейского превосходства», которое призвано контролировать

формирование ценностных установок в других культурах [25, с. 110].

Обращая внимание на позитивные оценки мультикультурализма, необходимо упомянуть британского философа индийского происхождения Б. Пареха, который считает, что в мультикультурном обществе реализуется равноправный культурный диалог как между этническими меньшинствами, так и между национальным большинством и меньшинством. Такое общество «лелеет индивидов, их основные права и свободы, а также другие великие либеральные, моральные и политические ценности, все из которых являются неотъемлемыми от культуры диалога» [77, с. 117]. По мнению автора данной работы, такая оценка достаточно идеалистичная и требует четкого осознания общей необходимости культурного диалога самими индивидами.

Либеральные оценки феномена мультикультурализма состоят в критике, прежде всего, того или иного его практического воплощения. Наиболее неудачной и радикальной реализацией является, по мнению либеральных исследователей, его «мозаичная» или «фрагментарная» модель. Таким образом, С. Бенхабиб определяет подобный мультикультурализм «радиальным плюрализмом», подразумевающим наличие в пределах одного политического пространства четко дифференцированных общностей, причем общности эти «сохраняют свою идентичность и четкие границы, подобно элементам, создающим мозаику» [6, с. 9]. В основе же своей плюралистическая мультикультурная модель и ее основные принципы отвечают современным реалиям межкультурных взаимоот-

ношений. «Масштабное отрицание мультикультурных соображений – это плохая социология» – пишет в работе «Притязание культуры» С. Бенхабиб [6, с. 135]. Солидарность ей выражает канадский исследователь У. Кимлика, который считает, что в современных условиях развития общества вопрос состоит не в том, чтобы отказаться от реализации политики мультикультурализма, а в том, чтобы найти наиболее подходящую и перспективную модель [80, с. 203].

Вышеобозначенные трактовки, носящие как положительный, так и отрицательный оттенок, объединяет тот факт, что они характеризуют мультикультурализм, как правило, с позиции идеологии, политической практики и многокультурности как непосредственной реальности.

Уже ранее упомянутый исследователь У. Кимлика рассматривает мультикультурализм непосредственно как атрибут общества, в котором совместно проживают люди, принадлежащие к различной культурной традиции [70, с. 85]. Причем под таковыми людьми он подразумевает как вновь прибывших иммигрантов, так и членов исторически проживающих на данной территории национальных меньшинств. Н. Глейзер определяет мультикультурализм как комплекс объективных процессов развития, в которых раскрываются различные культуры в противовес единой национальной культуре [22]. Б. Парех видит мультикультурное общество как «сообщество сообществ, а потому как сообщество включенных в сообщество и соединенных с ним индивидов» [40, с. 87].

Анализируя транзит идей мультикультурализма в Россию, можно ска-

зать о том, что интерес этой проблеме возник в 90-е гг. XX столетия в связи с распадом СССР и всплеском национального этнического самосознания. Эти процессы вкупе с общемировыми тенденциями экономической, социальной и культурной глобализации, а также ростом миграции из стран бывших союзных республик, поставили острую необходимость поиска новых моделей взаимодействия как между коренными национальными меньшинствами, исторически проживающими на территории страны, так и вновь прибывающими иммигрантами из ближнего зарубежья.

Заметный вклад в изучение явления мультикультурализма внесли российские исследователи В.А. Тишков и В.С. Малахов, изложив свои позиции по данной проблеме в книге «Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ» [36]. Определяя мультикультурализм, Тишков говорит о том, что это не только признание государством собственной многокультурности, но и соответствующая ей политика и правовые нормы, гарантирующие сохранение культурного разнообразия, а также обеспечение равного участия различных групп и меньшинств во всех сферах общественной жизни [44, с. 233].

По мнению В.С. Малахова, мультикультурное общество характеризуется не просто культурно-этническим изоляционизмом, соответственно, представляет собой мозаику различных этнических групп, а общество, в котором культура не присовокупляется к понятию «этничность» и носит свободный характер, предполагая, что индивид способен самостоятельно определить свою культурную принадлежность [36,

с. 58]. Поэтому целью мультикультурной политики является не просто диалог этнических культурных групп и их существование, а формирование некоего надэтнического культурно-коммуникативного пространства, в рамках которого происходит трансформация и взаимообогащение культур.

В трактовку понятия «мультикультурализм» попытался внести некоторую ясность отечественный исследователь А.И. Куропятник в статье «Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ», предположив, что мультикультурализм может пониматься с трех различных позиций:

1. демографический уровень, который заключается в описании трансформации демографических и этнокультурных параметров национальных обществ. При этом учитываются как внутренняя миграция, так и внешняя, которая порождается различными социальными, политическими, экономическими явлениями (войны, экономические кризисы, конфликты и т. д.). Соответственно, исходя из этого, мультикультурализм понимается как непосредственная демографическая реальность;

2. идеологический уровень. В его рамках мультикультурализм представляет собой некую политическую идеологию, основанную на соответствующей системе принципов и норм, предусматривающих совместное проживание различных этнокультурных общностей и национальных меньшинств и большинства при условии сохранения их культурных особенностей в рамках одного государства. Примерами таких идеологий могут

служить модели полиэтнического национализма, межкультурного взаимопонимания, культурной коммуникации;

3. политический уровень, предполагающий практическое решение вопросов совместного проживания различных этнокультурных групп, культурных меньшинств и большинства на основе принципа их культурного, социального, экономического и политического равноправия. Такая политика реализуется с помощью различных социальных инструментов, программ поддержки и социальной защиты меньшинств [28, с. 55].

Необходимо отметить, что вышеперечисленные уровни восприятия и трактовки мультикультурализма нельзя рассматривать как полноценные самостоятельные части отдельно друг от друга, так как они составляют единый комплекс проблем, которые включены в теоретическое смысловое поле этого феномена, а также его практического воплощения.

Таким образом, выстраивается логическая схема, объясняющая взаимозависимость демографического, идеологического и политического уровней: в результате миграции (как внутренней, так и внешней) национальный и этнический состав населения меняется, что порождает определенные проблемы, для решения которых разрабатывается идеология – система ценностей и принципов, а потом уже на основе этой системы реализуется какая-либо культурная политика, направленная на решение возникающих экономических, социальных и культурных проблем.

Глостанова М.В. анализирует явление мультикультурализма в двух

основных плоскостях: как теорию и основанную на ней политическую практику, и как объективную реальность. Таким образом, она разделяет мультикультуральность, которая подразумевает культурную и этническую многосоставность современного общества; и мультикультурализм как теорию и практику для осмысления этого культурного многообразия [45, с. 122].

Такое деление, по мнению автора данной работы, имеет важное значение при определении содержания понятия «мультикультурализм» и решает существующую терминологическую проблему.

Борисов А.А. предположил, что мультикультурализм – это феномен «этнокультурной фрагментации социума», что является синонимом значения многокультурность или мультикультуральность (по Глостановой М. В.), причем в таком обществе нет единой общенациональной культуры. Кроме того, Борисов также характеризует мультикультурализм как определенную политическую практику и идеологическую систему, в основе которой нет единого культурно-этнического компонента [10, с. 6], т. е. национальная культура рассматривается не с позиции примордиализма, а с позиции конструктивизма (культура не как исключительная производная определенного этноса, а как сфера свободного выбора). В этом случае идентификация граждан происходит не на основе определенных культурных традиций и осознания общей исторической судьбы, а на основе совокупности гражданских идей и принципов (например, идеи равенства прав и свобод), надстраиваемых над этнической

культурой с помощью политики, реализуемой на основе мультикультурализма.

Итак, проанализировав различные взгляды на мультикультурализм, можно сделать вывод о том, что этот феномен может трактоваться с двух различных позиций. Первая состоит в том, что мультикультурализм рассматривается как реальная этнокультурная фрагментация общества. Здесь следует отметить, что зачастую как мультикультурные рассматриваются государства поликультурные или многоэтнические (например, Россия), где условием такой многоэтничности является именно многовековое развитие этнических и культурных групп в рамках исторического пути одного государства. По мнению автора данной работы, такие общества нельзя квалифицировать как мультикультурные, т.к. взаимоотношения культур в нем строятся иначе, чем отношения коренного населения и иммигрантов в классических странах иммиграции или в национальных государствах. Но нельзя сказать, что опыт мультикультурализма не будет полезен для стран поликультурных и многоэтнических.

Вторая позиция состоит в том, что мультикультурализм определяется как идеология и совокупность социальных практик, направленных на интеграцию носителей иной культурной традиции в единое культурное поле того или иного общества при условии развития и сохранения их этноконфессиональной и культурной специфики. Акцент делается, прежде всего, на интеграции инокультурных иммигрантов в единое национальное государство, а главной целью такой политики является организация конструктивно-

го взаимодействия как представителей различной культурной традиции, так и этноконфессиональных общностей, проживающих в пределах определенной территории.

Таким образом, мультикультурализм необходимо определить как совокупность идей и принципов, а также как основанную на них политику, подразумевающую сохранение культурной самобытности различных этноконфессиональных групп, гарантия равных прав культурным меньшинствам и большинству. При этом подразумевается создание общегражданского коммуникативного культурного поля, не нагруженного определенным этническим компонентом, в котором будут взаимодействовать культуры.

Багдасарян В.Э.

Мир-системный анализ в истории и категория мирового центра

Мир-системы и мировая система

Условием наличествования Центра мира является существование единой мировой системы. Речь в данном случае идет не о единстве как унификации, а о пространственной связности различных регионов. Мировая система – сравнительно новое явление в истории мира. После распространения человечества по планете различные сообщества существовали длительное время в относительной изоляции. Отсутствовали необходимые технические возможности для поддержания коммуникационной связности регионов. Отдельные контакты между представителями пространственно удаленных сообществ имели эпизодический характер. Как

правило, это были путешествия отдельных смельчаков. Информационной реальностью существование иных сообществ не являлось.

Границы отдельных миров определялись естественными преградами – морями, горами, пустынями. Географически связанные друг с другом локалитеты формировали со временем цивилизационные системы. Но лежащие за пределами естественных границ цивилизации пространства были в основном неведомы. Показателем культурный шок у автохтонного населения Америки, который был вызван прибытием на континент белых людей. Психологическое потрясение, испытанное индейцами, явилось, как известно, одним из факторов крушения ацтекской и инкской империй.

Ф. Бродель, а затем И. Валлерстайн использовали в своих работах понятие мир-система. В настоящее время они считаются основоположниками методологии мир-системного моделирования. Применение ее особенно целесообразно при постановке задачи выявления Центра мира.

До складывания единого мир-системного пространства существовал ряд локальных мир-систем. Они соотносились с существованием цивилизаций. При объединении цивилизационного очага с цивилизационной периферией создавались «мировые империи». Фактически каждая из цивилизаций, включая российскую, выдвинула исторически собственную имперскую модель. Расширение эйкумены региональных мир-систем неизбежно приводило их к столкновениям. Победителем в борьбе за гегемонию в планетарном плане вышла на определенном этапе цивилизация Запада.

Каждая система, согласно И. Валлер-стайну, имеет свой центр, полупериферию и периферию. В доглобализационную эпоху единой мировой системы не существовало. Объективно, в силу технологических причин, препятствующих регулярным коммуникациям, она и не могла существовать. Историческую реальность доглобализационных эпох представляли мир-системы. Фактически они были тождественны границам цивилизаций. Понятие мир-системы позволяло акцентировать внимание на центр-периферийных отношениях цивилизационного бытия. От изучения широкой феноменологии истории цивилизаций осуществляется переход к изучению цивилизационных моделей. Каждая мир-система воспринималась представляющими ее общностями как мир, единственный в своем роде. Границы мир-системы были в масштабах существующих географических знаний границами мирового пространства. Иные миры допускались за пределами онтологии человека. Не случайно, как свидетельствуют этнологии, самоназвание большинства народов имеет буквальное значение – «люди». «Чужак» по этой логике не являлся подлинным человеком. Региональные мир-системы имели каждая свои собственные Центр, полупериферию и периферию. Центр мир-системы понимался именно как центр мира. Это дает основание рассматривать исторический опыт воплощения цивилизационных центров как модель для понимания современных центр-периферийных отношений.

В современном научно-общественном дискурсе все чаще используется категория государство-нация. Пржнее представление об универсальности

модели государства-нации подвергается сегодня ревизии. Ей противопоставляется модель государства-цивилизации. В 2012 г. положение о России как государстве-цивилизации прозвучало из уст В.В. Путина. Государства-цивилизации и являлись центрами мир-систем. В периоды исторических подъемов государства-цивилизации расширяли масштаб своего влияния, поглощая буферные образования. Полупериферия и периферия выстраивались в строгом иерархическом соподчинении в отношении к Центру. Но в ситуации упадка цивилизационного центра контролируемое им мир-системное пространство сужалось. Буферная зона либо декларировала собственную суверенность, либо переориентировалась на иной цивилизационный центр. За эту зону и шла борьба между различными центрами. По мере расширения мир-системных периферий пространства различных цивилизационных ареалов все чаще пересекались. Помимо Центра, полупериферии и периферии, идеология формировала образ анти-Центра. Происходят междоцивилизационные столкновения.

Со временем победу над другими мир-системами одерживает мир-система Запада. В глобальном мире она сама занимает позиции мир-системного центра. Отсюда вытекает целесообразность исследования генезиса именно центра западной мир-системы.

Единая планетарная мир-система начала формироваться с XVI в., что связывается напрямую с западной колонизацией. Разделы мира между Испанией и Португалией по папской булле «*Inter caetera*» 1493 г., договорам в Тордесильясе (1494 г.) и Сарагосе

(1529 г.) являлись одними из первых документально фиксируемых проектных постановок. Далее инициатива мировой колониальной экспансии переходит к Великобритании и Франции.

Процесс расширения границ Запада был прерван только единожды – в период реализации советского проекта. В период существования СССР статистически верифицируемые показатели неравенства в мире впервые с начала формирования западноцентристской мир-системы стали снижаться. Но с распадом Советского Союза вновь установилась тенденция усиления дифференциации уровней жизни различных страновых групп человечества. Причем динамика этого роста оказалась наивысшей за всю предшествующую историю. Вместо модели «капиталистические страны» – «социалистические страны» – «страны третьего мира» сложилась другая триадная структура – «золотомиллиардный центр» – функционально обеспечивающая его полупериферия – периферия. Произошел распад не только системы социализма, но и «третьего мира».

Генезис системы западноцентричного мироустройства

Фактически вокруг каждой из цивилизаций на ее периферии формировались паразитарные анклавы. Выделяются при этом две основных модели анклавной паразитарности. Первая представляла собой военно-разбойные группировки. Их паразитирование осуществлялось за счет грабительских набегов на территорию страны-донора. В Европе в таком качестве долгое время выступали анклавы викингов. Вторая модель паразитарно-

сти связывалась со спекулятивной деятельностью на ниве торгово-финансовых отношений. В Европе это группу представляли, в частности, ростовщические анклавы.

Аналогичные паразитарные ниши возникли и на периферии Русской цивилизации. С территории «дикого поля» шли непрерывающейся чередой набег кочевников. Как и в Европе, свои спекулятивные сети устанавливали ростовщики. Но обеим паразитарным группировкам давался отпор. Характерно в этом отношении время Владимира Мономаха, когда, с одной стороны, был учинен разгром половцев (83 похода русских против степняков), с другой, с территории Руси изгнаны ростовщики и запрещено долговое рабство. Но на Западе отразить таким же образом угрозы, исходящие от паразитарных группировок, не удалось. Они захватывают власть в западной мир-системе. С течением времени формируется разбойно-спекулятивный альянс. Паразитарная периферия становится центром системы. Европа стала первой жертвой произошедшей инверсии. Но по логике паразитирования требовалось и далее расширять среду паразитарного существования. Начинается масштабная внешняя экспансия Запада.

Геоэкономическое доминирование Запада в мире над другими цивилизациями не было задано изначально. Оно начинает складываться на определенном историческом этапе. Для понимания природы западного доминирования важно зафиксировать этот этап. Во времена античности и раннего средневековья экономическое положение цивилизаций находилось примерно на одном уровне. Данная

констатация подтверждает тезис о том, что единый планетарный центр мира в доглобализационную эпоху отсутствовал. Многополярность была фактически воплощенной моделью мироустройства. В средневековый период Западная Европа по показателям доходов населения и вовсе занимала одно из худших положений среди регионов мира. Она уступала, в частности, и Китаю, и Индии, и Византии, и мусульманским странам Ближнего Востока. К началу XI в. Западная Европа шла экономически вровень с Африкой. Ни о каком расовом преимуществе европейского человека, его особой predisposedности к труду в свете этих данных говорить не приходится. К исходу средневековья картина мирового геоэкономического соотношения сил уже меняется. Запад к началу XVI в. уже оказывается в положении наиболее преуспевающей в материальном отношении цивилизации.

Что произошло с западным миром за эти пять столетий? Наиболее значимым, охватившим несколько веков историческим явлением, были крестовые походы. Не они ли и вызвали изначально произошедшие изменения? Запад вступил на путь активной внешней геополитической экспансии. Военные походы крестоносцев на Ближний Восток привели к развитию средиземноморской междоцивилизационной торговли. На этой торговле формируется посреднический спекулятивный капитал. Особую роль в этом отношении сыграли итальянские города, во главе с Венецией, и иудейские ростовщики (диаспоральное положение иудеев давало им соответствующие преимущества). Крестовые походы с течением времени обретают идеологическое

преемство в завоеваниях конкистадоров. Запад становится не только актором мировых завоеваний, но и мировой торговли. С пятнадцатого века он занимает центральное положение в торговых потоках мира. Аккумулированные путем военных грабежей, междоцивилизационного торгового обмена и связанной с ним спекулятивно-ростовщической деятельности капиталы становятся фактором западного экономического прорыва.

Далее с каждым столетием отрыв Запада от остального мира устойчиво возрастал. Отдельные цивилизации могли исторически бросить вызов Западу. Такой вызов был связан, в частности, с выдвижением советского проекта. Несмотря на серьезность предъявленного альтернативного вызова, положение мировой экономической гегемонии западной мир-системы он не изменил. В настоящее время многие эксперты говорят о вызове в отношении к Западу со стороны Китая и Индии. Действительно, за последние годы их положение в мировой экономике заметно усилилось. За счет этого подъема возник визуальный эффект некоторого снижения показателей Запада по отношению к среднему мировому уровню. Но при историческом сравнении современная успешность азиатских государств выглядит не столь впечатляюще. Китай по показателям доходов на душу населения в отношении к уровню Запада только выходит в настоящее время на пропорции середины XIX в. Индия и вовсе еще далека даже от этого соотношения. А девятнадцатый век, как известно, был временем британского завоевания Индии и фактической колонизации Китая. По сей день по распределению

занятости населения и Китай, и Индия остаются еще преимущественно сельскохозяйственными странами. В Китае в деревнях проживает 55 % населения, в Индии – и вовсе 70 %.

Изменить свое положение в мировой центр-периферийной системе из цивилизационнообразующих государств удалось только Японии и Южной Корее. Предпринятые ими экономические рывки – японский в 60-е – 70-е гг. XX в. и южнокорейский – в конце XX – начале XXI вв. позволил им войти в обойму стран западной мир-системы. Но это было мягкое вхождение, достигнутое путем расширения круга «золотого миллиарда». Существо мировой системы оно не изменяло. Условием вхождения инцивилизационных представителей в «золотой миллиард» являлся отказ их от имперских амбиций. Ни Япония, ни Южная Корея ни являются, как известно, членами «ядерного клуба». «Военный зонтик» над ними обеспечивается США. Но оборотной стороной внешнего военного покровительства является ограничение государственного суверенитета.

Трижды американской гегемонии был брошен существенный вызов. Первый раз этот вызов предъявила Германия. Идеологически он был представлен национал-социализмом. К началу 1939 г. – началу Второй мировой войны Германия по индексу способности к войне фактически сравнялась с США. Однако ее поражение фактически вывело Германию из числа претендентов на положение мирового центра.

Второй исторический вызов гегемонии США был предъявлен со стороны СССР. Идеологией альтернативного советского проекта стал коммунизм.

Советскому Союзу удалось даже оттеснить США с позиции мирового лидера. На почти двадцатилетнем интервале с 1970 по 1988 гг. СССР по индексу способности к войне имел наивысший в мире показатель. Это был, вероятно, наиболее опасный исторический момент в реализации западного проекта. Крах СССР позволил США сохранить позиции мирового центра.

Третий вызов в отношении американской гегемонии связывается с современным подъемом Китая. Устойчивое возрастание с начала 1990-х гг. индекса способности КНР к войне создает при сохранении фиксируемой динамики новые угрозы для гегемонии США. Однако в случае с Китаем методика расчета индекса способности к войне обнаруживает определенные недостатки. Высокий китайский индекс определяется, прежде всего, численностью китайской армии. Но при современном уровне техники этот компонент военной мощи уже не имеет своего прежнего значения. Да и исторически индекс способности Китая к войне выглядит преувеличенным. Показатели девятнадцатого столетия для Китая даже выше современных. Но именно в это время Поднебесная обнаружила, как известно, фактическую беспомощность в противостоянии военным силам западных государств в периоды «опиумных войн».

Если Запад в современной мировой системе выступает в положении Центра, то роль периферии («мировой обочины») однозначно принадлежит Африке. Для определения тренда развития человечества целесообразно провести расчет соотношения доходов на душу населения на этих двух полюсах мирового развития. Историческое

сокращение разрыва между ними означало бы фиксацию тенденции преодоления раскола человечества, а его возрастание, соответственно, усиление тенденций неравенства. Такой расчет удельного отношения Африки к уровню ведущих стран Запада был проведен с опорой на клиодинамические данные школы А. Мэдисона. От равного стопроцентного показателя в средние века за тысячу лет африканские страны снизили свое удельное значение к уровню Запада до пяти процентов. За весь период мировой западной гегемонии разрыв устойчиво возрастал. Симптомов, что этот тренд каким-то образом будет изменен, не прослеживается. Полученные результаты указывают на последовательное укрепление Центром своего гегемонистского положения в мировой системе.

Исторические воплощения финансово-экономического Центра западной мир-системы

Итак, до двадцатого столетия единая мировая система отсутствовала. Когда она сложилась, то Центром ее становится прежняя мир-система Запада. Следовательно, мировая система должна была выстраиваться по лекалам западной мир-системы. Это актуализирует задачу анализа ее исторического генезиса. В мир-системе Запада имелся свой центр, свои полупериферия и периферия. Центр западной мир-системы с развитием процессов глобализации все более утверждается в качестве планетарного Центра.

Однако географическое нахождение этого Центра не было на протяжении истории неизменным. Его исторические перемещения прослеживаются

статистически. Расчет в данном случае основывался на предположении о том, что Центр западной мир-системы материально преуспевал в сравнении с полупериферией и периферией. Не для всех цивилизаций это предположение было бы достоверным. Оно не срабатывало бы, в частности, применительно к российской цивилизации, в которой окраины занимали в потребительском плане преференционное в отношении к Центру положение. Но именно для Запада использование в определении Центра мир-системы критерия материальной успешности не противоречит имеющимся в историографии представлениям о страновой гегемонии в западном мире.

Геополитическая траектория смены центра западной мир-системы – Италия – Нидерланды – Великобритания – США прослеживается на основе имеющейся статистики достаточно четко. Ту же траекторию идентифицировали в своих исследованиях основоположники мир-системного анализа Ф. Бродель и И. Валлерстайн.

В начале новой эры роль европейского гегемона принадлежала Италии. Рим занимал непререкаемое положение Центра западной мир-системы. Потрясения, связанные с переселением народов и крушением Западно-Римской империи привели к разрушению прежней модели центр-периферийных отношений. В средние века в материальном отношении положение различных стран Европы выравнивалось. Италия оказалась вровень с Испанией. В целом прослеживалась тенденция связанности экономического развития с зональным распределением по линии север – юг. Чем южнее была страна, тем, соответственно и богаче. Однако

в позднее средневековье ситуация уже принципиально изменилась. К началу шестнадцатого века – время, традиционно определяемое как начало формирования единой мировой системы, в Европе вновь доминирует Италия. Ее положение в данный период определялось в значительной мере особой ролью в транзитной межцивилизационной торговле ряда итальянских торговых факторий. Это была эпоха венецианского финансового могущества.

Но в связи с «великими географическими открытиями» торговая карта мира подвергается существенным изменениям. Роль средиземноморской посреднической торговли снижается. Все большее значение приобретает межокеанский транзит. Соответственно, изменяется и местонахождение центра мировой торговли и финансов. С XVI века эта роль переходит к Голландии. К началу восемнадцатого столетия был достигнут исторический максимум отрыва в доходах на душу населения центра западной мир-системы от остального западного мира. Но далее, по мере того как формируется единая мировая система и интегрированный Запад получает положение ее центра, западное сообщество все более гомогенизируется. Вырабатываются критерии единого для Запада качества жизни.

Лидирующее положение Голландии по доходам на душу населения сохраняется до середины девятнадцатого века. К тому времени роль мирового геоэкономического центра перешла Великобритании. Но по доходам на душу населения Англия обходит Голландию только в третьей четверти XIX в. Победа в Крымской войне и британская колониальная экспансия (прежде всего, завоевание Индии) вы-

водят Британию на абсолютное первое место и в среднестатистическом выражении материальной успешности.

Первая половина двадцатого столетия проходила в острой конкуренции за первенство в западном мире прежнего центра – Великобритании, и претендующих на роль нового центра Соединенных Штатов Америки. Обе державы имели союзнические отношения, и их соперничество носило латентный характер борьбы финансово-элитаристских группировок. Победителем стали, как известно, США. В свете этой борьбы становится понятным факт крушения в двадцатом веке прежних колониальных империй (включая крупнейшую в истории Британскую империю), с метрополиями в Европе. Перенос мирового центра США требовал изменения выработанных в XIX в. геополитических конфигураций. Принципиальное значение для обретения Соединенными Штатами их положения имела Вторая мировая война. Именно в период войны США побеждают в латентной геоэкономической гонке Великобританию.

Для периода второй половины XX – начала XXI вв. о дифференциации западного мира на центр и периферию можно говорить только с определенной долей условности. Запад как единая цивилизационная общность выступает в настоящее время в качестве центра мировой системы. Тем не менее, и в рамках нее Соединенные Штаты по-прежнему (если не брать в расчет карликовые государства, такие, как Люксембург) сохраняют за собой положение лидера по показателю доходов на душу населения. После распада СССР это положение США в рамках западного мира даже усилилось.

История Запада – от полицентризма к моноцентризму

В существовавших исторически мир-системах имелся, как правило, единый Центр. Он занимал определяющее для мир-системы положение во всех основных измерениях цивилизационного бытия – религиозном, политическом, экономическом, научном и культурном. Важно, что экономика и политика существовали в парадигмальной связке с религией, наукой и культурой. Такое единство обеспечивало гармоническое существование цивилизаций.

Православная цивилизация на протяжении почти тысячи лет выстраивалась, как известно, вокруг греко-византийского ядра. Константинополь был безусловным центром византийской мир-системы во всех основных центрообразующих функциях – религии, политике, экономике, науке, культуре. С крушением Византии новая православная мир-система выстраивается теперь уже вокруг русского цивилизационного ядра. Все перечисленные функции центра были совмещены в рамках этого ядра.

Но история мировых цивилизационных систем имела и прецеденты наличия двух и более центров, различаемых по перечисленным функциям. Так, религиозным центром исламского мира выступала Мекка; научным долгое время являлась Кордова; торгово-экономическим – Багдад. В роли политического центра выступали в разное время Дамаск, Багдад, Каир и Стамбул.

Особый случай представляла иудейская культурная общность. После разрушения Иерусалимского храма и переселения евреев из Палестины она формировалась вообще без мир-

системного центра. В результате была выработана модель сетевой мир-системы. Отдельные иудейские анклавы, инкорпорируясь в иноцивилизационные общности, одновременно были связаны друг с другом в рамках собственной мир-системы. Центр иудейского мира – Иерусалим являлся объектом исторической реминисценции. Но даже в виртуальном значении наличие центра было необходимым условием функционирования всей системы.

Расщепленным вокруг нескольких центров было и пространство западной мир-системы. Эта расщепленность определила в значительной мере специфику цивилизации Запада. Целесообразность разделения Центра мир-системы получила даже теоретическое обоснование. Дано оно было св. Августином еще на заре формирования западной средневековой общности. Выдвинутая им теория «двух мечей» подводила основу для разделения религиозного и политического центра Европы. Один был представлен в дальнейшем папской, другой – императорской властью. Но неизбежно должен был возникнуть вопрос – какой из центров статусно выше? Попытка его разрешения привела к длительной борьбе светской и духовной власти в Европе, партий гвельфов и гибеллинов. Временное торжество папства проблему единого центра не разрешила. С развитием торговых отношений все более очевидно формируется третий – финансово-экономический центр Европы. В итоге мир-система Запада оказалась структурирована одновременно вокруг пяти, выстраиваемых на различных функциональных парадигмах центрах.

Религиозным центром являлся папский Рим. Исключение в этой его географической локализации представлял XIV в. – период «авиньонского пленения пап» (пребывание глав католической церкви на территории Франции).

Роль политического центра Европы играла долгое время Священная Римская империя германской нации. Ее ядро составляли земли Австрии. Формально во главе единой Европы стоял император. Национальные монархи – короли находились статусно в подчиненном положении к императорской власти. После упразднения Священной Римской империи обновленную на секулярной основе европейскую империю попытался создать Наполеон. Политический центр западной мир-системы перемещается во Францию. По численности французская армия долго являлась крупнейшей в Европе. Имперостроительная политика Наполеона I была продолжена его племянником Наполеоном III. Но крах Франции в Франко-прусской войне вновь привел к перемещению политического центра – на этот раз в Берлин. Пруско-германские попытки европейской интеграции военным путем также не имели успеха. Последним проявлением претензий на гегемонию со стороны условного политического центра явилась гитлеровская экспансия.

Торгово-финансовый центр западной мир-системы исторически перемещался в соответствии с изменениями геоэкономических конфигураций мира. Основной тренд в мировой геоэкономике определялся переходом от торговли в масштабах Средиземноморья к океанской торговле в масштабах планеты. Соответственно, и торгово-

экономический центр Запада перемещался следуя этой логике по траектории Венеция – Голландия – Англия – США.

На положении научного центра Запада фактически находилась Германия. Там концентрировались многие знаменитые европейские университеты. Брендом германоцентричности европейской науки стала немецкая классическая философия.

Ренессанс начался, как известно, в Италии. Но со временем культурная столица центра Европы перемещается в Париж. Несколько веков все передовые направления в европейской культуре устойчиво ассоциировались с Францией. Это влияние не исчерпывалось модой. Франция долгое время выполняла роль главного транслятора общественно-политических идей, генератора идеологий. Культурный центр в этом отношении мог бы быть также маркирован в качестве идеологического центра мир-системы.

Множественность центров западной мир-системы определила модель национально-государственных суверенитетов. Она возникла в специфических условиях цивилизации Запада и дает сбой при попытках экстраполяции ее в иноцивилизационные среды. Отражением ситуации многоцентрия явились традиции разнофункционального использования европейских языков. За английским была фактически закреплена функция языка бизнеса, за французским – дипломатии и культуры, за немецким – науки, за латинским – религии. В период последующей доминанции англоязычия эти функции, впрочем, оказались нивелированы.

Не следует, впрочем, думать, что, сосредоточившись каждый на своей

функциональной нише, все эти центры игнорировали другие функции. Вопрос заключался в другом – на какой из парадигм выстраивать западную мир-систему. Каждый из центров выдвигал, по сути, свой проект мир-системного строительства Запада. Победил в итоге проект, связываемый с торгово-финансовым центром. Эта победа была достигнута уже в период перемещения торгово-финансового центра США. Принципиально важна в данном случае последовательность: первоначально Соединенные Штаты становятся торгово-финансовым центром Запада и только затем – политическим, научным и культурным. Соответственно, именно торгово-финансовая компонента и явилась парадигмой принятой модели миростроительства.

Проблема множественности центров западной мир-системы была разрешена. США стали многофункциональным центром Запада. Единственной из определяющих функций мир-системного моделирования, сохраненной за старым европейским центром, явилась религия. Но это может означать, что вопрос о религиозном центре западной мир-системы и шире – мира в целом еще окажется в актуальной политической повестке.

Практически применительно к России полученные выводы означают, что по мере интеграции в мировую систему происходила объективно ее периферизация. Суверенность российского государства связывается, таким образом, с собственным мир-системным россиецентричным проектом.

Смоленский Н.И.

Заключительное слово

Историей является то, что берет свое начало с происхождения Человека разумного (*Homo Sapiens*) и средства общения между людьми – языка. Та и другая проблема – происхождения человека и происхождения языка – стали предметом профессионального анализа с опорой на развитие познания в соответствующих областях исследования и выбором наиболее обоснованной их трактовки из имеющихся ее вариантов. Впрочем, выводы авторов соответствующих докладов не выглядят в подавляющей части своего содержания как дискуссионные и являются обоснованными ответами на вопросы, без понимания которых невозможно пытаться решать проблемы происхождения человека и языка: 1) к какому времени относится происхождение *Homo Sapiens*; 2) Каковы его территориальные рамки; 3) Каков исходный сапиентный вид (или виды?) лежит в основе происхождения человека. Во многом такие же вопросы требуют ответа в связи с проблемой происхождения языка. Основное сходство позиций авторов по двум названным проблемам заключается в признании единой исходной основы в происхождении и человека, и происхождения языка – речь идет о единстве в том и другом случае, а не о некой общей их основе. Авторы в обоих случаях не выдают этот вывод как окончательно и бесспорно решенный, что вполне рационально в свете перспектив развития научного познания в данных его областях.

Формирование человека как вида – проблема физиологии, а не истории,

на это формирование оказывала свое влияние разница природно-географической среды, что также не является фактором историческим. На последних стадиях формирования человека как вида имело место вмешательство того, что является фактором человеческого влияния – промискуитет, который был завершением стадии появления древнейшего человека. Таким образом, началом человеческой истории было единство, которое во многом было и единообразием. Фундаментальное свойство истории заключается в сочетании единства и многообразия, без чего истории не бывает. Началом и основой многообразия стало появление человеческого труда, чем была замена собирательных форм жизнеобеспечения производительными. Появление человеческого труда началось с изготовления его орудий, благодаря чему стали происходить изменения в психике и формировании сознания: без определенных мыслительных актов изготовление орудий труда было невозможно. Труд – первооснова многообразия в истории, которое с ее развитием становилось неисчерпаемым. Коллективный труд требовал общения, координации действий, что стало толчком к возникновению языка. Развитием многообразия стало возникновение этносов, рас, различных языков и т. д. Таким образом, заря человеческой истории характеризуется единством и началом многообразия, что стало фактором, затрудняющим путь к ее пониманию как единства, но вовсе его не исключающим, хотя в какой-то мере способствующим ее пониманию в качестве простой арифметической суммы стран, народов, континентов и цивилизаций.

В выступлениях участников круглого стола по проблеме единства истории в современности сформулировано основное содержание термина «глобализация». Это содержание вовсе не является спорным или ошибочным, ибо отражает реальный жизненный смысл тех перемен, которые происходят в современном мире. Сутью этих перемен являются планы – пока это именно планы – мировой олигархии, финансовой и производственной в виде национальных корпораций – мировое господство; речь идет прежде всего о корпорациях США и основных стран Западной Европы. Собственно, их господствующее положение по отношению к государственной власти в том и другом случае уже вполне очевидно, однако планы транснациональных корпораций этим не ограничиваются, и ставится задача достижения того, что нашло свое выражение в идее «мирового правительства». Пока это идея, план транснациональной олигархии. Попытки реализации этого плана выражены в настоящее время в разных вариантах построения будущего мира. Это проявляется прежде всего в Бильдербергском клубе (возник в 1954 г.). Далее, это более близкие к нам по времени попытки формирования глобальных торговых соглашений: Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство (ТТИП) и Тихоокеанское партнерство (ТТП). В обоих случаях инициатива исходит от финансово-экономических корпораций и политических структур США, подобно тому, как к образованию Бильдербергского клуба имело отношение семейство Рокфеллеров. В октябре 2015 г. первое соглашение было подписано. Как планы Бильдербергского клуба,

так и планы двух названных соглашений в основном являются тайной для мировой общественности, однако подлинный смысл этих трех основных вариантов глобализации очевиден: создание глобальных экономических и политических структур власти, стоящих над национальными суверенными государствами, их экономическими и политическими интересами. В этом и есть смысл «мирового правительства», о чем открыто заявил в 1991 г. Д. Рокфеллер.

Планы создания «мирового правительства» идут, однако, гораздо дальше. В эти планы входит опора на новейшие технологии для разработки способов управления человеческим интеллектом, что означает вмешательство в частную жизнь индивида, а в последующем – и ее ликвидацию, ибо частная жизнь человека должна стать абсолютно прозрачной для глобальных управляющих. Разрабатывается общая электронная база данных о гражданах всего мира, согласно которой каждому из них должен быть присвоен несменяемый личный номер единого стандарта. Назвать эти планы движением истории к единству было бы грубой ошибкой: это нечто иное, как проект жуткого единообразия. Единство истории в подлинно научном его понимании и по отношению к любому периоду исторического развития предполагает многообразие, без которого истории как реальности не существует. Проблема глобализации в рассматриваемом смысле, следовательно, не имеет отношения к проблеме единства истории в новейшее время.

Признавая это, нельзя не признать и то, что глобализация в изложенном ее

смысле является не просто продуктом свободного творчества, планов, желаний и надежд магнатов транснациональных корпораций, но имеет свои предпосылки в реалиях современного мира, каковых не было в подобном виде раньше, в прошлом, причем и не слишком далеко. «Мировое правительство» намерено править сегодня всеми в мире, несмотря на различия на уровне рас, наций, языков, социально-культурных, конфессиональных и иных особенностей современного мира благодаря тому, что в нем практически все взаимосвязано. В нем даже маленькая Греция может вызвать кризис общеевропейского масштаба и характера. Основа контактов – прежде всего экономическая в качестве хозяйственных связей. Глобальные экономические связи были и могли быть не всегда, ибо для их возникновения необходимы, как минимум, два условия: возникновение более или менее сложившихся пространственно-географических представлений глобального масштаба и наличие средств сообщения. К. Маркс писал: «Влияние средств сообщения. Всемирная история существовала не всегда; история, как всемирная история – результат» [34]. В действительности Великие географические открытия создавали не всемирную историю как реальный процесс, а стали одной из основ формирования представлений о ней в качестве формы мышления. Единство истории как реальности не обязано своим происхождением разновидностям любых контактов, в том числе глобальных экономических связей, ибо это было и тогда, когда контактов и взаимосвязей в любой их сути не было – об этом говорит заря человеческой истории. Но

и Великие географические открытия – не первопричина процесса глобализации в рассматриваемом смысле. С очевидностью их истоком была «жажда золота», тот экономический интерес, который возник и стал крепнуть с формированием и развитием частной собственности как основы экономических отношений нового миропорядка. «Жажды золота», страсти к наживе не было и не могло быть при господствующей в средние века форме собственности. Современные мировые (глобальные) экономические связи не утратили той своей природы, которая проявилась уже на заре становления миропорядка, основанного на частной собственности – «жажде золота», страсти к наживе. Современные социальные последствия глобализации еще в большей степени, чем когда-либо раньше, формируют не единство мира, а рост его социальной неоднородности, контрастов, социальной разобщенности и вражды.

И все же: несмотря на то, что корни глобализации связаны сегодня с реальными процессами, прежде всего экономическими, а не являются всего лишь прихотью элиты транснациональных корпораций, каковы шансы глобализации в достижении выдвигаемых ею целей в установлении мирового господства? У подписанного соглашения ТТИП есть ближайшее препятствие – необходимость его утверждения конгрессом США, что пока выглядит не слишком определенно. Более определенной является ситуация относительно необходимости преодоления того, что стоит на пути формирования «мирового правительства» транснациональной олигархии. Такого рода реальных препятствий, по край-

ней мере три: 1) формы социального протеста, уже заявившие в мире о себе; 2) этно-национальный фактор, находящий свое-сегодня вполне устойчивое и жизнеспособное – выражение в национально-культурной идентичности, а в политическом отношении – в национальном государстве; 3) ход истории в целом, что проявляется уже сегодня, а еще более важен этот фактор с точки зрения перспективы. Конкретный смысл факторов препятствия на пути глобализации заключается в следующем.

1. Сопротивление общественности заявило о себе, прежде всего, в Западной Европе, население которой, около 400 городов, 18 апреля 2015 г. приняло участие в демонстрациях протеста против торгового соглашения ТТИП. Подписание этого соглашения вызвало новый взрыв протеста. Согласно этому соглашению права транснациональных корпораций объявляются стоящими выше прав государственной власти страны в каждом случае. Европейская общественность выразила протест против присвоения транснациональными корпорациями правовых норм по принятию политических и экономических решений в противовес власти государства. Заявивший о себе протест является начальной формой борьбы общественности против всемогущества магнатов транснациональных корпораций. Кто одержит верх в этой борьбе – покажет будущее. Однако и подписание указанных соглашений в качестве возможного этапа глобализации с неизбежностью выделяет на первый план тот фактор сопротивления ей, от которого она стремится избавиться по главной сути своих планов и устремлений – национальное государ-

ство и этно-национальную идентичность.

2. К числу факторов, определяющих поведение людей, относится этно-национальная и социально-культурная идентичность. Главное в этом – язык как признак, символ принадлежности индивида к сообществу, определяющий его место в межкультурных коммуникациях. Язык и нация – нерасторжимо связанные сегодня и в обозримом и необозримом будущем признаки этно-культурной идентичности. В равной мере это относится к устойчивости тех антропологических признаков, которых не было в период становления *Homo Sapiens* – цвет кожи, разрез глаз, жесты, манеры поведения и т. д. Эти различия, формировавшиеся тысячелетиями, создали не человека вообще, общечеловека, а индивида вполне определенной национально-государственной среды, о которой сегодня нельзя сказать, что она расшатана или распадается. На бытовом уровне расовые, национальные различия играют в мире важную роль и не могут быть преодолены в решении множества проблем – брака, семьи, межличностных контактов – ни какими-то мирными, ни насильственными способами и средствами. Более того, эти различия играют важную роль не только на бытовом уровне, но и в сфере социально-политических отношений и на международном уровне, а расизм – в форме фашизма, национализм еще далеко не преодолены в современном мире. Глобализация не устраняет этих физических, а не только общественно-политических свойств человека как вида, а они как минимум не могут ей способствовать, независимо от того, понимают ли это магнаты

транснациональных корпораций. Заря человеческой истории выглядит, как целая прародина прапредка, праязыка, прарелигии и т. д., и она стала с развитием истории основой формирования этно-культурной идентичности, которая в свою очередь говорит о том, что сегодня возможны только межкультурные коммуникации, а не формирование некой новой прародины или тем более – возврат к ушедшей в небытие.

Рост контактов, взаимосвязей и взаимозависимости в современном мире не ведет к ликвидации этно-культурной идентичности, и тем не менее, она не сводится только к уникальности, ибо в реальной действительности с неизбежностью необходим диалог. Этот диалог проявляется в новейшее время в росте межэтнических, межнациональных контактов и связей. Поиск его в рамках национального государства привел к возникновению термина – мультикультурализм в области политических решений и правовых норм. Крайнее обострение эта проблема получила не от наличия в рамках современного национального государства различий по численности наций, этносов, а в связи с миграционными потоками в страны Запада, в основном, в Западную Европу, из Ближнего Востока и Африки. Основной причиной иммиграции, от которой сегодня Западная Европа буквально стонет, стали военные конфликты на Востоке, в развязывании которых определяющую роль сыграли США. Проблемой политики национального государства стало и то, что нашло свое выражение в термине «мультикультурализм». При всей неоднозначности взглядов на проблему сущности мультикультурализма под ним обоснован-

но считать политику, направленную на сохранение этно-культурной индивидуальности и самобытности различных этносов в рамках национального государства. В политической и правовой форме проблема мультикультурализма была отчетливо поставлена в Западной Европе, главным образом, в Англии, Франции и Германии. В своем подавляющем значении и смысле эта проблема касалась поиска ответа на вопрос о том, как быть с миграционными потоками из Африки и стран Ближнего Востока. С различиями в деталях правовых и политических решений политика мультикультурализма в названных странах Европы потерпела крах. Лидеры этих стран Д. Кэмерон, А. Саркози, А. Меркель заявили о несостоятельности мультикультурализма, как средства, размывающего этнокультурную идентичность. Мигранты в этих странах стали рассматриваться только как источник трудовой деятельности. Во Франции им не были предоставлены избирательные права, образование там остается исключительно светским. В Германии в качестве лиц иностранного происхождения рассматриваются иммигранты второго и третьего поколения, родившиеся там. Фактически речь идет об ассимиляции и интеграции иммигрантов в общество страны, их принявшей [21]. Крах политики мультикультурализма говорит об устойчивости этно-культурной идентичности, как о препятствии, во все не малозначащем, на пути глобализации к «мировому правительству».

3. Наконец, у американской мечты о «мировом правительстве» есть – в качестве перспективы – еще одно препятствие – ход истории в целом. Этот ход с очевидностью показал, что в ней

не было ничего вечного, окончательного и неизменного, что касается всех аспектов жизни – экономического, социально-политического, духовного, в том числе конфессионального. Вряд ли обоснованно этим пренебречь в рассуждениях о перспективе исторического развития. Идея «мирового правительства» основана на одном – абсолютном, никем и ничем не ограниченном господстве частной собственности. Является ли она вечной, окончательной и неизменной? Положительной ответ на этот вопрос есть в структурах исторического мышления, причем, это не только Ф. Фукуяма с его оценкой американской либеральной модели экономического развития, как окончательной стадии. Однако, во-первых, сегодня в мире есть три формы собственности – частная, государственная и корпоративная, соотношение между которыми меняется, в частности, имеет место рост госсобственности. Во-вторых, само развитие частной собственности привело в новейшее время к таким последствиям, каковых не было в период ее становления с переходом от средних веков к новому времени. Одно из главных – возникновение социального государства, которое не служит только жажде накопления. Однако и сегодня господствующая в мире экономическая система не выглядит в качестве вечной, окончательной и неизменной – это всегда лишь эмоция ее сторонников. В противовес этой эмоции есть иные эмоции, хотя они порой не являются следствием самостоятельного научного анализа современной экономики. Но они показательны. В качестве примера приведем фрагменты послания Папы Римского Франциска верующим

и иерархам в преддверии католического рождества 2014 г. В этом послании дается оценка экономической модели, господствующей сегодня в мире. «Как одна из заповедей говорит «не убий», – заявлял Папа, – так и мы должны сказать «нет» экономике, которая выбрасывает людей, как нечто ненужное... Всё вокруг основано на законах конкуренции и выживания наиболее приспособленных, а массы людей выбрасываются, оставались без работы и возможности существовать». Не является выдумкой вывод Папы о роли денег в современном мире: «Мы уже спокойно воспринимаем власть денег над собой, а текущий финансовый кризис показал, что причина его в том, что человеческая личность для нас не имеет значения. Для нас важны только деньги... Древний золотой телец вернулся в облики безжалостной, безличной экономики, не имеющей никакой человеческой цели или заботы о людях. Человек ее интересуется только как потребитель. Деньги же должны только служить, а не править!» Один из выводов Папы звучит, как приговор: «... сама социально-политическая система несправедлива в корне. Терпимость к пороку, то есть к несправедливости постепенно разъедает социально-политическую систему, не важно, сколь крепкой она кажется. Мы очень далеки от так называемого конца истории, поскольку условий для уверенного и мирного развития еще нет». Здесь Папа, судя по всему, имеет в виду взгляды Фукуямы с его оценкой американской модели экономического развития в качестве конечной фазы истории.

В этом же послании есть весьма показательная оценка и глобализации: «Глобализация разрушает местные

культурные корни и вторгается в привычные типы мышления и формы поведения, навязывая формы поведения и мышления экономически развитых стран» [19].

Таковы эмоции главы католической церкви. Впрочем, это не только эмоции, но взгляды и оценки, отражающие реальное содержание их предмета. Папа, однако, останавливается в своих оценках там, где еще нет окончательного решения проблемы: а что же дальше? Во-первых, пороки общества, осуждаемые Папой, – это пороки, отражающие суть капитализма, другого капитализма до сих пор еще не было в мире, следовательно, во-вторых, избавиться от них – значит уйти от капитализма, индустриального или постиндустриального. Однако вывода такой левизны служебное положение Папы все же не допускает. И вместе с тем, эта очевидность ставит крест на планах «мирового правительства», правда, пока условно. Впрочем, его ожидание в мире, судя по всему, крепнет. В американском издании *The New Republic* недавно появилась статья, в которой есть следующие откровения: «Истинные качества капитализма, включая слабые пункты, из-за которых он в конечном счете рухнет, будут видимы только в тени той социальной силы, которая его уничтожит». И еще: «Настоящая история капитализма, как и всех остальных социальных формаций, будет написана его пеплом» [32]. Это еще также не приговор планам «мирового правительства», но все же.

Обращение к истокам истории является не только основой их понимания, но и способствует пониманию последующих эпох, в том числе современности. Биологическая природа

да человека указывает на общность и единство его корней, хотя элемент многообразия был и здесь. Развитие истории означало не уход от единства человеческой природы, а формирование признаков ее физиологического многообразия в виде расовых, этно-национальных особенностей. В этой ситуации, в том числе сегодняшнего дня, фактор единства человеческой природы уже не играет и не может играть той роли в понимании единства истории, которой он обладает применительно к истокам последней: не играет такой роли в познании потому, что стала иной его роль в реальной действительности. Понимание соотношения единой человеческой природы и ее расовых, этно-национальных разновидностей сегодня, по крайней мере, двояко: 1) эти разновидности не перечеркивают ее единство; 2) единство отвергается в любом варианте и смысле его понимания, а расовые, этно-национальные признаки признаются основополагающими и главными, хотя и здесь есть различия по степени выдвижения этих признаков на роль определяющих или важных. Отрицание единства человеческой природы сегодня имеет место в виде варианта мышления в области познания или в форме реальной жизненной позиции. То и другое – за пределами научного понимания: единство человеческого рода является научно обоснованной точкой зрения в свете современного уровня развития познания, это вовсе, скажем, не просветительский тезис о единстве человеческой природы, как разумной и доброй. Отрицание единства человеческой природы было и является в реальной жизни источником человеческих страданий и бедствий

в виде расизма, национализма, нацизма и т. д. И тем не менее этно-национальные факторы играют важную роль в современном мире и не могут быть устранены или игнорированы в качестве малозначущих, причем речь идет прежде всего о реальной действительности, а не о сфере познания. Роль этих факторов весьма различна в различных сферах общественных отношений. Наименее существенно это в области экономических отношений, которые властвуют в мире во многом независимо от факторов этно-национального характера. Правовые отношения и нормы – правовое государство, социальное государство – также имеют во многом наднациональный характер и общие признаки. Сфера образования и духовной жизни, напротив, в подавляющей степени определяется не общей природой человека, а этно-национальными особенностями. Но это может означать лишь одно: в современном мире единство человеческой природы не является фактором такого значения, каким оно было на заре истории.

Разрушают ли этно-национальные особенности человеческой природы единство истории? С возникновением этого фактора ни единство человеческой природы, ни единство истории не исчезают с той, однако, оговоркой, что в том и в другом случае вступает в силу мощный источник формирования их многообразия, причем единство и многообразие проявляются в их взаимной связи и взаимообусловленности, что в равной мере относится и к реальной действительности, и к ее познанию. В процессе познания многообразие можно понять только с опорой на единство; единство – та

архимедова точка опоры мышления, которая является основой понимания истории как единства многообразия. Каким может быть понимание истории без опоры мышления на идею единства, в своеобразной форме выразил К. Ясперс, представитель философии экзистенциализма: «Мировую историю можно воспринимать как хаотическое скопление случайных событий – как беспорядочное нагромождение, как водоворот пучины. Он все усиливается, одно завихрение переходит в другое; одно бедствие сменяется другим; мелькают на мгновения просветы счастья, острова, которые поток временно пощадил, но вскоре и они скрываются под водой. В общем, это все вполне в духе картины, данной Максом Вебером: мировая история подобна пути, который сатана вымостил уничтоженными ценностями» [84, с. 275]. Этот, по существу, художественный образ реальности обладает достоинством истины: такой взгляд на историю основан на отрицании единства. Сам Ясперс так не думал и следующим образом изложил свою позицию: «В попытке постигнуть единство истории, т.е. мыслить всеобщую историю как целостность, отражается стремление исторического знания найти свой последний смысл» [84, с. 264]. Трагически-приговорный дух этой позиции, невнятность высказываний о поиске историческим знанием своего последнего смысла – последнего смысла в истории не может быть, пока она есть и развивается, никакой трагедии или ошибки нет в том, что с развитием истории и исторического знания смысл будет изменяться, уточняться и т.д. – тем не менее, не вычеркивает в позиции автора научную значимость

идеи единства мировой истории, как общей основы ее адекватного понимания. За таким подходом к ее изучению стоит множество проблем, анализ чего не по меркам возможностей круглого стола, Впрочем, за одним хотя бы исключением.

Проблема глобализации является дискуссионной в том смысле, что в её истолковании выражены существенные различия в подходах и содержании. Согласно общему смыслу одного из таких подходов [85, с. 393-413], история в формирующемся глобальном сообществе ведет с вероятностью к отрицанию национальных историй и построению единой планетарной цивилизации, что означает необходимость принести своеобразие действительности в жертву постепенной конвергенции к единству. Какова основа этого движения к единству?

Это – стремление получать прибыль как высшую ценность современного общества, как общества сплошной маркетизации. Главное требование этого общества – всеобщая коммерциализация. Глобальное сообщество, каким оно вырисовывается сегодня – это сообщество потребителей товаров, создаваемых глобальными же производителями. Что препятствует этому движению к единству?

Основой такого препятствия стали национальные государства, возникшие в конце XVIII – начале XIX вв., что в свою очередь привело к возникновению истории как национальной, национально-государственной в реальности и как вида историописания и носителя памяти о прошлом. Традиционные национальные истории крайне вредны для экономической интеграции. В высших целях приращения эко-

номических выгод нет никакой необходимости культивировать историю, – напротив, её необходимо как можно скорее забыть. Потребность в «жрецах Клио» станет вскоре еще меньше, чем сегодня, отчего этому профессиональному сообществу суждено то ли до неузнаваемости измениться, то ли вовсе исчезнуть; в XX в. национальные истории начали вызывать стыд. В данном случае автор не приводит каких-либо свидетельств чьего-либо стыда, вследствие чего родоначальником этой эмоции можно считать его самого, хотя, впрочем, он вряд ли в одиночестве.

Общий смысл изложенных взглядов по проблеме глобализации является весьма адекватным выражением позиции тех, кто выступает в качестве творцов и сторонников Бильдербергского клуба, Трансатлантического и Тихоокеанского партнерства и др. – стремления к прибыли как высшей ценности общества сплошной маркетизации. Авторская же позиция здесь в стремлении его, как историка, доказать ненужность своей профессии – судя по всему, без чувства стыда за это занятие.

Стремление к прибыли как высшей ценности общества сплошной маркетизации, действительно, не нуждается в памяти о прошлом, как некой основе, способе ее получения или в качестве чего-либо еще для ее добычи. С другой стороны, могущественный рост прибыли и богатства транснациональных корпораций в современном мире не сформировал атмосферу ненужности и изгнания «жрецов Клио», хотя программы глобализации в существующем виде транснациональных корпораций под эгидой США остаются до сих пор полутайной. Вместе с тем,

впрочем, состояние современной американской историографии не пронизано духом ее ненужности и упадка, а общественно-политическая атмосфера США не проявляет каких-либо признаков избавления от «жрецов Клио». Может быть, что просто «пока», если следовать логике и прогнозам изложенной позиции?

Увы, нет, – причем не только по отношению к США. Стремление к прибыли связано не с физиологической природой человека, во всяком случае, в подавляющей степени, и доказательства этому на профессиональном уровне получены с участием в их поиске «жрецов Клио» и формированием памяти о прошлом самых разных его страниц. Согласно данным этой памяти, желание есть, пить, одеваться и обуваться на протяжении существенно большей части временного промежутка прошедшей истории не сочеталось со стремлением человека к прибыли как высшей ценности, а богатство не могло и сравниваться по своей значимости, скажем, со знатностью происхождения в средние века. Следовательно, стремление к прибыли обусловлено в подавляющей степени формированием определенной разновидности общественной природы человека, что связано в основном с развитием форм собственности и с переходом к являющейся ныне господствующей в мире частной собственности.

Память о прошлом, в отличие от стремления к прибыли, – в природе человека, причем не только общественной: человек отличается от животного тем, что не живет только в одном временном измерении – в настоящем и только настоящим, что является свойством его сознания, т. е. и физиологии.

В структуре его сознания – зависимость от прошлого, и не только своего, но и окружающего его мира, в сочетании с выраженными в той или иной мере планами, целями, желаниями на будущее. Связь времен – в сознании и реальном бытии и поведении человека при всем многообразии человеческих судеб, форм и вариантов общественной эволюции. Без этой связи как формы бытия, не было и не может быть человека и общества; связь времен в той или иной мере рвется, но и восстанавливается без какого-либо буквального возврата к прошлому. Следовательно, память о прошлом – неустранимое звено связи времен. Носителем памяти о прошлом является историческая наука с момента её возникновения в качестве самостоятельной научной дисциплины в Древней Греции; до ее возникновения носителями памяти были жрецы. Исследованиями этнографов второй половины XX в. жизни племен в бассейне Амазонки обнаружено наличие у них памяти о прошлом в двадцать поколений назад.

Следовательно, на пути к беспамятству, как минимум два, по существу, непреодолимых препятствия: природа человека и общества и логика развития истории, которая до сих пор не обнаружила ни каких-либо очевидных, ни вероятностных свидетельств ненужности памяти о прошлом и вреда «музы Клио» в реальном мире современности и прошлого. Конечно, память о прошлом не только в виде массового общественного сознания, но и в форме научной картины прошлого, всегда избирательна в том смысле, что в разное время она не была – и не может быть – одной той же. Эта избирательность неизбежна, ибо образ и смысл изобра-

жаемого зависят от времени, в условиях которого они создаются, времени, постоянно и неизбежно меняющемся. Можно ли эту разницу, выражающуюся порой в зачеркивании тех или иных страниц, фрагментов прошлого, считать доказательством подтверждения вектора беспамятства, как результата развития самого исторического познания? Следует подчеркнуть: все то, что связано в работе историка с положительным, как и с негативным или крайне негативным отношением к тем или иным страницам прошлого, их вычеркиванием обусловлено механизмом исторического мышления, составной и неотъемлемой частью которого является влияние современности на его взгляды во всем объеме их содержания – конкретно – исторического и методологического; негативная оценка в этой ситуации означает не отрицание памяти или призыв к этому, а лишь замену одного варианта отношения к прошлому каким-то другим. Разрушение памяти о прошлом, деисторизация общества ведут к формированию хаоса в сознании индивида, к лишению его средств ориентации в окружающем мире, т. е. к превращению в существо послушное и всецело управляемое – в рассматриваемой ситуации сегодняшнего дня управляемое теми, кто отстаивает глобализацию, как путь к господству в мире.

Тема беспамятства нашла достойное отображение в художественной форме. Таков образ человека-животного Маугли Дж. Киплинга. Таковы «Бесы» Ф.М. Достоевского с их четкой программой: «Надобно, чтобы такой народ, как наш, не имел истории, а то, что имел под видом истории, должно быть с отвращением забыто. Кто про-

клянёт свое прошлое, тот уже наш – вот наша формула». Таков профессор Борн с его усилиями изготовить препарат, который бы лишил человека памяти (фильм «Мертвый сезон»), хотя дело тут не столько в художественном образе, сколько в документальной реальности немецкого концлагеря в годы войны. У автора (или авторов) позиции о вреде памяти о прошлом и необходимости его забыть, избавившись от «жрецов Клио», есть и такой

предшественник: «Было бы разумнее установить в каждой деревне громкоговоритель, чтобы таким путем информировать людей о новостях и дать им пищу для разговоров, это лучше, чем допустить их к самостоятельному изучению политических, научных и т. п. сведений. И пусть никому не приходится в голову передавать покорным народам по радио сведений о их прежней истории». Это – Гитлер, комментарии излишни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева Т.И. Адаптация человека в различных экологических нишах земли (биологические аспекты). М.: МНЭПУ, 1998. 280 с.
2. Антропологическое исследование. М.: Наука, 1984. С. 14-99.
3. Атаманенко И.Г. Тайны «Бильдербергского клуба» – большая политика и коровы // Независимое военное обозрение. 2011. 17 июня.
4. Аттали Ж. Кочевники// На пороге нового тысячелетия// [Электронный ресурс] URL: http://politology.VUZLIB.Org/book_0271_page_8.html (дата обращения к ресурсу: 28.10.2015).
5. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия // [Электронный ресурс] URL: http://www/patriotica.ru/enemy/attali_porog_/html (дата обращения к ресурсу: 28.10.2015).
6. Бенхабиб С. Притязание культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. 350 с.
7. Бильдербергский клуб // [Электронный ресурс] URL: <http://dokumentika.org/bilderbergskiy-klub/bilderbergskiy-klub> (дата обращения к ресурсу: 28.10.2015).
8. Бильдербергский клуб // [Электронный ресурс] URL: http://www.liveinternet.ru/users/samanta_black/post124508895 (дата обращения к ресурсу: 28.10.2015).
9. Бильдербергский Клуб. Энциклопедия знаков и символов // [Электронный ресурс] URL: <http://www.znaki.chebnet.com/sl0.php?id=346> (дата обращения к ресурсу: 28.10.2015).
10. Борисов А.А. Американские консерваторы и мультикультурализм: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Пермь, 2000. 290 с.
11. Борисов А.А. Мультикультурализм: Американский опыт и Россия // Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире: Исследовательские подходы и интерпретации / под ред. Г. И. Зверевой. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 8-29.
12. Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980. 328 с.
13. Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // Советская этнография. 1956. №1. С. 86-105.
14. Бунак В.В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. / В.В. Бунак; Отв. ред. М.Г. Левин; Академия наук СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 284 с.
15. Бунак В.В., Герасимова М.М. Верхнепалеолитический череп Сунгирь 1 и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов // Сунгирь. Антропологическое исследование. М., 1984. С. 14-100.

16. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003. 444 с.
17. Валлерстайн И. Миров-системный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Под. ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 1998. Выпуск 1. С. 105-123.
18. Васильев С.В. Дифференциация плейстоценовых гоминид. М., 1999. 203 с.
19. Вербин А. Молчание глобального безразличия // Советская Россия. 2014. 10 янв.
20. Гаева А. Политика мультикультурализма: международный опыт Франции и Германии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 188-197.
21. Гаева А. Политика мультикультурализма: международный опыт Франции и Германии. Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 188-197.
22. Глейзер Н. Мультиэтнические общества: проблемы демографического, религиозного и культурного разнообразия // Этнографическое обозрение. 1998. №6. С. 98-104.
23. Дзарасов Р.С. Кризис капитализма и общественный строй новой России // Полис. 2011. № 4. С. 41-59.
24. Документы Европейского союза [Электронный ресурс] URL: <http://eulaw.ru/treaties#other> (дата обращения: 28.10.2015).
25. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб.: Алетейя, 2005. 156 с.
26. Политические учения XX-XXI вв. / Егоров В.Г., Абрамов А.В., Алексеев Р.А., Алябьева Т.К., Березкина О.С., Вититнев С.Ф., Козьякова Н.С., Лавренев С.Я., Синчук Ю.В., Федорченко С.Н. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 284 с.
27. Кимлика У. Современная политическая философия. Введение. М.: Высшая школа экономики, 2010. 592 с.
28. Куропятник А.И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 2. – С. 53-66.
29. Лапкин В.В. «Модернизация» и «капитализм»: переосмысляя современное развитие // Полис. 2012. № 6. С. 41-54.
30. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
31. Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М., 2010. С. 125.
32. Малколм Харрис. Если бы у Сталина был компьютеры // Советская Россия. – 2015. год. – 27 авг.
33. Мальковская И.А. Многоликий Янус открытого общества: опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации. М.: КомКнига, 2005. С. 189. 280 с.
34. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. М.: Политиздат, 1958. 736 с.
35. Междувластие. Зигмунт Бауман беседует Винченцо Делла Сала // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 6. С. 12-13.
36. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. Малахова, В.С. и Тишкова, В.А. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. 356 с.
37. Неклесса А.И. Неопознанная культура 4.3. Глобализм и сетевая культура // Развитие и экономика. 2013. № 6. 117 с.
38. Официальный сайт Бильдербергского клуба // [Электронный ресурс] URL: www.bilderbergmeetings.org (дата обращения к ресурсу: 28.10.2015).
39. Павленко В., Штоль В. Проект «Глобализация»: роль и место во всемирно-историческом процессе // Обозреватель-Observer. 2013. № 5. С. 5-28.
40. Парех Б. Переосмысливая мультикультурализм: культурное разнообразие и полити-

- ческая теория // Хомяков М.Б. Хрестоматия по дисциплине «Современная политическая философия: либерализм, коммунитаризм, мультикультурализм». Екатеринбург, 2007. С. 80-92.
41. Подлинная история и планы Бильдербергского клуба // [Электронный ресурс] URL: <http://mixednews.ru/archives/133> (дата обращения к ресурсу: 28.10.2015).
42. Смоленский Н.И. История и логика. Проблемы общеисторической теории и природы исторических понятий. М., 2013. 184 с.
43. Тарле Е.В. Наполеон. М.: Изд. Академии наук СССР, 1957. 468 с.
44. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 554 с.
45. Тлостанова М.В. Ньюансировка инаковости в постмодернистских эпистемах // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. 5. № 3-4. С. 116-134.
46. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США XX века. М: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. 400 с.
47. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2009. 674 с.
48. Уэллс Г. Яд, именуемый историей. Собр. соч. В 15 томах. Т. 15. М. 463 с.
49. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М., 2013. 560 с.
50. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2007. 129 с.
51. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
52. Хрусталева А.М., Волков А.А., Стоклицкая Д.С. Сравнительный анализ изменчивости STR- и SNP-локусов в популяциях нерки (*Oncorhynchus nerka*) Восточной и Западной Камчатки. Генетика. 2010. Т. 46. № 11. 1584 с.
53. Черчилль У. Как я воевал с Россией. М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2011. 384 с.
54. Adoutte A., Balavoine G., Lartillot N., Lespinet O., Prud'homme B., de Rosa R. The new animal phylogeny: reliability and implications // *Proc Natl Acad Sci USA*. 2000. V. 97(9). Pp. 4453-6. Review.
55. Batini C., Lopes J., Behar D.M., Calafell F., Jorde L.B., van der Veen L., Quintana-Murci L., Spedini G., Destro-Bisol G., Comas D. Insights into the demographic history of African Pygmies from complete mitochondrial genomes // *Mol Biol Evol*. 2011. V.28(2). Pp. 1099-110.
56. Behar D.M., Vilems R., Soodyall H., Blue-Smith J., Pereira L., Metspalu E., Scozzari R., Makkan H., Tzur S., Comas D., Bertranpetit J., Quintana-Murci L., Tyler-Smith C., Wells R.S., Rosset S.; Genographic Consortium. The dawn of human matrilineal diversity // *Am J Hum Genet*. 2008. V. 82(5). Pp. 1130-40.
57. Burbano H.A., Hodges E., Green R.E., Briggs A.W., Krause J., Meyer M., Good J.M., Maricic T., Johnson P.L., Xuan Z., Rooks M., Bhattacharjee A., Brizuela L., Albert F.W., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A., Lachmann M., Hannon G.J., Paabo S. Targeted investigation of the Neandertal genome by array-based sequence capture // *Science*. 2010. V. 328(5979). Pp. 723-5.
58. Castellano S., Parra G., Sanchez-Quinto F.A., Racimo F., Kuhlwilm M., Kircher M., Sawyer S., Fu Q., Heinze A., Nickel B., Dabney J., Siebauer M., White L., Burbano H.A., Renaud G., Stenzel U., Lalueza-Fox C., de la Rasilla M., Rosas A., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Z., Gusic I., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Meyer M., Kelso J., Andres A.M., Paabo S. Patterns of coding variation in the complete exomes of three Neandertals // *Proc Natl Acad Sci U S A*. 2014. V.111(18). Pp. 6666-71.
59. Chiaroni J., Underhill P.A., Cavalli-Sforza L.L. Y chromosome diversity, human expansion, drift, and cultural evolution // *Proc Natl Acad Sci USA*. 2009. V. 106(48). Pp. 20174-9.

60. Eisenberg D.T., Kuzawa C.W., Hayes M.G. Worldwide allele frequencies of the human apolipoprotein E gene: climate, local adaptations, and evolutionary history // *Am J Phys Anthropol.* 2010. V. 143(1). Pp. 100-11.
61. Estulin Daniel Bilderberg Report 2012 second part Russia // [Электронный ресурс] URL: <http://www.danielestulin.com/bilderberg-reportinforme-2012/> (дата обращения: 28.10.2015).
62. Fu Q., Meyer M., Gao X., Stenzel U., Burbano H.A., Kelso J., Pfifibo S. DNA analysis of an early modern human from Tianyuan Cave, China // *Proc Natl Acad Sci U S A.* 2013. V. 110(6). Pp. 2223-7.
63. Green R.E., Krause J., Briggs A.W., Maricic T., Stenzel U., Kircher M., Patterson N., Li H., Zhai W., Fritz M.H., Hansen N.F., Durand E.Y., Malaspina A.S., Jensen J.D., Marques-Bonet T., Alkan C., Priifer K., Meyer M., Burbano H.A., Good J.M., Schultz R., Aximu-Petri A., Butthof A., Huber B., Hoffner B., Siegemund M., Weihmann A., Nusbaum C., Lander E.S., Russ C., Novod N., Affourtit J., Egholm M., Verna C., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Z., Gusic I., Doronichev V.B., Golovanova L.V., Lalueza-Fox C., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A., Schmitz R.W., Johnson P.L., Eichler E.E., Falush D., Bimsey E., Mullikin J.C., Slatkin M., Nielsen R., Kelso J., Lachmann M., Reich D., Paabo S. A draft sequence of the Neandertal genome // *Science.* 2010. V. 328(5979). Pp. 710-22.
64. Green R.E., Malaspina A.S., Krause J., Briggs A.W., Johnson P.L., Uhler C., Meyer M., Good J.M., Maricic T., Stenzel U., Priifer K., Siebauer M., Burbano H.A., Ronan M., Rothberg J.M., Egholm M., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Z., Gusic I., Wikstrom M., Laakkonen L., Kelso J., Slatkin M., Paabo S. A complete Neandertal mitochondrial genome sequence determined by high-throughput sequencing // *Cell.* 2008. V. 134(3). Pp. 416-26.
65. Hammer M.F., Woerner A. E., Mendez F.L., Watkins J.C., Wall. J. D. Genetic evidence for archaic admixture in Africa *Proc Natl Acad Sci U S A.* 2011. V.108(37). pp. 15123-1512
66. Immigration and Social Systems: Collected Essays of Michael Bommes / C. Boswell C. D'Amato G. – Amsterdam. Amsterdam University Press, 2012. Pp. 177-199.
67. Khrameeva E.E., Bozek K., He L., Yan Z., Jiang X., Wei Y., Tang K., Gelfand M.S., Prufer K., Kelso J., Paabo S., Giallardo P., Lachmann M., Khaitovich P. Neanderthal ancestry drives evolution of lipid catabolism in contemporary Europeans // *Nat Commun.* 2014. V. 5: 3584. Pp. 1-8.
68. Krause J., Lalueza-Fox C., Orlando L., Enard W., Green R.E., Burbano H.A., Hublin J.J., Hänni C., Fortea J., de la Rasilla M., Bertranpetit J., Rosas A., Paabo S. // The Derived FOXP2 Variant of Modern Humans Was Shared with Neandertals. *Curr Biol.* 2007. V.17(21). Pp. 1908-1912.
69. Kuhlwillm M., Davierwala A., Paabo S. // Identification of putative target genes of the transcription factor 'RUNX2. *PLoS One.* 2013. V. 8(12):e83218.
70. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. New York: Oxford University Press Inc, 1995. 280 pp.
71. Kymlicka W. Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship. Oxford: Oxford University Press, 2001. 383 pp.
72. Lalueza-Fox C., Gigli E., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A.. Bitter taste perception in Neandertals through the analysis of the TAS2R38 gene // *Biol Lett.* 2009. V. 5(6). Pp. 809-11.
73. Lalueza-Fox C., Rompler H., Caramelli D., Staubert C., Catalano G., Hughes D., Rohland N., Pilli E., Longo L., Condemi S., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A., Stoneking M., Schoneberg T., Bertranpetit J., Hofreiter M. A melanocortin 1 receptor allele suggests varying pigmentation among Neanderthals // *Science.* 2007. V. 30; 318(5855). Pp. 1453-1455.
74. Maxwell Jordan Matrix of power: How the World Has Been Controlled by Powerful People Without Your Knowledge. The Book Tree, 2000. 108 pp.

75. Morant G.M. A biometric study of neanderthaloid skulls and their relationships to modern racial types // *Biometrika*, JvB2, 1927. Pp. 318-381.
76. Nei M. Analysis of Gene Diversity in Subdivided Populations // *Proc. Nat. Acad. Sci. USA* 1973. Vi 70, №. 12, Part I. Pp. 3321-3323.
77. Parekh B. The Future of Multi-Ethnic Britain: Report of the Commission on the Future of Multi-Ethnic Britain. London: Profile Books, 2000. P. 117.
78. Pennisi Ancient DNA Holds Clues to Gene Activity in Extinct Humans // *Science*. 2014. V. 344. Pp.245-46.
79. Priifer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., de Filippo C., Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwillm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Paabo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // *Nature*. 2014. V. 505 (7481). Pp. 43-9.
80. Sailer K. Die Cromagnonrasse und ihre Stellung zu anderen jungpalaolithischen Langschadelrassen // *Z. Indukt. Abstammung und Vererbungslehre*. Bd. 39, N°2, 1925.
81. Schlesinger A.M. The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society. New York: W.W. Norton & Company, 1998. P. 98.
82. Wall J.D., Yang M.A., Jay F., Kim S.K., Durand E.Y., Stevison L.S., Gignoux C., Woerner A., Hammer M.F., Slatkin M.. Higher levels of neanderthal ancestry in East Asians than in Europeans // *Genetics*. 2013. V. 194(1). Pp. 199-209.
83. Zhivotovsky L.A., Bennett L., Bowcock A.M., Feldman M.W. Human population expansion and microsatellite variation // *Mol. Biol. Evol.* 2000. V. 17. Pp. 757-767.
84. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. 527 с.
85. Как мы пишем историю? / Отв. ред. Г. Гарпо, Г. Дюфо, Л. Пименова. М., 2013. 456 с.

REFERENCES

1. Alekseeva T.I. Adaptatsiya cheloveka v razlichnykh ekologicheskikh nishakh zemli (biologicheskie aspekty) [Human Adaptation in Different Ecological Niches of the Earth (Biological Aspects)]. М., МНЕПУ, 1998. 280 p.
2. Антропологическое исследование [Anthropological Study] М., Наука, 1984. pp. 14-99.
3. Atamanenko I.G. Tainy «Bil'derbergskogo kluba» - bol'shaya politika i korovy (The Secrets of the Bilderberg Group – Big-Time Policy and Cows) // *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 2011. June 17th.
4. Attali ZH. Kochevniki // Na poroge novogo tysyacheletiya [Nomads // On the Threshold of the New Millenium] *Politologiya* [Politology]. – URL: http://politology.VUZLIB.Org/book_0271_page_8.html (request date: 28.10.2015)
5. Attali ZH. Na poroge novogo tysyacheletiya [On the Threshold of the New Millennium] [Elektronnyi resurs [[Electronic source]. – URL: http://www.patriotica.ru/enemy/attali_porog_/html (request date: 28.10.2015)
6. Benkhabib S. Prityazanie kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyu eru [The Claim of Culture. Equality and Diversity at the Age of Globalization]. М., Logos, 2003. 350 p.
7. Bil'derbergskii klub [The Bilderberg Group] *Dokumentika* [Documentika]. – URL: <http://dokumentika.org/bilderbergskiy-klub/bilderbergskiy-klub> (request date: 28.10.2015)
8. Bil'derbergskii klub [The Bilderberg Group] [Elektronnyi resurs [[Electronic Source]. – URL: http://www.liveinternet.ru/users/samanta_black/post124508895 (request date: 28.10.2015)

9. Bil'derbergskii Klub. Entsiklopediya znakov i simvolov [The Bilderberg Group. Encyclopedia of Signs and Symbols] Znaki [Signs]. – URL: <http://www.znaki.chebnet.com/sl0.php?id=346> (request date: 28.10.2015)
10. Borisov A.A. Amerikanskii konservatory i mul'tikul'turalizm: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk [American Conservatives and Multiculturalism: author. thesis ... candidate of Historical Sciences]. Perm, 2000. 290 p.
11. Borisov A.A. Mul'tikul'turalizm: Amerikanskii opyt i Rossiya [Multiculturalism: American Experience and Russia] Mul'tikul'turalizm i etnokul'turnye protsessy v menyayushchimsya mire: Issledovatel'skie podkhody i interpretatsii [Multiculturalism and Ethnocultural Processes in the Changing World: Research Approaches and Interpretations]. M., Aspekt Press, 2003. pp. 8-29.
12. Bunak V.V. Rod Homo, ego vozniknovenie i posleduyushchaya evolyutsiya [The Homo Genus, its Emergence and Subsequent Evolution]. M., Nauka, 1980. 328 p.
13. Bunak V.V. Chelovecheskie rasy i puti ikh obrazovaniya [The Human Races and the Ways of their Formation] // Sovetskaya etnografiya. 1956. no. 1. pp. 86-105.
14. Bunak V.V. Cherep cheloveka i stadii ego formirovaniya u iskopaemykh lyudei i sovremennykh ras [Human Skull and Stages of its Formation in Ancient Humans and Modern Races]. M., Izd-vo AN SSSR, 1959. 284 p.
15. Bunak V. V., Gerasimova M.M. Verkhnepaleoliticheskii cherep Sungir' 1 i ego mesto v ryadu drugikh verkhnepaleoliticheskikh cherepov [The Skull of the Upper Paleolithic "Sungir 1" and its Place among the Other Upper Paleolithic Skulls] Sungir'. Antropologicheskoe issledovanie [Sungir. Anthropological Study]. M., 1984. pp. 14-100.
16. B'yukenen P. Dzh. Smert' Zapada [Buchanan P.J. Death of the West]. M., AST, 2003. 444 p.
17. Vallerstain I. Miro-sistemnyi analiz [Wallerstein I. World-Systems Analysis] Vremya mira. Al'manakh sovremennykh issledovaniy po teoreticheskoi istorii, makrosotsiologii, geopolitike, analizu mirovykh sistem i tsivilizatsii [The Time of the World. Almanac of Modern Studies in Theoretical History, Macrosociology, Geopolitics, World-Systems and Civilizations Analysis] / Ed. by N.S.Rozov. M., 1998. pp. 105-123.
18. Vasil'ev S.V. Differentsiatsiya pleistotsenovykh gominid [Differentiation of Pleistocene Hominids]. M., 1999. 203 p.
19. Verbin A. Molchanie global'nogo bezrazlichiya (Silence of Global Indifference) // Sovetskaya Rossiya, 2014, January 10th.
20. Gaeva A. Politika mul'tikul'turalizma: mezhdunarodnyi opyt Frantsii i Germanii [The Politics of Multiculturalism: International Experience in France and Germany] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2014. no. 3. pp. 188-197.
21. Gaeva A. Politika mul'tikul'turalizma: mezhdunarodnyi opyt Frantsii i Germanii [The Politics of Multiculturalism: International Experience in France and Germany] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2014. no. 3. pp. 188-197.
22. Gleizer N. Mul'tietnicheskie obshchestva: problemy demograficheskogo, religioznogo i kul'turnogo raznoobraziya [Multi-ethnic societies: Problems of Demographic, Religious and Cultural Diversity] // Etnograficheskoe obozrenie. 1998. no. 6. pp. 98-104.
23. Dzarasov R.S. Krizis kapitalizma i obshchestvennyi stroi novoi Rossii [The Crisis of Capitalism and the Social Order of the New Russia] // Polis. 2011. no. 4. pp. 41-59.
24. Dokumenty Evropeiskogo soyuza [Elektronnyi resurs] [The Documents of the European Union [Electronic source]] - URL: <http://eulaw.ru/treaties#other> (request date: 28.10.2015)
25. Zhizhek S. Interpassivnost'. ZHelanie: vlechenie. Mul'tikul'turalizm [Interpassivity. Desire: Inclination. Multiculturalism]. SPb., Aleteiya, 2005. 156 p.

26. Politicheskie ucheniya XX-XXI vv. [The Political Doctrine of XX-XXI Centuries]. Egorov V.G., Abramov A.V., Alekseev R.A. and others M., IIU MGOU, 2015. 284 p.
27. Kimlika U. Sovremennaya politicheskaya filosofiya. Vvedenie [Modern Political Philosophy. Introduction]. M., Vysshaya shkola ekonomiki, 2010. 592 p.
28. Kuropyatnik A.I. Mul'tikul'turalizm: ideologiya i politika sotsial'noi stabil'nosti polietnicheskikh obshchestv [Multiculturalism: the Ideology and Politics of Social Stability in Multi-ethnic Societies] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2000. T. 3. no. 2. pp. 53-66.
29. Lapkin V.V. «Modernizatsiya» i «kapitalizm»: pereosmyslyaya sovremennoe razvitiye ["Modernization" and "Capitalism": Rethinking Contemporary Development] // Polis. 2012. no. 6. pp. 41-54.
30. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M., Sov. Entsiklopediya, 1990. 685 p.
31. Lyuksemburg R. Vvedenie v politicheskuyu ekonomiyu [Introduction to Political Economy] M., 2010. pp. 125.
32. Kharris M. Sovetskaya Rossiya, 2015. Avgust. Haris M. If Stalin Had Computers.
33. Mal'kovskaya I.A. Mnogolikii Yanus otkrytogo obshchestva: opyt kriticheskogo osmysleniya likov obshchestva v epokhu globalizatsii [The Many-Sided Janus of Open Society: the Experience of Critical Reflection of Society Faces in the Era of Globalization]. M., KomKniga, 2005. 280 p.
34. Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. T. 12 [Marx C. Works. 2nd ed.. Vol. 12]. M., Politizdat, 1958. 736 p.
35. Mezhduvlastie. Zigmunt Bauman beseduet c Vinchentso Della Sala [Interregnum. Zygmunt Bauman Talks with Vincenzo Della Sala] // Rossiya v global'noi politike. T. 10. 2012. no. 6. pp. 12-13.
36. Mul'tikul'turalizm i transformatsiya postsovetskikh obshchestv [Multiculturalism and Transformation of Post-Soviet Societies]. M., Institut etnologii i antropologii RAN, 2002. 356 p.
37. Neklessa A.I. Razvitiye i ekonomika. 2013. no. 6. pp. 117 c. Unidentified Culture 4.3. Globalism and Network Culture. Development and Economy.
38. Ofitsial'nyi sait Bil'derbergskogo kluba [The Official Website of the Bilderberg Group]. – URL: www.bilderbergmeetings.org (request date: 28.10.2015).
39. Pavlenko V., SHtol' V. Proekt «Globalizatsiya»: rol' i mesto vo vsemirno-istoricheskom protsesse [The “Globalization” Project: the Role and Place in Global Historical Process] // Obozrevatel'. 2013. no. 5. pp. 5-28.
40. Parekh B. Pereosmyslivaya mul'tikul'turalizm: kul'turnoe raznoobrazie i politicheskaya teoriya [Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory] Khomyakov M.B. Khrestomatiya po distsipline «Sovremennaya politicheskaya filosofiya: liberalizm, kommunitarizm, mul'tikul'turalizm» [Khomyakov M. B. Readings on the Discipline of "Modern Political Philosophy: Liberalism, Communitarianism, Multiculturalism"]. Ekaterinburg, 2007. pp. 80-92.
41. Podlinnaya istoriya i plany Bil'derbergskogo kluba [The True History and the Plans of the Bilderberg Group] - URL: <http://mixednews.ru/archives/133> (request date: 28.10.2015).
42. Smolenskii N.I. Istoriya i logika. Problemy obshcheistoricheskoi teorii i prirody istoricheskikh ponyatii [History and Logic. The Problems of Global Theory and the Nature of Historical Concepts]. M., 2013. 184 p.
43. Tarle E.V. Napoleon. M.: Izd [Napoleon. M.: Publishing House]. Academy of Sciences of the USSR, 1957. 468 p.
44. Tishkov V.A. Rekviev po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii [Requiem for Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. M., Nauka, 2003. 554 p.

45. Tlostanova M.V. Nyuansirovka inakovosti v postmodernistkikh epistemakh [The nuanced Otherness in the Post-Modernist Epistemes] // *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. T. 5. 2005. no. 3-4. pp. 116-134.
46. Tlostanova M.V. Problema mul'tikul'turalizma i literatura SSHA XX veka [Multiculturalism and the USA Literature of the Twentieth Century]. M., IMLI RAN, «Nasledie», 2000. 400 p.
47. Toffler E. Metamorfozy vlasti: Znanie, bogatstvo i sila na poroge KHKHI veka [Metamorphoses of Power: Knowledge, Wealth and Power in the Twenty-First Century]. M., 2009. 674 p.
48. Wells G. YAd, imenuemyi istoriei. Sobr. coh. V 15 tomakh. T. 15 [The Poison, Called History. Collected works. In 15 volumes. T. 15]. M. 463 p.
49. Fergysun N. Imperiya: chem sovremenniy mir obyazan Britanii [Empire: What the Modern World Owes to Britain]. M., 2013. 560 p.
50. Fukuyama F. Konets istorii i poslednii chelovek [The End of History and the Last Man]. M., 2007. 129 p.
51. Khantington S. Stolknoenie tsivilizatsii [Huntington S. The Clash of Civilizations]. M., AST, 2003. 603 p.
52. Khrustaleva A.M., Volkov A.A., Stoklitskaya D.S. Sravnitel'nyi analiz izmenchivosti STR- i SNP-lokusov v populyatsiyakh nerki (*Oncorhynchus nerka*) Vostochnoi i Zapadnoi Kamchatki [Comparative Analysis of Variability of STR and SNP Loci in Populations of Sockeye Salmon (*Oncorhynchus Nerka*) from Eastern and Western Kamchatka] // *Genetika*. 2010. vol. 46, no. 11, 1584 p.
53. Cherrill' U. Kak ya voeval s Rossiei [How I fought with Russia]. M., EKSMO-Algorithm, 2011. 384 p.
54. Adoutte A., Balavoine G., Lartillot N., Lespinet O., Prud'homme B., de Rosa R. The new animal phylogeny: reliability and implications // *Proc Natl Acad Sci USA*. 2000. V. 97(9). pp. 4453-6. Review.
55. Batini C., Lopes J., Behar D.M., Calafell F., Jorde L.B., van der Veen L., Quintana-Murci L., Spedini G., Destro-Bisol G., Comas D. Insights into the demographic history of African Pygmies from complete mitochondrial genomes // *Mol Biol Evol*. 2011. V.28(2). Pp. 1099-110.
56. Behar D.M., Vilems R., Soodyall H., Blue-Smith J., Pereira L., Metspalu E., Scozzari R., Makkan H., Tzur S., Comas D., Bertranpetit J., Quintana-Murci L., Tyler-Smith C., Wells R.S., Rosset S.; Genographic Consortium. The dawn of human matrilineal diversity // *Am J Hum Genet*. 2008. V. 82(5). Pp. 1130-40.
57. Burbano H.A., Hodges E., Green R.E., Briggs A.W., Krause J., Meyer M., Good J.M., Maricic T., Johnson P.L., Xuan Z., Rooks M., Bhattacharjee A., Brizuela L., Albert F.W., de la Rasilla M., Fordea J., Rosas A., Lachmann M., Hannon G.J., Paabo S. Targeted investigation of the Neandertal genome by array-based sequence capture // *Science*. 2010. V. 328(5979). Pp. 723-5.
58. Castellano S., Parra G., Sanchez-Quinto F.A., Racimo F., Kuhlwillm M., Kircher M., Sawyer S., Fu Q., Heinze A., Nickel B., Dabney J., Siebauer M., White L., Burbano H.A., Renaud G., Stenzel U., Lalueza-Fox C., de la Rasilla M., Rosas A., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Z., Gu-Sic I., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Meyer M., Kelso J., Andres A.M., Paabo S. Patterns of coding variation in the complete exomes of three Neandertals // *Proc Natl Acad Sci U S A*. 2014. V. 111(18). Pp. 6666-71.
59. Chiaroni J., Underhill P.A., Cavalli-Sforza L.L. Y chromosome diversity, human expansion, drift, and cultural evolution // *Proc Natl Acad Sci USA*. 2009. V. 106(48). Pp. 20174-9.
60. Eisenberg D.T., Kuzawa C.W., Hayes M.G. Worldwide allele frequencies of the human apolipoprotein E gene: climate, local adaptations, and evolutionary history // *Am J Phys Anthropol*. 2010. V. 143(1). Pp. 100-11.
61. Estulin Daniel Bilderberg Report 2012 second part Russia // [Electronic resource] URL:

- <http://www.danielestulin.com/bilderberg-reportinforme-2012/> (request date: 28.10.2015).
62. Fu Q., Meyer M., Gao X., Stenzel U., Burbano H.A., Kelso J., Pfifibo S. DNA analysis of an early modern human from Tianyuan Cave, China // *Proc Natl Acad Sci U S A*. 2013. V.10(6). Pp. 2223-7.
 63. Green R.E., Krause J., Briggs A.W., Maricic T., Stenzel U., Kircher M., Patterson N., Li H., Zhai W., Fritz M.H., Hansen N.F., Durand E.Y., Malaspinas A.S., Jensen J.D., Marques-Bonet T., Alkan C., Priifer K., Meyer M., Burbano H.A., Good J.M., Schultz R., Aximu-Petri A., Butthof A., Hübner B., Hoffner B., Siegemund M., Weihmann A., Nusbaum C., Lander E.S., Russ C., Novod N., Affourtit J., Egholm M., Verna C., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Z., Gusic I., Doronichev V.B., Golovanova L.V., Lalueza-Fox C., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A., Schmitz R.W., Johnson P.L., Eichler E.E., Falush D., Bimsey E., Mullikin J.C., Slatkin M., Nielsen R., Kelso J., Lachmann M., Reich D., Paabo S. A draft sequence of the Neandertal genome // *Science*. 2010. V. 328(5979). Pp. 710-22.
 64. Green R.E., Malaspinas A.S., Krause J., Briggs A.W., Johnson P.L., Uhler C., Meyer M., Good J.M., Maricic T., Stenzel U., Priifer K., Siebauer M., Burbano H.A., Ronan M., Rothberg J.M., Egholm M., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Z., Gusic I., Wikstrom M., Laakkonen L., Kelso J., Slatkin M., Paabo S. A complete Neandertal mitochondrial genome sequence determined by high-throughput sequencing // *Cell*. 2008. V. 134(3). Pp. 416-26.
 65. Hammer M.F., Woerner A. E., Mendez F.L., Watkins J.C., Wall. J. D. Genetic evidence for archaic admixture in Africa *Proc Natl Acad Sci U S A*. 2011. V.108(37). pp. 15123-1512
 66. Immigration and Social Systems: Collected Essays of Michael Bommes / C. Boswell C. D'Amato G. – Amsterdam. Amsterdam University Press, 2012. Pp. 177-199.
 67. Khrameeva E.E., Bozek K., He L., Yan Z., Jiang X., Wei Y., Tang K., Gelfand M.S., Prufer K., Kelso J., Paabo S., Giallisco P., Lachmann M., Khaitovich P. Neanderthal ancestry drives evolution of lipid catabolism in contemporary Europeans // *Nat Commun*. 2014. V. 5: 3584. Pp. 1-8.
 68. Krause J., Lalueza-Fox C., Orlando L., Enard W., Green R.E., Burbano H.A., Hublin J.J., Hanni C., Fortea J., de la Rasilla M., Bertranpetit J., Rosas A., Paabo S. // *The Derived FOXP2 Variant of Modern Humans Was Shared with Neandertals*. *Curr Biol*. 2007. V.17(21). Pp. 1908-1912.
 69. Kuhlwlilm M., Davierwala A., Paabo S. // Identification of putative target genes of the transcription factor 'RUNX2. *PLoS One*. 2013. V. 8(12):e83218.
 70. Kymlicka W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. New York: Oxford University Press Inc, 1995. 280 pp.
 71. Kymlicka W. *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 383 pp.
 72. Lalueza-Fox C., Gigli E., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A.. Bitter taste perception in Neanderthals through the analysis of the TAS2R38 gene // *Biol Lett*. 2009. V. 5(6). Pp. 809-11.
 73. Lalueza-Fox C., Rompler H., Caramelli D., Staubert C., Catalano G., Hughes D., Rohland N., Pilli E., Longo L., Condemi S., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A., Stoneking M., Schoneberg T., Bertranpetit J., Hofreiter M. A melanocortin 1 receptor allele suggests varying pigmentation among Neanderthals // *Science*. 2007. V. 30; 318(5855). Pp. 1453-1455.
 74. Maxwell Jordan *Matrix of power: How the World Has Been Controlled by Powerful People Without Your Knowledge*. The Book Tree, 2000. 108 pp.
 75. Morant G.M. A biometric study of neanderthaloid skulls and their relationships to modern racial types // *Biometrika*, JVb2, 1927. Pp. 318-381.
 76. Nei M. Analysis of Gene Diversity in Subdivided Populations // *Proc. Nat. Acad. Sci. USA* 1973.Vi 70, №. 12, Part I. Pp. 3321-3323.

77. Parekh B. The Future of Multi-Ethnic Britain: Report of the Commission on the Future of Multi-Ethnic Britain. London: Profile Books, 2000. P. 117.
78. Pennisi Ancient DNA Holds Clues to Gene Activity in Extinct Humans // Science. 2014. V. 344. Pp. 245-46.
79. Priifer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., de Filippo C., Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Paabo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // Nature. 2014. V. 505 (7481). Pp. 43-9.
80. Sailer K. Die Cromagnonrasse und ihre Stellung zu anderen jungpalaolithischen Langschadelrassen // Z. Indukt. Abstammung und Vererbungslehre. Bd. 39, no. 2, 1925.
81. Schlesinger A.M. The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society. New York: W.W. Norton & Company, 1998. P. 98.
82. Wall J.D., Yang M.A., Jay F., Kim S.K., Durand E.Y., Stevison L.S., Gignoux C., Woerner A., Hammer M.F., Slatkin M.. Higher levels of neanderthal ancestry in East Asians than in Europeans // Genetics. 2013.V. 194(1). Pp. 199-209.
83. Zhivotovsky L.A., Bennett L., Bowcock A.M., Feldman M.W. Human population expansion and microsatellite variation // Mol. Biol. Evol. 2000. V. 17. pp. 757-767.
84. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii [The Meaning and Purpose of History]. M., 1991. 527 p.
85. Kak my pishem istoriyu? [How do we write history?]. M., 2013. 456 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: kaF-nim@mgou.ru

Васильев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий Центром физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН;
e-mail: vasbor1@yandex.ru

Коньков Андрей Сергеевич – младший научный сотрудник Медико-генетического центра РАН, Москва;
e-mail: andrey.s.konkov@gmail.com

Копосов Лев Феодосьевич – доктор филологических наук, профессор заведующий кафедрой истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-isrl@mgou.ru

Егоров Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-pprava@mgou.ru

Бруз Владимир Виленович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и государственного управления Московского государственного областного университета;
e-mail: vvb54@yandex.ru

Штоль Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор Дипломатической академии МИД России;

e-mail: observer@ru.ru

Гаева Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;

e-mail: tlingell@rambler.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;

e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Smolenski, Nikolay I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, professor of the department of New, Newest History and Methodology, Moscow State Regional University;

e-mail: kaF-nim@mgou.ru

Vasilev, Sergey V. – Doctor of Historical Sciences, manager of the Physical Anthropology Center of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

e-mail: vasbor1@yandex.ru

Kon'kov, Andrey A. – research assistant of the Institute of Medical Genetics, Moscow

e-mail: andrey.s.konkov@gmail.com

Koposov, Lev F. – Doctor of Philology, Professor, head of the department of the History of the Russian Language and General Linguistics, Moscow State Regional University;

e-mail: kaf-isrl@mgou.ru

Yegorov, Vladimir G. – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the department of Politology and Law, Moscow State Regional University;

e-mail: kaf-pprava@mgou.ru

Bruz Vladimir V. – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the department of Management and State Management, Moscow State Regional University;

e-mail: vvb54@yandex.ru

Stol', Vladimir V. – Doctor of Political Sciences, professor, head of the department of regional office of the Institute of State Service and Management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

e-mail: observer@ru.ru

Gayeva, Anastasiya S. – post-graduate student of the department of Politology and Law, Moscow State Regional University;

e-mail: tlingell@rambler.ru

Bagdasaryan, Vardan E. – Doctor of Historical Sciences, professor, Dean of the Faculty of History, Politology and Law, Moscow State Regional University;

e-mail: vardanb@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Смоленский Н.И., Васильев С.В., Коньков А.А., Копосов Л.Ф., Егоров В.Г., Бруз В.В., Штоль В.В., Гаева А.С., Багдасарян В.Э. Проблема единства мировой истории (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 6-78.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-6-78

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Smolenski, S. Vasilyev, A. Kon'kov, L. Koposov, V. Egorov, V. Bruz, V. Stol', A. Gayeva, V. Bagdasaryan. The problem of world history unity (Round Table) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 6-78.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-6-78

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Всеобщая история

УДК 94(44) 015+94(44)017

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-79-89

ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ В КАРОЛИНГСКОЙ АННАЛИСТИКЕ 870-880-х гг.

Гайворонский И.Д.

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме образа правителя в каролингской анналистике 870-880-х гг.: Бертинских, Фульдских и Ведастинских анналах. Изучены сообщения этих хроник о ключевых событиях десятилетия: коронации Карла Лысого (843-877 гг.) императорской короной в 875 г. и призвании императора Карла Толстого (881-887 гг.) в Западно-франкское королевство в 884 г. Автор доказывает, что анналисты, описывая практику действий монархов в период конфликтов внутри династии Каролингов, тем самым конструировали определённые концепции власти. Создавая образы монархов активных, решительных и способных отстаивать свои права на титулы и земли, авторы хроник не только реагировали на окружающую их политико-социальную действительность, но и опирались на предшествующую письменную традицию – описания античными историками эпохи гражданских войн в Риме.

Ключевые слова: Каролинги, анналы, Карл Лысый, Карл Толстый, образ монарха, концепция власти.

IMAGE OF A RULER IN THE CAROLINGIAN ANNALS OF 870-880S

I. Guyvoronski

St.-Petersburg State University

7-9, Universitetskaya Embankment, Saint-Petersburg, 199034, the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the problem of a ruler's image in Carolingian annals of the 870-880s: St. Bertin, Fulda and St-Vaast annals. The information about the key events of that decade are studied: Charles' the Bald (843-877) coronation with the imperial crown in 875 and

calling of the emperor Charles the Fat (881-887) to the West Frankish kingdom in 884. The author proves that during the conflicts in the Carolingian dynasty the authors of the annals while describing the monarchs' practice of actions thereby designed certain concepts of the power. Creating the monarchs' images as active, resolute and capable to assert their rights for titles and lands, the authors of chronicles did not only react to the political and social reality surrounding them, but also relied on the previous written tradition – descriptions of an epoch of civil wars in Rome given by the antique historians.

Key words: Carolingians, annals, Charles the Bald, Charles the Fat, image of the monarch, image of the power.

В средние века интерес к личностям монархов был обусловлен, прежде всего, их соответствием неким идеальным концепциям власти, будь то принадлежащая Алкуину интерпретация христианской империи или же присущая Эйнхарду ностальгически-античная трактовка личности Карла Великого [5, с. 145-146]. Именно поэтому богатая на события и доблестные деяния история каролингских государей VIII-IX вв. спровоцировала бурное развитие в трудах учёных людей Франкской державы темы монархии, образов правителей и цельных концепций власти [2, с. 608, 610].

Каково место в эволюции каролингский представлений о власти портретов монархов второй половины IX в.? И правомерно ли вообще говорить о существовании подобных «портретов» в указанный отрезок франкской истории? Ведь заметное ослабление власти каролингских правителей во второй половине IX в. должно было повлиять на представление о них в глазах интеллектуальной элиты франкского мира. Известно, что преемники последнего «общефранкского» императора Людовика Благочестивого короли Карл Лысый (843-877 гг.) и Людовик Немецкий (843-876 гг.) в течение своего правления вынуждены были решать куда менее возвышенные задачи, чем

их предшественники: поиск компромисса с усиливающейся аристократией и денежных средств для того, чтобы откупиться от норманнов, регулярно вторгавшихся на территорию франкских королевств, стали главными направлениями деятельности внуков Карла Великого¹.

Сопровождающая данный исторический контекст скудость повествовательных источников (включающая исчезновение в указанный период прежде столь популярных жанров, как королевская биография и «деяния») будто бы вселяет в нас убеждённость: реалии второй половины IX в. лишили франкских интеллектуалов потребности создавать яркие жизнеописания – за неимением перед их глазами настоящего ярких монархов. Следовательно, вопрос о «наличии или отсутствии» образов власти каролингских монархов во второй половине IX в. оказался закрыт: их попросту не было. Эта своего рода «историческая иллюзия» обусловила пониженный интерес у историков к образам власти и вообще политической теологии второй половины IX в.² Такие исследователи

¹ Подробнее см.: [22; 27, с. 160-165; 11, с. 28-32; 24, с. 120-121; 28, с. 139-145; 19, с. 379-388; 18, с. 89-92].

² Термин «политическая теология» (Politische Teologie) введён в одноимённом произведении немецким историком и философом

княжеских зеркал и средневекового образа власти в целом, как В. Бергес и Х.Х. Антон, временем складывания и развития каролингского образа власти считали правление первых двух Каролингов, когда, по их мнению, сложился образ христианского государя [16-17]. Между тем концепция и образ власти и, тем более, образ монарха, существовавшие, пусть и в слабо оформленном состоянии, во второй половине IX в., оказались за пределами внимания исследователей¹.

Подобное положение вещей представляется не вполне справедливым, поскольку именно в указанный период рождённые каролингской цивилизацией монархия (хотя и в её уже локальных, западно- и восточно-франкском вариантах) и представления о власти подверглись серьёзным испытаниям в виде внутрдинастических столкновений, усиления роли знати в делах королевств и нападений скандинавов. В этих условиях единственными свидетелями деяний франкских государей явились каролингские анналисты. Попыткой увидеть в их скупых сообщениях очертания образа правителя, поставив его в контекст динамики развития каролингской концепции власти, является данная статья. Предметом нашего рассмотрения станут ключевые события 870-880-х гг., а именно коронация Карла Лысого императорской короной в 875 г. и призвание императора Карла III Толстого (881-887 гг.) на царство в

Карлом Шмиттом и активно использовался американско-немецким исследователем Э.Х. Канторовичем [7].

¹ Некоторые сведения об отражении во франкской анналистике второй половины IX в. образов монархов из династии Каролингов можно найти в диссертационном исследовании А.И. Сидорова [10, с. 25-26].

Западно-франкское королевство в 884-885 гг., сведения о которых донесли до нас каролингские хроники². В нашем распоряжении – три крупных источника: Бертинские [13], Фульдские [14] и Ведастинские анналы [15], написанные в разных частях франкского мира³.

Анналы Сен-Бертенского монастыря, написанные в королевстве западных франков, и анналы монастыря в Фульде, составленные на в Восточной Франкии, сообщили схожие факты о деятельности королей-братьев – Карла Лысого и Людовика Немецкого в 875 г.: за исключением описания борьбы за императорский титул, записи обеих хроник (как и позднее, в 884-885 гг.) представляют собой типичные для этого жанра записи о перемещениях королей, их совместных со знатью ассамблей и смертях монарших родственников. Однако их авторы придают совершенно разную эмоциональную окраску овладению Карлом Лысым императорской короной, в те

² Предупреждая возможные замечания о правомерности использования более позднего понятия «хроника» применительно к раннесредневековым анналам, подчеркнём, что данное слово используется исключительно в качестве синонимичного понятию «анналы», дабы не перегружать текст статьи повторами. То же относится и к понятию «летопись».

³ Хроника Сент-Бертенского монастыря во Фландрии охватывает 830-882 гг.; фрагмент, интересующий нас и включивший записи за 863-883 гг., написан известнейшим церковным иерархом того времени – Хинкмаром Реймским (ок. 806-882 гг.) [30; 23]. Фульдские анналы, с 841 г. ведшиеся в Майнце и повествующие о событиях 680-901 гг., включают фрагмент за 864-887 гг., написанные монахом Мегинхардом, хорошо образованным книжником, знакомым с античными трудами [24; 29]. Автор же анналов фламандского монастыря святого Вааста (Ведаста), охвативших 874-900 гг., нам неизвестен [29, с. 9].

годы означавшее обретение верховенства над всеми франкскими землями.

Автор части Бертинских анналов, охватившей 863-882 гг., Хинкмар Реймский, несмотря на очевидный политический успех своего патрона в 875 г., проявил себя как беспристрастный, претендующий, вероятно, на объективность, летописец. Оценка действий Карла Лысого по завоеванию императорской короны у Хинкмара отсутствует в принципе: династические перипетии, связанные со смертью Людовика II и последующей борьбой братьев за титул императора, подробно описываются анналистом из Реймса, но никак им не комментируются. Сама же знаковая (казалось бы) коронация Карла в Риме предстаёт событием весьма заурядным, ничем не выделяющимся на фоне других фактов франкской истории тех лет [13, S. 126-127]. Наиболее вероятное объяснение такой позиции Хинкмара заключается в том, что крупнейший иерарх Западно-франкского королевства не хотел превращения своего короля в союзника и слугу Папы Римского, что означало бы решение политических задач совсем другого уровня: защиту Апостольского престола от группировок римской аристократии и нападений арабов. Хинкмар же своей политической деятельностью и главным трудом (книгой «О дворцовом порядке») защищал идею, согласно которой король должен слушаться, прежде всего, епископов, под которым подразумевалось высшее духовенство Западной Франкии [20, р. 23-25]¹.

¹ Подобная трактовка позиции Хинкмара может встретить следующее замечание: средневековый анналист всегда стремился скрыть свою личность, выступить беспристрастным рас-

Автор записей Фульдских анналов за 875-876 гг. монах Мегинхард, в отличие от Хинкмара, весьма конкретен в характеристике действий Карла Лысого: по словам фульдского автора, узнав о смерти императора Людовика, «тиран Галлии» Карл вторгается в Италию с разбоем, собирая сокровища этой земли «в свои когтистые руки» [14, S. 84]. Мегинхард применяет античные нравственные критерии к моральному облику короля западных франков: Карл сребролюбив, и к тому же – не отличается храбростью [14, S. 84-85]. Беззастенчиво грабящий Италию, Карл, опасаясь сражения с Карломаном, подкупает его деньгами и драгоценностями [14, S. 85], но в итоге обманывает Карломана и затем спешит в Рим [14, S. 85].

Подобная, по-настоящему яростная риторика Мегинхарда, имела под собой основания: правом на императорский титул обладал не Карл Лысый, а Людовик Немецкий как старший в Каролингском роду, и фульдский анналист на страницах своей хроники решительно встал на сторону своего короля. Таким образом, как и Хинкмар, Мегинхард выразил свою точку зрения на внутридинастический конфликт 875 г. При этом восточнофранкский анналист ярко продемонстрировал новый метод в конструировании образа власти: начиная с сочинений Эйнхарда и Нитхарда [6, с. 109] франкские писатели в создании образа правителя опираются уже не на христианские тексты, а на античную, главным образом римскую литературу эпохи

сказчиком событий. Однако подобный тезис опровергает риторика другого анналиста, восточнофранкского – Мегинхарда, предложившего совсем другое видение событий 875 г.

«золотого века» латинского языка, яркими представителями которого были Гай Саллюстий Крисп (86-35 или 34 до н.э.) и Корнелий Тацит (ок. 56-117 н.э.)¹.

В 882 г. жизнь выдающегося реймского архиепископа прервалась, как и повествование Бертинских анналов. Наиболее известными анналами в западной части франкского мира стали анналы монастыря Сен-Вааст во Фландрии, в то время как Мегинхард будет продолжать Фульдскую летопись, предположительно, до 888 г. К тому моменту в живых оставалось только два представителя Каролингского рода: 5-летний сын Людовика II Заики (877-879 гг.) Карл и 45-летний Карл III Толстый (император с 881 г., король восточных франков – с 882 г.), правивший на франкском востоке. Оставшись без короля, знать Западной Франкии предпочла ребёнку опытного Карла из германских земель. Как восприняла эти события анналистика?

Анналы монастыря Сен-Вааст сообщают в записи за 884 г., что уже само малолетство ещё здравствовавшего правителя, Карломана, подтолкнуло аристократию королевства к общему собранию для обсуждения данного вопроса [15, S. 55]. Однако внезапная гибель короля на охоте, от случайно нанесённой его спутником Бертольдом раны во время схватки с вепрем, вынудила магнатов послать графа Теодориха в Италию за императором Карлом «для того, чтобы тот прибыл во Франкию» [15, S. 55]. После прибытия Кар-

ла в Понтьон его власти подчиняются «все, кто были в королевстве Карломана», то есть, очевидно, тот самый нобилитет, призвавший Карла [15, S. 55].

Мегинхард же, парадоксальным образом, не упомянул ни о призвании Карла знатью, ни о его прибытии, ни о присяге нобилей новому правителю [14, S. 101-104]. Лишь яркий рассказ о гибели короля Карломана на охоте [14, S. 101-104], может подвести читателя к догадке, что в Западной Франкии сменился правитель. По сравнению с полемическим задором 875 г. Мегинхард сух и лаконичен, и только в неизменном подражании античным текстам узнаётся его собственный стиль. О неудачах и нерасторопности императора Мегинхард не говорит вовсе: против норманнов, являющихся главными действующими лицами интересующего нас фрагмента, сражается либо Хаймрих [14, S. 103], либо весьма абстрактные фризцы [14, S. 103]. Сам монарх занят сугубо внутренними делами и налаживанием отношений с папством, поэтому вообще не фигурирует как участник войн с данами [14, S. 103-104]. Вероятно, Мегинхарда угнетала безынициативность его патрона, поэтому ученый монах решил вовсе опустить все неприятные моменты, о которых, впрочем, не забыл автор Вестадинской хроники.

Подводя итоги анализу анналистики 70-80-х гг. IX столетия, становится очевидным, что различное восприятие авторами хроник фигуры Карла Лысого и получения им императорской короны в 875 г. имеет причину не только в том, в какой области франкской ойкумены были написаны те или иные анналы. Конечно, Мегинхарду, писавшему свою хронику в одном из

¹ Сочинения этих историков, которые могли в наибольшей степени повлиять на каролингских авторов – это «Югуртинская война» и «О заговоре Катилины» Саллюстия и «Анналы» Тацита.

главных духовных центров Восточно-франкского королевства – Майнце, была куда ближе фигура правителя этой земли Людовика Немецкого, чем далёкого Карла. Но и собственные взгляды анналистов на судьбу франкских королевств оказывали значительное влияние на содержание погодных записей: пример тому – реакция Хинкмара, а, точнее, её отсутствие – на имперскую коронацию Карла Лысого.

Защищаемая реймским архиепископом политическая концепция представляла франкского монарха смиренным слугой церкви, но не римской, а галло-франкской; если быть точным, слугой не Римского Папы, а западно-франкского епископата. Между тем Мегинхард, выражавший в Фульдских анналах официальную позицию восточной ветви и поддерживавшей её части церковного сообщества франкских земель, настаивал на исключительном праве своего господина Людовика Немецкого на императорскую корону.

В этих условиях отсутствия согласия между каролингскими династиями и, как следствие, соперничества внутри Каролингского дома, стала невозможной концепция христианской империи и прославления идеального христианского монарха, господствовавшая в эпоху Карла Великого и Людовика Благочестивого. В эпоху, когда во главу угла встали интересы королей, правивших отдельными осколками империи Карла Великого, франкским писателями потребовалось создать соответствующий образ правителя. Создать образ целеустремлённого, способного выходить из сложных династических ситуаций и умевшего проявить букет античных доблестей монарха, можно было с помощью при-

ёмов римской литературы, с которой франкские анналисты были хорошо знакомы. Античная риторика с её моралистским критицизмом, образцом которой для средневекового книжника всегда был Саллюстий, стала основной того образа правителя, которой предложили франкские анналисты и, прежде всего, Мегинхард в 870-80-х гг.¹

Однако эрудиция франкских анналистов не могла скрыть неспособность Каролингов разрешить сложные внутренние и внешние проблемы, давшие о себе знать со времён междоусобиц 830-х гг. Именно эта неспособность породила тенденцию к *десакрализации* власти Каролингов – потерей ими священного ореола в глазах элиты. Отражением этого стала лаконичность анналистов 880-х гг.: на смену яркой риторике пришло разочарование. И это неудивительно: вслед за Верденским разделом Империи в 843 г. последовал 877 – год смерти Карла Лысого, когда вновь, казалось бы, обретенное единство рассыпалось, как карточный домик. Можно предположить, что это стало в глазах интеллектуальной элиты неким рубежом, итогом предшествующего распада единой империи. Политическое фиаско королевской власти делало все более невозможными ее апологию и вообще какое-либо концептуальное обоснование универ-

¹ Подчеркнём, что фульдский книжник не являлся первопроходцем на этом поприще: смена приёмов конструирования образа монарха происходит уже в конце 830-х – начале 840-х гг., когда Эйнхард создаёт портрет Карла как римского цезаря [6, с. 109], а автор «4-х книг историй» Нитхард осмысливает противостояние между Карлом Лысым и Людовиком Немецким, с одной стороны, и Лотарем I – с другой, в античных категориях: по аналогии с борьбой Цезаря и Катона против Катилины [6, с. 109-110; 4, с. 47-51].

салистских притязаний Каролингской династии.

Тем не менее перед исследователем встаёт закономерный вопрос: какое место вторая половина IX в. занимает в эволюции «монархической этики»¹ каролингской эпохи? Правомерно ли вообще говорить о существовании идеала государя в критические для династии 70-80-е гг. IX столетия?

Ещё Ж. Флори убедительно доказал: как идея «божьего мира» времён клунийской реформы, так и рыцарская идеология Высокого Средневековья явились результатом распада на части, своего рода «расщепления» монархического идеала времён Каролингов [12, с. 86-161]. Таким образом, происхождение идеологии рыцарства из каролингской концепции власти позволяет искать истоки поведенческих нормативов средневекового дворянства в каролингской монархической этике. О.Г. Эксле выделил две основополагающие черты ценностного императива дворянства эпохи Средних веков и раннего Нового времени: «благородство» (*nobilitas*) и «личная доблесть» (*honor* или *virtus*) [25, S. 21-24]. Включал ли образ идеального монарха эпохи Каролингов подобные черты? Безусловно, аналогом благородства для представителя фамилии потомков Карла Великого являлась их принадлежность к *domini naturales*, династии «природных», «законных» государей, чьё право на трон освящено Богом [9, с. 90]. И до 887 г., когда в Западной Франкии был смещён с трона Карл Толстый и избран представитель дома Роберти-

нов Эд Парижский (888-898 гг.) легитимность *domini naturales* ни у кого не вызывала сомнений [3]. Прототипом же будущей монаршей и дворянской доблести являлась у Каролингов вся совокупность их обязанностей по отношению к церкви и христианскому народу, сформулированная ещё идеологами христианской империи Карла Великого и Людовика Благочестивого [2, с. 608-609].

Проведённый нами разбор анналистики 870-880-х гг. доказал, что именно второй аспект власти каролингских монархов – практика действий, *vita activa* – стал определяющим в оценке действий монарха и формировании их облика франкскими авторами. Однако, в отличие от всемогущего христианского императора рубежа VIII-IX вв., идеалом каролингских авторов второй половины IX в. стал сильный, напористый и одновременно гибкий, но неизменно деятельный правитель, способный отнюдь не реализовать, как прежде, модель христианского монарха, а удержать власть в бесконечном противостоянии с представителями других ветвей династии, возвышающейся аристократией и внешней угрозой.

Поэтому нужно признать, что явные неудачи правителей этого периода не означали, что их образы не получат отражения в литературе. Не получив воплощения в композиционно целостных трудах, подобных опусам Эйнхарда, Тегана и Астронома, не став предметом «имагинарных»² построений,

¹ Данный термин носит условный характер, обозначая всю совокупность представлений об идеальном правителе, сложившихся в конце VIII-IX вв.

² История «имагинарного» по Ж. Ле Гоффу – это «история сотворения и использования образов, побуждающих общество к мыслям и действиям, ибо они вытекают из его ментальности, чувственного ощущения бытия, культуры, которые насыщают их жизнью» [8, с. 9].

образы, пусть и смутные, ключевых представители Каролингского дома последней трети IX в. – Карл Лысого и Карла Толстого – распознаются в их стремлениях и действиях, навсегда запечатлённых анналистикой, опиравшейся на мощные традиции литерату-

ры «каролингского возрождения». И за этими образами угадывается непростая политическая, социальная и культурная реальность второй половины IX в., из которой рождалось средневековое общество со всеми его отличительными особенностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестаинские анналы // Историки эпохи Каролингов / пер. с лат. А.И. Сидорова. М.: РОССПЭН, 1999. С. 161-185.
2. Гайворонский И.Д. К вопросу об образах власти в эпоху «каролингского ренессанса» // Молодой ученый. 2013. № 6 (53). С. 608-612.
3. Гайворонский И.Д. Незамеченное объединение Империи? Каролингские хроники о призвании Карла Толстого в Западно-франкское королевство // Проблемы истории и культуры средневекового общества (XXXIII «Курбатовские чтения»). СПб.: «Свое изд-во», 2015. С. 217-223.
4. Гайворонский И.Д. Образ власти и истоки его формирования в литературе «каролингского ренессанса» второй половины IX века // Вестник гуманитарного научного образования. 2013. № 5 (31). С. 47-51.
5. Гайворонский И.Д. Христианская монархия первых Каролингов в трудах ее идеологов и политическая реальность // Проблемы истории и культуры средневекового общества (XXIX «Курбатовские чтения»). СПб.: КультИнформПресс, 2010. С. 144-147.
6. Гайворонский И.Д. Эволюция образа Карла Великого в литературе «каролингского возрождения» и ее истоки // Научная перспектива. 2013. № 5 (39). С. 108-110.
7. Канторович Э.Х. Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 752 с.
8. Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков. М.: Текст, 2012. 220 с.
9. Сидоров А.И. Ближний круг франкского короля в первой половине IX века: поведенческие идеалы и культурная практика (по материалам «Хроники» Нитхарда) // Средневековая Европа: проблемы идеологии и политики. М.: В. Секачев, 2000. С. 80-102.
10. Сидоров А.И. Историческая мысль и знания о прошлом в каролингской Европе (вторая половина VIII – начало X вв.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.: ИВИ РАН, 2011. 46 с.
11. Тейс Л. История Франции [Т. 2]. М.: Скарабей, 1993. 272 с.
12. Флори Ж. Идеология меча. СПб.: Евразия, 1999. 320 с.
13. Annales Bertiani / Recensuit G. Waitz // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. S. 1-154.
14. Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Althahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1891. S. 1-138.
15. Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover et Lipsia: Impensis bibliopolii Hahniani, 1909. S. 40-82.

16. Anton H.H. Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006. 504 s.
17. Berges W. Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. Stuttgart: Hiersemann, 1992. 364 s.
18. Busch J.W. Die Herrschaften der Karolinger (714–911). München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2011. 160 s.
19. Costambeys M., Innes M., MacLean S. The Carolingian world. N.-Y.: Cambridge University Press, 2011. 528 p.
20. Hincmar. De Ordine Palatii epistola / Texte latin traduit et annoté par M. Prou // Bibliothèque de l'école des hautes études. P.: F. Wieweg, libraire-éditeur, 1885. P. 2-97.
21. Kurze F. Praefatio / Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1891. S. V-XIII.
22. Nelson J. Charles the Bald. London: Routledge, 1992. 364 p.
23. Nelson J. The Annals of St. Bertin. Manchester: Manchester University Press, 1991. P. 7-19.
24. Nelson J. The Frankish kingdoms // New Cambridge Medieval History [V. 2: 700–900] / Ed. R. McKitterick. Cambridge: Camb. Univ. Press, 1995. P. 110-141.
25. Oexle O.G. Aspekte der Geschichte des Adels im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit // Wehler H.U. Europäischer Adel (1750-1950). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. S. 21-24.
26. Reuter T. The Annals of Fulda // Manchester Medieval series. Ninth-Century Histories [V. II]. Manchester: Manch. Univ. Press, 1992. P. 1-14.
27. Riche P. Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. Paris: Fayard/Plurel, 2012. 496 p.
28. Schieffer R. Die Karolinger. – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2006. 266 S.
29. Simson B. Praefatio / Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover et Lipsia: Impensis bibliopolii Hahniani, 1909. S. VIII-XVI.
30. Waitz G. Prefatio / Annales Bertiniani / Recensuit G. Waitz // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. S. V-X.

REFERENCES:

1. Vedastinskie annaly [Bedestenci the annals] Istoriki epokhi Karolingov / per. s lat. A.I. Sidorova [Historians of the Carolingian Age / trans. from Lat. A. I. Sidorov]. M., ROSSPEN, 1999. pp. 161-185.
2. Gaivoronskii I.D. K voprosu ob obrazakh vlasti v epokhu «karolingskogo renessansa» [On the question of the Images of Power in the Era of the "Carolingian Renaissance"] // Molodoi uchenyi. 2013. no. 6 (53). pp. 608-612.
3. Gaivoronskii I.D. Nezamechennoe ob"edinenie Imperii? Karolingskie khroniki o prizvanii Karla Tolstogo v Zapadno-frankskoe korolevstvo [Unnoticed Unification of the Empire? Carolingian Chronicles on calling Charles the Fat to the West Frankish Kingdom] Problemy istorii i kul'tury srednevekovogo obshchestva (XXXIII «Kurbatovskie chteniya» [Problems in the history and culture of medieval society (XXXIII "Kurbatov" read)]. SPb., «Svoe izd-vo», 2015. pp. 217-223
4. Gaivoronskii I.D. Obraz vlasti i istoki ego formirovaniya v literature «karolingskogo renessansa» vtoroi poloviny IX veka [The Image of Power and the Origins of its Formation in the

- Literature of the "Carolingian Renaissance" of the Second Half of the IX century] // *Vestnik gumanitarnogo nauchnogo obrazovaniya*. 2013. no. 5 (31). pp. 47-51.
5. Gaivoronskii I.D. Khristianskaya monarkhiya pervykh Karolingov v trudakh ee ideologov i politicheskaya real'nost' [Christian Monarchy of the First Carolings in the Writings of its Ideologists and Political Reality] *Problemy istorii i kul'tury srednevekovogo obshchestva* (XXIX «Kurbatovskie chteniya» [Problems in the History and Culture of Medieval Society (XXIX "Kurbatov" readings)]). SPb., Kul'tInformPress, 2010. pp. 144-147.
 6. Gaivoronskii I.D. Evolyutsiya obraza Karla Velikogo v literature «karolingskogo vozrozhdeniya» i ee istoki [The Evolution of Charlemagne's Image in the literature of the "Carolingian Renaissance" and its Origins] // *Nauchnaya perspektiva*. 2013. no. 5 (39). pp. 108-110.
 7. Kantorovich E.KH. Dva tela korolya: issledovanie po srednevekovoi politicheskoi teologii [Two Bodies of the King: Studying the Mideaval Political Theology]. M., Izd-vo In-ta Gaidara, 2014. 752 p.
 8. Le Goff ZH. Geroy i chudesa Srednikh vekov [The Heroes and Wonders of the Middle Ages]. M., Tekst, 2012. 220 p.
 9. Sidorov A.I. Blizhnii krug frankskogo korolya v pervoi polovine IX veka: povedencheskie idealy i kul'turnaya praktika (po materialam «KHroniki» Nitkharda) [The inner circle of the Frankish king in the first half of the IX century: behavioral ideals and cultural practice (on materials of the Chronicle of Nithard)] *Srednevekovaya Evropa: problemy ideologii i politiki*. M.: [Medieval Europe: problems of ideology and politics. Moscow:]. M., V. Sekachev, 2000. pp. 80-102.
 10. Sidorov A.I. Istoricheskaya mysl' i znaniya o proshlom v karolingskoi Evrope (vtoraya polovina VIII – nachalo X vv.): avtoref. diss. ... dokt. ist. nauk. [Historical Thought and Knowledge about the Past in Carolingian Europe (Second Half of VIIIth – the Beginning of Xth Centuries): abstract. Diss. ... doctor. Hist. Sciences]. M, IVI RAN, 2011. 46 p.
 11. Teis L. Istoriya Frantsii [T. 2] [History Of France [V. 2]]. M., Skarabei, 1993. 272 p.
 12. Flori ZH. Ideologiya mecha [Ideology of the Sword]. SPb., Evraziya, 1999. 320 p.
 13. Annales Bertiani / Recensuit G. Waitz // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. S. 1-154.
 14. Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1891. S. 1-138.
 15. Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover et Lipsia: Impensis bibliopolii Hahniani, 1909. S. 40-82.
 16. Anton H.H. Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006. 504 s.
 17. Berges W. Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. Stuttgart: Hierseemann, 1992. 364 s.
 18. Busch J.W. Die Herrschaften der Karolinger (714–911). München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2011. 160 s.
 19. Costambeys M., Innes M., MacLean S. The Carolingian world. N.-Y.: Cambridge University Press, 2011. 528 p.
 20. Hincmar. De Ordine Palatii epistola / Texte latin traduit et annote par M. Prou // *Bibliothèque de l'école des hautes études*. P.: F. Wieweg, libraire-editeur, 1885. P. 2-97.
 21. Kurze F. Praefatio / Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo,

- Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1891. S. V-XIII.
22. Nelson J. Charles the Bald. London: Routledge, 1992. 364 p.
23. Nelson J. The Annals of St. Bertin. Manchester: Manchester University Press, 1991. P. 7-19.
24. Nelson J. The Frankish kingdoms // New Cambridge Medieval History [V. 2: 700–900] / Ed. R. McKitterick. Cambridge: Camb. Univ. Press, 1995. P. 110-141.
25. Oexle O.G. Aspekte der Geschichte des Adels im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit // Wehler H.U. Europäischer Adel (1750-1950). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. S. 21-24.
26. Reuter T. The Annals of Fulda // Manchester Medieval series. Ninth-Century Histories [V. II]. Manchester: Manch. Univ. Press, 1992. P. 1-14.
27. Riche P. Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. Paris: Fayard/Plurel, 2012. 496 p.
28. Schieffer R. Die Karolinger. – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2006. 266 S.
29. Simson B. Praefatio / Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover et Lipsia: Impensis bibliopolii Hahniani, 1909. S. VIII–XVI.
30. Waitz G. Prefatio / Annales Bertiniani / Recensuit G. Waitz // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. S. V-X.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гайворонский Игорь Дмитриевич – аспирант кафедры истории средних веков Института истории Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: igorgaiv91@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guyvoronski, Igor D. – post-graduate student of the department of the Middle Ages History, St.-Petersburg State University;
e-mail: igorgaiv91@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Гайворонский И.Д. Образ правителя в каролингской анналистике 870-880-х годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 79-89.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-79-89.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Guyvoronski. Image of a ruler in the Carolingian annals of 870-880s // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 79-89.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-79-89.

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-90-96

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ЯПОНЦЕВ В ВОСПРИЯТИИ СОСТАВИТЕЛЕЙ РУССКИХ КОСМОГРАФИЙ XVII в.

Васянина Л.А.*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. В связи с активными контактами европейских стран на Дальнем Востоке с XVII в. появляется литература о деятельности миссионеров в Японии в период «христианского столетия». Но до недавнего времени оставалось за рамками специального изучения представление о религиозных верованиях японцев на момент появления первых христианских миссионеров. В отечественной литературе того времени в силу иных общественных условий интерес к Японии не получил значительного отражения. Статья построена на анализе фрагментов Космографий XVII в. русских авторов, касающихся Японии и японской религии. В статье рассматриваются проблемы, связанные с восприятием информации о религии японцев авторами Космографий.

Ключевые слова: Япония, русские «Космографии» XVII в., католические миссионеры, синто, буддизм.

JAPANESE RELIGION BELIEFS THROUGH PERCEPTION OF RUSSIAN COSMOGRAPHY AUTHORS OF THE 17TH CENTURY

L. Vasyanina*Moscow State Regional University
10 A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. Literature about missionaries' activities in the Far East during the "Christian century" starts to appear since the XVII century due to active contacts of Japan with European countries. But the idea of the Japanese' religious beliefs before the period of first Christian missionaries has not been studied up till now. Russian literature of those times does not reflect any interest to Japan due to differences in social environment. The article is based on the analysis of some fragments of cosmographies by the Russian authors of the XVII century regarding Japan and Japanese religion. This article deals with the issues of the Japanese religion perception by the authors of cosmographies.

Key words: Japan, Russian Cosmographies of XVII, Catholic missionaries, Shinto, Buddhism.

Первыми европейцами, прибывшими на Японские острова в 1540-х гг., были португальцы. Португальские торговцы и миссионеры раньше других путешественников из Европы узнали, что для японцев характерен религиозный синкретизм и что существование в мировоззрении человека одновременно двух и

даже иногда более религиозных верований – это главная особенность японского мировосприятия. Основными религиями Японии до открытия страны европейцами были синтоизм и буддизм. Активное распространение христианства, неизвестной прежде в стране религии, началось с появлением миссионеров-иезуитов в начале раннего нового времени. Прибытие католических миссионеров имело успех, количество новообращенных, по некоторым данным, достигало ста тысяч человек. Об успехах в обращении японцев в христианство и связанным с этим развитием торговли в XVI-XVII вв. хорошо знали в католической Испании и Португалии, а затем и в Великобритании и Голландии.

Успеху христианства соответствовал целый комплекс причин, названных еще в конце XIX и начале XX вв. отечественными православными иерархами и публицистами. Во-первых, свою роль сыграла религиозная терпимость японцев. Японцы совершенно спокойно воспринимали разнообразные религии, в разное время приходящие с материковой Восточной Азии, такие, как конфуцианство и буддизм, оставаясь при этом верными традиционному синтоизму. Вторая причина в жизненных условиях того времени, которые были плодотворны для принятия новых идей. Так, Ф. Ксавье прибыл в Японию на закате правления сёгунов рода Асикага. Столетия бесчинств довели народ, на который ложилось всё бремя многочисленных междоусобных войн, до самой крайней степени бедности и несчастья [1, с. 13]. В то время «...единственным законом и авторитетом была военная сила. Люди убивали и наказывали друг друга по любому поводу,

изгоняли других и присваивали себе их владения. Процветало предательство, и никто не верил ближнему» [7, с. 43-45]. Синто давало своим приверженцам слишком мало утешения, буддизм в это время выродился в механическую систему молений и служений [6, с. 9]. Третьей причиной являлась красота и пышность христианского культа, что для эстетов-японцев играло немаловажную роль, а также легкость прощения и вступления в рай. Миссионеры воздвигали пышные алтари, которыми пользовались как иллюстрациями для своих проповедей. Проповедовали учение о непосредственном вступлении в рай после смерти всех верующих – это доводило слушателей до слепого энтузиазма [6, с. 10].

На пике успеха, уверовав в свои, как казалось им на тот момент, безграничные возможности и скорую христианизацию Японии, миссионеры сами начали себе вредить; так начался второй этап деятельности миссионеров с 1587 г. Они стали нападать на буддийских монахов, подстрекать общественность к поруганию исконно японских синтоистских богов, разрушению идолов, сожжению старых синтоистских храмов [6, с. 11]. Данная политика привела к краху миссионерскую деятельность в Японии, а затем способствовала закрытию страны.

В связи с активными контактами европейских стран с XVII в. в них начинает появляться литература о Японии и миссионерской деятельности в ней. В отечественной литературе XVII в. в силу иных условий модернизации России, которая фактически началась при правлении Петра I, интерес к Дальнему Востоку, а тем более к Японии не мог быть значительным до кон-

ца XVIII в. Поэтому по объективным причинам изучение истории культуры и этнографии Японии до XIX в. долго оставалось вне поля деятельности отечественных исследователей. По мере распространения влияния России к Дальнему Востоку просыпается интерес к закрытым странам, в том числе и к Японии. Это подтверждают плавания лейтенантов Шпангберга и Вальтона (1738-1739 гг.) вдоль цепи Курильских островов к берегам Японии и первое посольство Николая Резанова (1804 г.)

Наша работа построена на недавно введенных в научный оборот, самых ранних русских источниках о Японии – фрагментах Космографий, переведенных на современный русский язык Л. М. Ермаковой [2-5]. В истории русской географической мысли космографии XVI-XVII вв. занимают важное место. При отсутствии прямого контакта с Японией, первые сведения о Японии были получены в России из европейских публикаций предшествующих столетий. Отечественные космографии – это переводные или компилятивные рукописные сочинения, содержащие описание территорий и государств, нередко сопровождаемые комментариями составителей. Русские космографии позднего средневековья охватывали совокупность сведений по географии, экономике, астрономии, политике и этнографии. Они имели широкое распространение, в рукописной книжности Московской Руси XVI–XVII вв. среди источников перевода преобладали польские и голландские публикации, хотя были и переводы книг на латинском языке. В 1637 г. на русский язык были переведены географические описания голландского картографа XVI в. Герарда Меркатора, а в 1657 г., в Москве

была издана «Книга, глаголемая космография, описание всего света земель и государств великих», представлявшая собой русскую переработку текста Меркатора с комментариями.

Во второй половине XVII в., в связи с соприкосновением русских с Китаем, в Москве начинают интересоваться Японией и собирать о ней информацию. Некоторые данные о Японии сообщил правительству Николай Спафарий, отправленный в 1675 г. во главе посольства России в Китай. Сведения, полученные Спафарием и другими путешественниками, побывавшими в Китае, видятся более достоверными, чем сведения, отраженные в трудах Меркатора конца XVI в.

Попробуем понять, как представлена японская религия в космографиях, составленных и комментированных русскими учеными того времени. Могло ли в связи с этой информацией сформироваться у них ложное представление о религии Японии? Необходимо учитывать, что русские Космологии второй половины XVII в. во многих разделах полны сухих фактов, но разделы, где мы встречаем упоминания о религии, другие, они описываются ярко, несмотря на то, что оцениваются с позиций христианской идеологии. Главной проблемой при описании японской религии стоит проблема антагонизма японского многобожия и «единобожия христианского» [5, с. 39]. До появления иезуитов жители в Японии никогда «не верили» в Единого Бога, но христианский Единый Бог с тремя головами (своеобразный образ Святой Троицы) вполне мог вписаться в религиозные представления японцев. Это воспринималось миссионерами как потенциальная склонность

японцев к принятию христианской веры.

По некоторым строкам русских космографий можно представить успехи миссионерской деятельности среди японцев XVI в. Как, например, в «Космографии, сиречь всемирного описания» говорится: «Детей крестят. Ради покаяния постами свое тело иссушают. Так же, как и мы, крестятся [то есть осеняют себя крестным знаменем] против соблазнов диавольских, и, видно, [и впредь] будут следовать нравам и вере христианской» [5, с. 39]. То есть автор считал, что христианство прижилось на японских островах и поэтому оптимистично представляет себе состояние и перспективы обращения японцев в христианскую веру.

В космографии «Избрания...» также есть краткие описания исконно японских верований, но христианство в них совершенно не упоминается, и поэтому образ собственно японских религий представляется составителю весьма отрицательным, и называются им варварскими или языческими воззрениями и обычаями. «Веру же имеют поганскую и жен имеют по своей воле» [4, с. 39], что есть прямое противоречие христианскому учению. В космографиях упоминаются результаты христианизации или внешние признаки христианизации, такие, как «крещение детей» или «осенение крестным знаменем».

Если опустить проблему единобожия и многобожия, то русские космографии XVII в. содержат указание на языческие верования японцев или подчеркивают «не усвоение» японцами христианской веры. Можно утверждать, что в русских космографиях второй половины XVII в. акцентируется именно яркий след, оставленный

христианскими миссионерами в Японии. Примечательно, что когда авторы источников космографий находят в Японии признаки «своей», то есть христианской, религии, то, положительно отзываясь о японских верованиях. Но если их источники упоминают о множестве богов в религиях Японии, то отношение к последним меняет эмоциональную окрашенность, и они предстают в негативном свете, как свидетельства духовной отсталости японцев и их варварского миропонимания. Образ мыслей составителей космографий похож на следование дихотомии «свое» – «чужое», или, в нашем случае, на японскую концепцию «свое» – хорошо, «чужое» – плохо.

Рассмотрим сведения, которые встречались о религии японцев более подробно. Хотя в Космографиях описываются верования японцев, но мы считаем, что обобщающие эти сведения авторы-составители даже не предполагали, что описывают совершенно разные религии. Возможно, именно поэтому они не видели ни четкой логики японских культов и не могли понять разнообразия совершенно не похожих друг на друга богов. Например, бывший с русским посольством в Китае в конце XVII в. Спафарий описывал буддизм с точки зрения православных традиций: «Капища же вси имеют идолския и зело многия, на горах построены, аки [словно, как] монастыри некия, и в них многия тысящи их старцов обретаются, которые живут в великом воздержании» [3, с. 40]. Под «старцами, жившими в великом воздержании», видимо, понимаются монахи школы буддийской дзэн, известными своей суровой аскезой.

В космографиях характерны упоминания проявлений анимизма и синто-

изма, особенно акцентируются поклонения камням, деревьям, животным: «Имеют мужи японские разных идолов, у некоторых – бычьи главы, у иных песьи главы, и разных зверей [головы] есть» [2, с. 37]. Буддизм предстает перед нами в виде многоруких или многоликих божеств: «У иных богов их одна глава, а четыре лица» [2, с. 37]. «Есть иные о четырех руках, иные о 20, иные о ста руках. У которого бога их рук больше, тому больше и молятся, и большая у него милость, а все диавольским мечтанием» [2, с. 37]. Таким образом, в Космологиях четко присутствует противостояние христианского единобожия японскому идолопоклонству или язычеству. И это противостояние и влияет на представления о разнообразии японских религиозных верований, что не означает их восприятия этих воззрений как религиозного синкретизма.

С одной стороны, у составителей и читателей русских космографий XVI-XVII вв. сложилось мнение, что японские верования хаотичны, разные группы людей придерживались противоречивых религиозных убеждений. А поскольку в них имелись боги на любой вкус, многорукие, с множеством лиц, многоголовые, подобные животным, с разнообразными и непонятными для христиан ритуалами, то они, естественно, характеризовались как языческие, противоположные христианству и потому ложные религиозные заблуждения. На самом же деле составители русских космографий, вслед за авторами оригинальных источников этих переводных трудов, смогли описать существовавшие на японских островах основные религии, но не смогли принять такого религиозного плюрализма, не признаваемого и неизвестного в

тогдашней Европе явления. Мы видим конфликт менталитетов двух неизвестных ранее друг другу цивилизаций. Так, европейские миссионеры не могли объяснить японцам сущность триединого Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа. А конкретно предметное японское сознание не могло осознать существование одного Бога с тремя сущностями. Таким образом, большинство упоминаний в текстах космографий о японской религии указывает на разнообразие дохристианских верований в Японии, а следовательно, на варварское многобожие, которое, естественно, представляет традиционные японские религиозные верования в негативном свете.

В разделах космографий о религии встречаются также сведения, известные в Европе от Марко Поло [2, с. 36]. Что показывает, что его информация о Японии не была новой для российской книжности XVI-XVII вв. Возможно поэтому составители Космологий не стали углубляться в понимание верований, а упростили информацию и просто изложили факты, по которым оставалось сделать только один вывод, что «японцы – язычники». Образ Японии и представления о её религиях, представленные в космографиях XVI-XVII вв., можно объяснить отсутствием достоверной информации о Японии. В это время Российское государство боролось с экономическими и военными потрясениями Смуты («Великое Московское разорение»). Несистематичность внешних контактов России в этот период повлияла не только на культурный и торговый обмен со странами Европы, но и оказала влияние на устаревшее и искаженное восприятие Японии и, соответственно, распространение ложных сведений

о Японии и ее религии. Немаловажной причиной являлось отсутствие прямых контактов между нашими странами до XVIII в. Этим возможно объяснить тот факт, что известные на основе писем иезуитов сведения, распространенные в Европе за пятьдесят лет до написания Космографий, не отражены в русских космографиях и трудах позднего русского средневековья.

Причиной сильного негативного представления о японской религии стало противостояние веры в Единого Бога в сознании как европейцев раннего нового времени, так и русских людей того времени, верованиям в мно-

гообразных богов и божеств разного уровня, существовавших в Японии. Убежденность европейских миссионеров и торговцев в безоговорочное превосходство христианства, в первую очередь католического, по сравнению со всеми другими религиозными воззрениями, отразилась не только в их сообщениях и трудах, но была воспринята составителями русских космографий и авторами сообщений о Востоке допетровских времен. В результате до конца XVIII – начала XIX вв. в России сохранялись недостоверные и негативно окрашенные представления о японской религиозности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимир, еп. Недобрые деяния иезуитов в японской империи в XVI-XVII вв. и до настоящего времени. Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1892. 69 с.
2. Космография 1670 [Гл. 70: «О Японии, или Япан-острове»] // Ермакова Л.М. Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 30-38.
3. Спафарий Н.Г. Описание первья части Вселенной, иже именуемой Азии, в ней же состоит китайское государство с прочими его города и провинции // Ермакова Л.М. Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 39-43.
4. Избрание вкратце от книги глаголемья космография, еже глаголется описание всего света, изыскана и написана от древних философов и преведена с Римскаго языка на Словенский // Ермакова Л.М. Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 39.
5. Космография, сиречь описание сего света земель и государств великих: написана бысть сия книга, глаголемая география, сиречь земли описание, в 7178 лето в 4 дне иянуария месяца, в Холмогорах // Ермакова Л.М. Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 38-39.
6. Христианство в Японии // под ред. А.М. Великанова. СПб.: тип. В.Д. Смирнова, 1904. 24 с.
7. The letters of Alessandro Valignano // Cooper M. They came to Japan: An anthology of European reports of Japan, 1543-1640. London: Thames and Hudson, 1965. P. 43-45.

REFERENCES

1. Vladimir, ep. Nedobrye deyaniya iezuitov v yaponskoi imperii v XVI-XVII vv. i do nastoyashchego vremeni. [Vladimir, GN. Bad Acts of the Jesuits in the Japanese Empire in the XVI-XVII centuries up till now. Voronezh: V. I. Isayev's Publishing House]. Voronezh, tip. V.I. Isaeva, 1892. 69 p.
2. Kosmografiya 1670 [Gl. 70: «O Yaponii, ili Yapan-ostrove»] [Cosmography 1670 [CH. 70: "About Japan, or Yapan-the Island"]] Ermakova L.M. Vesti o Yapan-ostrove v starodavnei

- Rossii i drugo [Ermakova L. M. News about Yapan-the Island in Ancient Russia and Others]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. pp. 30-38
3. Spafarii N.G. Opisanie pervyya chasti Vselennoi, izhe imenuemoi Azii, v nei zhe sostoit kitaiskoe gosudarstvo s prochimi ego gorody i provintsii [Description of the First Part of the Universe, Referred to as Asia, where the Chinese State with All its Cities and Provinces Exists] Ermakova L.M. Vesti o Yapan-ostrove v starodavnei Rossii i drugo [Ermakova L. M. News about Yapan-the Island in Ancient Russia and Others]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. pp. 39-43.
 4. Izbranie vkrattse ot knigi glagolemyya kosmografiya, ezhe glagoletsya opisanie vsego sveta, izyskana i napisana ot drevnikh filosofov i prevedena s Rimskago yazyka na Slovenskii [Brief Selection from the Book Called Cosmography, where the Whole world is Described, which is written by Ancient Philosophers and Translated from Roman into Slovenian] Ermakova L.M. Vesti o Yapan-ostrove v starodavnei Rossii i drugo [Ermakova L. M. News about Yapan-the Island in Ancient Russia and Others]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. Pp. 39.
 5. Kosmografiya, sirech' opisanie sego sveta zemel' i gosudarstv velikikh: napisana byst' siya kniga, glagolemaya geografiya, sirech' zemli opisanie, v 1718 leto v 4 dne iyanuariya mesyatsa, v Kholmogorakh [Cosmography, that is the Description of this World States and the Great States: this book, Called Geography, or the Description of the Land, is written in 1718 year, 4 January in Holmogory] Ermakova L.M. Vesti o Yapan-ostrove v starodavnei Rossii i drugo [Ermakova L. M. News about Yapan-the Island in Ancient Russia and Others]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. Pp. 38-39.
 6. Khristianstvo v Yaponii // pod red. A.M. Velikanova. SPb.: tip. V.D [Christianity in Japan / ed. by A. M. Velikanova. SPb.: V. D. Smirnov's Publishing House]. Smirnova, 1904. 24 p.
 7. The letters of Alessandro Valignano // Cooper M. They came to Japan: An anthology of European reports of Japan, 1543-1640. London: Thames and Hudson, 1965. P. 43-45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васянина Людмила Андреевна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: Miraand2505@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasyanina Liudmila A. – post-graduate student of the department New, Newest History and Methodology, Moscow State Regional University;
e-mail: Miraand2505@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Васянина Л.А. Религиозные верования японцев в восприятии составителей русских космографий XVII в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 90-96.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-90-96

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

L. Vasyanina. Japanese religion beliefs through perception of Russian cosmography authors of the 17th century // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 90-96.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-90-96

УДК 94(48).083

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-97-105

МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ВОЙСК 8-Й ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ БОЁВ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ

Скотони Дж.

Независимый исследователь (г. Римини, Италия)

Аннотация. В статье анализируется моральное состояние духа итальянских войск 8-й армии и их поведение на Восточном фронте. В пользу участия АРМИР (военнослужащих 8-й итальянской армии) в войне против СССР фашистская пропаганда привела различные идеологические мотивации, но призыв католической церкви к защите религии от «безбожников» и «атеизма» был одним из главных аргументов. Используя уникальные документы, как ранее опубликованные, так и извлечённые из архивов Италии и России, автор рассмотрел военную иконографию и образ врага в фашистской пропаганде. Изначально идея католического прозелитизма характеризовала поведение итальянских войск, прежде всего в отношениях с мирным населением. Это представление о кампании распространялось и с помощью массового показа фильмов таких известных режиссёров, как Роберто Росселлини. С целью дать общий обзор морального состояния, автор описывает и поведение итальянских войск в районах развёртывания боевых действий.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Русский фронт, 8-я итальянская армия, клерикальный фашизм, антисоветская пропаганда.

MORALE OF THE 8TH ITALIAN ARMY SOLDIERS, INVOLVED IN FIGHTING AGAINST THE SOVIET TROOPS

G. Scotoni

Independent researcher (Rimini, Italy)

Abstract. The article describes the morale of the Italian troops and their behaviour at the beginning of the campaign of the 8th army (ARMIR) on the Eastern front. The fascist propaganda brought different ideological motivations in favour of Italy's participation in the war against the USSR. But the Catholic Church appeal to protect religion from "infidels" and "atheism" was one of the major arguments. Using unique documents from the archives of Italy and Russia, the author has considered the military iconography and the image of the enemy in the mass media of the Fascist regime. Initially, the idea of Catholic proselytism characterized the behaviour of the 8th Italian army troops, primarily in their relations with the civilian population. This idea of the Russian campaign was spread through mass screening of films made by such famous directors as Roberto Rossellini. With the aim of providing a general overview on the moral condition of the Italian troops, the author also describes their behaviour on the occupied areas.

Key words: Second World War, Russian front, Italian 8th Army, clerical fascism, anti-Soviet propaganda.

С начала кампании с СССР, в целях идеологического обоснования похода на Восток, Министерство Народной Культуры («МинКульПоп») фашистской Италии проводило пропаганду, чтобы вызвать поддержку христианства и католической церкви и, таким образом, воспитывать дух народа против большевизма [3, с. 78.]. Летом 1941 г. боевой дух солдат и офицеров Королевской Армии отличался от боевого духа Вермахта: вооружённые силы Италии переживали потерю собственного престижа из-за поражений в колониях в Восточной Африке и в кампании против Греции. Для оправдания внешнеполитических целей Муссолини органы массовой информации не использовали лозунг Гитлера о борьбе за «жизненное пространство», а прежде всего делали упор на ранее используемые антибольшевистские постулаты «клерикального фашизма»¹, с мессианскими призывами к «битве христианской Европы против атеизма» и к «освобождению России от безбожников-коммунистов».

Итальянский идеологический арсенал состоял из различных средств, применяемых в разработке образа «восточного врага»: с одной стороны, «Крестовый поход» против Империи Зла и «война цивилизаций», с другой стороны – мотивы гитлеровской «ра-

совой войны» и антисемитизма.

Содержание итальянской пропаганды претерпевает изменения весной 1942 г., накануне отправки 229 тыс. военнопленных 8-й итальянской армии на Русский фронт. В стремлении к укреплению идеологической основы войны на Востоке журнал фашистского режима «Оборона расы» посвящает русскому большевизму специальный выпуск, где заимствует образ врага из теории национал-социализма, провозглашавшей биологическую и социальную неполноценность славянских народов².

Летом 1942 г. военная пропаганда обещала итальянским дивизиям лёгкую победу против большевизма и подчёркивала, что действия АРМИРа прославляют фашистскую армию³.

Прежний лозунг «Похода Европы против Анти-Европы» широко использовался в агитационных материалах, подготовленных для АРМИРа, (открытки, газеты и т. д.). В них подчёркивалась смесь идеологии и религиозной риторики пропагандистско-психологического воздействия на армию. Они предвосхищали создание страшного «образа врага». Так, например, в открытках на тему «освободительной войны» изображалась «война цивилизаций», в которой «цивилизаторская миссия, направленная во спасение колонизированного народа, подразумевала его более низкое положение относительно самого колонизатора» [2].

Джино Боккасиле, главный иллю-

² «La difesa della razza» n. 14, 20.5.1942 Roma, Editrice Tumminelli.

³ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. 2100. Оп. 1. Д. 377. Л. 3 «Кавалеристи Савоя на Дону», «Illustrazione del popolo», n. 45. 1942 г.

¹ Так называемый «клерикальный фашизм» – это своеобразный религиозный интегрализм: он основывает католическую религию на фашистской идеологии в традициях антимодернизма, с критикой в адрес общества, рождённого Французской революцией и с отказом от идей эмансипации личности (либерализм) и классов (марксизм). Он постулирует органическое «сообщество». Среди его лучших сторонников был иезуит Агостино Джемелли, основатель Католического Университета Милана.

стратор фашистской пропаганды, был автором серии ужасающих открыток, посвящённых русской кампании. В каждой открытке приводится цитата Муссолини, однако образ врага почерпнут непосредственно из *Mein Kampf*: «в открытках-плакатах Бокка-силе солдаты с тупым, нечеловеческим взглядом и азиатскими чертами лица тонут в море крови, в то время как над ними восходит яркая звезда фашизма» [1, с. 17].

Итальянские газеты пишут о битве на Волге, беря за основу сообщения Гимmlера. При изображении защитников Сталинграда они используют следующее описание: «не люди, но звери <...> Трудности войны на Восточном фронте создаются не благодаря продуманной стратегии командиров-большевиков, а из-за применения опыта коммунистической и еврейской революции, пользующейся человеческим материалом, зверской яростью, слепо подчинённой тупому автоматизму инстинкта, приводящего к саморазрушению <...> Все предыдущие войны были конфликтами между европейскими странами, сражениями между людьми одной расы. Большевизм привнёс новый элемент <...> До сих пор один народ боролся против другого народа, солдат против солдата. На Востоке же воины не существуют, вместо них царствуют тёмные инстинкты, организованные, обученные и бесстрашные группы преступников ада. Единая масса примитивных мужчин, дебилов, зверей, строящих гигантские заводы, бесчисленные танки и самолеты. Идея уничтожения оружием тех, кто благодаря своей культуре создал всё существующее, опьяняет их до яростного безумия. Это легенда Люцифера. Унич-

тожение масс такого рода, по словам Гимmlера, требует времени»¹.

Одновременно военная иконография использовала прежде всего религиозные призывы. «Большевизм – враг религии и в России, где вместе с Богом он уничтожил и родину, и семью, и благополучие целого народа»; «Бог, живущий в душе народа, сделал свой выбор. Мы победим!»² – под этими лозунгами воевали итальянцы на Дону.

Это представление о кампании в СССР распространялось и с помощью массового показа двух известных фильмов – «Мы живы» и «Человек с крестом». В романтической драме «Мы живы – До свидания, Кира» (по роману Айн Рэнд *We the Living*) режиссёра Г. Алессандрини рассказывается о том, как коммунистический режим угнетает народ и уничтожает человеческие ценности, веру, семью, родину.

Кроме того, цивилизаторская роль римской церкви получила самую высокую оценку в фильме Роберто Росселлини «Человек с крестом», ставшего настоящим манифестом искупительной миссии католицизма в СССР. Автором сценария стал Асверо Гравелли, идеолог фашизма и директор газеты «АнтиЭвропа». Сюжет, богатый символическими реминисценциями, рассказывает о мученической смерти итальянского капеллана на советском фронте летом 1942 г. В то время, как вокруг бушевала битва, капеллан и раненный солдат нашли убежище в колхозе. Здесь два солдата вместе с местными жителями – женщинами и детьми – попадают в плен к враже-

¹ ГАВО. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 430. Л. 2-2об «Битва беспрецедентная» Триесте, изд. Ил Пикколо, 29.10.1942 г.

² ГАВО Ф. 2100. Оп. 1. Д. 484. Л. 258 об.

скому отряду во главе с политруком, воплощением зла. Варварского вида большевики руководствуются исключительно инстинктами, в то время как капеллан является примером святого, распространяя на всех, друзей и врагов, благословение христианской веры: лечит тяжело раненого, помогает женщине родить, а затем крестить младенца. Наконец, жертвует собой, обращая в католичество комиссара. В то время, как голос комиссара произносит молитву на латыни, в последних кадрах фильма изображается крест капеллана с надписью «Итальянской армии, участвующей в крестовом походе на варварской земле против безбожников во имя света истины, посвящается».

Итальянская и немецкая пропаганда по-разному освещали русскую кампанию. Для вермахта «война против России велась как завоевательная и истребительная война без всяких “но” и “если”. Классификация военного противника как «недочеловека» снижала во время восточного похода порог физического уничтожения, этническая чистка и традиционная война сплелись в организованную систему насилия и разрушения» [5, с. 7].

Идеологическая обработка войск итальянской Королевской Армии проводилась в гораздо более мягких тонах, нежели это происходило в войсках вермахта: своеобразная черта католического прозелитизма частично смягчала расистскую составляющую фашистской пропаганды.

В первую очередь Верховное командование Италии готовило своих солдат к обычной войне против армии противника, а не против народа. В значительной мере разница между моральным состоянием итальянских

солдат от их немецких союзников заключалась в следующем: если вермахт являлся инструментом “войны на уничтожение” в руках нацистского руководства, будучи готовым выполнить «преступные директивы» Гитлера, то части итальянской Королевской Армии вели традиционную войну. Это обязывало итальянцев следовать военному кодексу чести и соблюдать установленные нормы по отношению к советскому мирному населению.

Боевой дух итальянских войск также отличается от боевого духа немецких солдат и офицеров. В 1942 г. итальянская Королевская Армия тяжело переживала потерю своего престижа и боевого духа из-за поражений в африканских колониях и в катастрофической кампании в Греции. После вступления США в войну немногие продолжали верить в победу Оси, а солдаты АРМИИРа открыто выражали свое презрение к дуче. «В городе Удине за несколько дней до отъезда на Дон группа альпийцев дивизии «Юлия» украла с нагруженного снаряжением поезда автомашину с намерением совершить ночные прогулки. Проезжая через сёла, альпийцы предлагали всем встреченным плевать в изображённого на радиаторе машины Муссолини» [4, с. 41].

Летом 1942 г. Информационное бюро Альпийского корпуса предупреждает, что «почтовая цензура обнаружила пробольшевитские настроения среди некоторых элементов из состава армии». Командующий 2-м армейским корпусом генерал Зангери жаловался, что «гостеприимство русских и украинцев было настолько горячим, что внушало нашим солдатам неправильные представления о

благополучии, которое большевизм предоставил крестьянам. Они получали неверное впечатление о семье и свободе вероисповедания, замечая во всех домах иконки и святые образы, перед которыми горели свечи или стояли цветы <...> На это стоит обратить особое внимание и потому, что среди вернувшихся в Италию есть и менее мыслящие, в то время как следует сохранить нетронутыми основы антибольшевизма, оказывающие влияние на ценности родины, семьи, религии и благосостояния народа»¹.

Многие итальянские ветераны, вернувшиеся с советского фронта в отпуск, рассказывали о действительном положении на Востоке. Реакция командования последовала незамедлительно путём ужесточения цензуры: «То, что военные на побывке рассказывают своим семьям, является формой пропаганды, особенно из-за элемента правдивости, содержащегося в свидетельствах непосредственного участника событий. Командирам необходимо привлечь внимание к контролю за содержанием таких рассказов, в которых излагаются не только военные события, но и передаются новости, способные отрицательно повлиять на моральное состояние страны <...> Нужно предупреждать солдат, проверять их убеждения и запрещать распространение неточной или преувеличенной информации, угнетающей боевой дух в тылу».²

¹ Archivio Ufficio Storico Stato Maggiore dell'Esercito (далее – AUSSME) / Архив Исторического Бюро Генштаба Армии AUSSME DS 1152/1. Доклад ген. Зангери «Поведение населения России на оккупированных территориях».

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 500. Оп. 6. Д. 135. Л. 119-120. Командование

В частности, такие свидетельства могли касаться истинной природы отношений между итальянцами и их союзниками, а также различий в пользу немецких солдат. Сам начальник Генерального штаба Кавальеро в циркуляре от 22 июня 1942 г. о «влиянии сведений военнослужащих на моральное состояние» указывал командирам частей «на необходимость строго контролировать рассказы и оценки, запрещать говорить не только о чисто военных вопросах, но и о других фактах, способных оказать неблагоприятное воздействие на моральное состояние страны. <...> О необходимости максимального усиления этой пропагандистской работы свидетельствуют частые случаи распространения военнослужащими, находящимися в отпусках, неточных или преувеличенных сведений. В особенности это относится к военнослужащим, прибывающим с русского фронта, с Эгейских островов, с греко-балканского фронта, распространяющим сведения о якобы существующем неравенстве в содержании германских и итальянских солдат. <...> В соответствии с этим необходимо усилить работу среди офицеров, особенно молодых, и, следовательно, более склонных к горячему обсуждению и критике, несдерживаемой осторожностью» [6, с. 386].

По прибытии в СССР итальянским солдатам рекомендуется не доверять местным жителям. Командир Альпийского корпуса, генерал Наши, предписывает своим войскам быть бдительными и придерживаться осторожного поведения, организовать систему боевого дежурства для предотвращения

38-го полка дивизии Равенна РМ 53 – 31.07.1942 г.

нападения партизан и актов саботажа со стороны гражданского населения.¹

Информационное бюро 2-го армейского корпуса предупреждает о шпионаже партизан и передаёт, что итальянское командование подтверждает и расширяет список действующих правил, установленных ранее в районе Дона немецкими властями².

Командир 2-го армейского корпуса, генерал Цангиери, так предостерегает войска об угрозе коварного врага: «Во время нападения партизан находящиеся рядом обязаны вмешаться с целью окружить их, взять в плен или убить. При полной уверенности в том, что нападение началось из дома, необходимо окружить его и захватить или, в случае сопротивления, ликвидировать преступника. Если внезапные нападения происходят в лесистой местности, то во время сражения с партизанами в лес не углубляться, так как можно легко попасть в ловушки <...> Запретить солдатам фамильярность с туземцами; держать на расстоянии гражданское население от расквартированных войск, используя при необходимости принудительные средства. Не сообщать войскам до момента отъезда маршрут движения и места прибытия».³

Командование Альпийского корпу-

¹ AUSSME 1554/6 Командование Альпийского корпуса, «Поведение по отношению к населению и меры безопасности» (*Contegno e provvedimenti di sicurezza*) Приказ № 1328 – 2.08.1942.

² ЦАМО Ф. 500. Оп. 6. Д. 137. Л. 17. Командования 2-го армейского корпуса отдел информации. Распоряжение № 1012/4 «О гражданском населении и военнопленных» (*Popolazione civile – prigionieri di guerra*) 20.08.1942 г.

³ ЦАМО, Ф. 500. Оп. 6. Д. 130. Л. 6-7. Командование 2-го Армейского Корпуса «Защита от партизанских нападений и реакция», Приказ № 666/02/A – 31.07.1942.

са рекомендует войскам не обманывать себя доброжелательным отношением населения и прописывает следующие меры предосторожности: «Обстановка, в которой развёрнут армейский корпус (оккупированная территория врага), хотя и может показаться мирной и вызывающей доверие, должна вызывать подозрение. На самом деле, происходят частые случаи агрессии и акты саботажа, совершённые партизанами и мирным населением. Доказательством этому является нападение партизан на одиночный грузовик, которое произошло 28 июля в полночь. <...> Поэтому вы должны тщательно соблюдать специально установленные правила осторожности. <...> Военным запрещается выходить за пределы военного гарнизона, а в ночное время передвигаться даже по его территории. Если в интересах военной службы требуется движение одиночных солдат, приказываю, чтобы они находились в группах, состоящих не менее, чем из трёх человек, всегда снаряжённых индивидуальным оружием и боеприпасами. Этот приказ имеет особенное значение для офицеров <...> расквартированных войск. Во всех жилых домах во время комендантского часа всегда должен назначаться как минимум один вооружённый отряд из 20 часовых под командованием сержанта с двумя автоматическими орудиями для немедленного открытия огня. Часовые должны спать рядом со входом, одетыми и с оружием в руках. <...> Поведение в отношении гражданского населения должно быть корректным, порядочным, решительным. Избегайте ради удовольствия останавливаться или ходить с гражданскими лицами

(особенно с женщинами)»¹.

Что касается отношений с населением, то для генерала Капицци, командира дивизии «Равенна», их просто не должно существовать². «Военные не должны ходить по окрестностям и показываться в деревнях не по долгу службы. Убедитесь, чтобы солдаты дивизии не ходили без веской причины в непосредственной близости от частных домов или в сами дома»³.

Помимо близких отношений и контактов с местными жителями, на советском фронте итальянское командование беспокоило распространение «печальных событий <...>, то есть краж и бессмысленных грабежей»⁴.

Командир дивизии «Сфорцеска», генерал Пеллегрини, призывает офицеров предупредить своих подчинённых о том, что «устроившись в лагерях, они не могут свободно удаляться с места размещения в поисках воды, овощей и т.д. За продуктами питания, получаемыми под личную ответственность, можно выходить только в регулярных нарядах и под присмотром своих командиров. В добавление к этому, как только военные доберутся до лагеря, должна быть организована

круглосуточная часовая служба во избежании массового отхода войск. Кроме того, дежурство должно сопровождаться патрулями <...> Важно, чтобы командиры ввели в действие все средства с целью удержания войск, так как дивизия «Сфорцеска» должна высоко нести честь своего имени»⁵.

Однако даже ежедневное наказание солдат было недостаточным для того, чтобы остановить воровство. Итальянская пехота на Дону состязалась с румынской армией в систематическом разграблении местных жителей. Сотни документов сообщают о приказах итальянского командования, жалобах, рассматривающихся в военных судах, и мерах наказания в отношении солдат 8-й армии. В приказе командования дивизии «Равенна» значилось следующее: «Нанесение ущерба частному имуществу <...> Не у всех есть понимание необходимости уважать чужую собственность. В отношении сельскохозяйственных продуктов имейте в виду, что они зарегистрированы немецкими властями, и фермер, понесший убыток, также рискует ответить лично перед немецким командованием за уменьшение размера своего урожая, который подлежит обязательной реквизиции»⁶.

По прибытии из Италии новых дивизий командир 35-го армейского корпуса, ген. Мессе (приказ № 2493 от 22.07.1942 г.) приказал офицерам своего Корпуса усилить работу по предотвращению краж и грабежей. Командир «Равенны» ген. Капицци уточняет: «... Есть ещё солдаты, которые не понима-

¹ AUSSME 1554/6 Командование Альпийского корпуса, «Поведение по отношению к населению и меры безопасности» (*Contegno e provvedimenti di sicurezza*) Приказ № 1328 – 2.08.1942

² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 6. Д. 135. Л. 93-94. Командование 3-й пехотной дивизии «Равенна». Распоряжение № 13 – 13.08.1942

³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 6. Д. 135. Л. 128. Командование 3-й пехотной дивизии «Равенна». Распоряжение № 15 – 19.08.1942

⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 6. Д. 129. Л. 65. Командование 2-й пехотной дивизии «Сфорцеска» 31.7.1942 «Поведение по отношению к населению – Кражи и реквизиции» (*Contegno verso la popolazione civile. Furti e requisizioni*)

⁵ Там же.

⁶ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 6. Д. 135. Л. 103 Командование 3-й пехотной дивизии «Равенна». (15/07/42).

ют, что мы сами себе наносим ущерб, когда беспорядочно и незаконно сокращаем местные ресурсы, предназначенные для пополнения наших запасов <...> За любые новые преступления в городах ответят даже командиры подразделений, к которым надо относиться как к правонарушителям. Я подам против них жалобу в трибунал. Необходимо, чтобы все знали, к каким наказаниям за уголовное преступление приговариваются правонарушители»¹.

В конце концов, самому командованию 8-й итальянской армии пришлось признать, что, по отношению к гражданскому населению, «в поведении наших солдат было отмечено несколько необычных случаев проведения реквизиции, являющейся ничем иным, как грабежом (воровством), наносящим ущерб населению. Помимо бесспорно заключающегося в этом действии преступления следует ещё учесть моральный вред, наносимый нашему престижу как в глазах населения, которое до сих пор проявляло большую лояльность по отношению к нам (партизаны – это другое дело), так и в глазах наших союз-

ников. Предупреждаю, что не потерплю подобных действий <...> Приказываю действовать со всей строгостью по отношению к виновным» [6, с. 393].

4 октября 1942 г. командир 8-й армии ген. Гарибольди в приказе 07/2002 упрекает штабы всех дивизии в растущем числе краж. Месяц спустя командование АРМИРа укрепило меры, предусмотренные итальянским военным кодексом, отметив: «Предупредительный призыв не привёл к желаемому результату, так как случаи краж продолжают расти. Чуму необходимо искоренить. Все должны учитывать следующее: уголовное право войны предусматривает в случае кражи <...> наказания в размере не менее двух лет и шести месяцев лишения свободы, а также лишение свободы в течение максимум десяти лет и шести месяцев. Срок этих наказаний может быть увеличен в два раза, если совершению кражи способствуют обстоятельства, сложившиеся в результате войны <...> Отныне тот, кто совершает преступление в виде кражи, не может претендовать на отсрочку приговора»².

ЛИТЕРАТУРА

1. Antonelli Q., Filonenko S.I. Vittoria! Vinceremo! Cartoline sul fronte russo 1941–1942. Trento, Museo Storico del Trentino, 2011. 148 p.
2. Mantelli B. La memoria rimossa. Politiche persecutorie e crimini di guerra dell'Italia fascista. Asti Asti Contemporanea n. 10, 2004, ISRAT – Istituto per la storia della Resistenza e della società contemporanea in provincia di Asti. [El. resource] access URL: http://www.israt.it/index.php?option=com_booklibrary&task=view&id=87&catid=84&Itemid=95
3. Tranfaglia N. Ministri e giornalisti: la guerra e il Minculpop (1939–43). Torino: Einaudi, 2005. P. 177.
4. Vettorazzo G. Cento lettere dalla Russia 1942–1943. Rovereto: Museo Storico Italiano della Guerra, 2004. 200 p.
5. Истребительная война на Востоке. Преступления Вермахта в СССР. 1941–1944. Доклады / Под ред. Габриэле Горцка и Кнута Штанга. М.: АИРО, 2005. 96 с. [Эл. ресурс].

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 6. Д. 135. Л. 93–94. Командование 3-й пехотной дивизии 'Равенна'. Распоряжение № 13 – 13.08.1942.

² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 6. Д. 139. Л. 119. Командование 8-ой Армии «Кражи» (*Furti*), № 07/2002 – 6.11.1942

Режим доступа URL: <http://militera.lib.ru/h/xenowar/index.html> (дата обращения: 14.11.15)

6. Филоненко С.И. Сражения на Воронежской земле глазами русских и оккупантов. Воронеж: Воронежская областная типография, изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2013. 509 с.

REFERENCES

1. Antonelli Q., Filonenko S.I. Vittoria! Vinceremo! Cartoline sul fronte russo 1941–1942. Trento, Museo Storico del Trentino, 2011. 148 p.
2. Mantelli B. La memoria rimossa. Politiche persecutorie e crimini di guerra dell'Italia fascista. Asti Asti Contemporanea n. 10, 2004, ISRAAT – Istituto per la storia della Resistenza e della società contemporanea in provincia di Asti. [El. resource] access URL: http://www.israt.it/index.php?option=com_booklibrary&task=view&id=87&catid=84&Itemid=95
3. Tranfaglia N. Ministri e giornalisti: la guerra e il Minculpop (1939–43) Torino, Einaudi, 2005. p. 177.
4. Vettorazzo G. Cento lettere dalla Russia 1942–1943. Rovereto, Museo Storico Italiano della Guerra. 2004. 200 p.
5. Istrebitel'naya voyna na Vostoke. Prestupleniya Verkhovnogo Soveta SSSR. 1941–1944. Doklady / Pod red. Gabriele Gortska i Knuta Shtanga. M.: AIRO, 2005. 96 s. [El. resurs]. Rezhim dostupa [Fighter war in the East. Crimes of the Wehrmacht in the USSR. 1941–1944. Reports / ed. by Gabriele Gorzka and Whip Rod]. M.: AYRO, 2005. 96 p. [El. resource]. Access mode – URL: <http://militera.lib.ru/h/xenowar/index.html>
6. Filonenko S.I. Srazheniya na Voronezhskoi zemle glazami russkikh i okkupantov. Voronezh, Voronezhskaya oblastnaya tipografiya, izd-vo im. E.A. [Battles on the Voronezh Land through the Eyes of the Russians and the Occupants]. Voronezh, Voronezh region printing house, publishing house by E. A. Bolkhovitinov, 2013. 509 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скотони Джорджо Ренато – кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Римини, Италия);

e-mail: giorgioscotoni@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Scotoni Giorgio R. – PhD in Historical Sciences, Independent researcher (Rimini, Italy).

e-mail: giorgioscotoni@ya.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Скотони Дж. Моральное состояние войск 8-й итальянской Армии во время боёв на советско-германском фронте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 97–105.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-97-105

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Scotoni G. The soldiers' morale of the Italian 8th army, involved in fighting against the soviet troops // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 97–105.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-97-105

УДК 94(57):94(470) «18»

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-106-122

ВОДВОРЕНИЕ РУССКОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1865–1886 гг.)

Мухамедина Ш.

Уфимский государственный университет экономики и сервиса

450078, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145, Российская Федерация

Аннотация. В статье затрагиваются исторические вопросы места постсоветских государств Центральной Азии в иерархии современных международных отношений. Рациональным геополитическим выбором народов Центральной Азии и Казахстана можно считать формирование евразийской идентичности при региональном лидерстве Российской Федерации. Такое решение исходит из исторического опыта Российского государства по принятию народов Средней Азии и Казахстана в российское подданство и их гражданскому устройству.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, Бухарский эмират, Хивинское ханство, военно-народное управление, генерал-губернаторство.

ESTABLISHMENT OF RUSSIAN CITIZENSHIP IN CENTRAL ASIA (1865–1886 YEARS)

Sh. Mukhamedina

Ufa State University of Economics and Service

145, Chernyshevsky Street, Ufa, 450078, the Russian Federation

Abstract. The article touches upon the historic issues of the real geopolitical space of the post-Soviet States of Central Asia in the hierarchy of international relations. The only rational geopolitical choice of the peoples of Central Asia and Kazakhstan can be regarded the formation of the Eurasian identity with the regional leadership of the Russian Federation. Such idea comes from the historical experience of the Russian state on the adoption of Russian citizenship by the peoples of Central Asia and Kazakhstan, as well as for their civic organization.

Key words: the Russian Empire, Turkestan, Bukhara emirate, Khiva khanate, military and national governance, governor-general's governance.

Российская Федерация как мировая держава несет историческую ответственность не только за собственные общенациональные интересы, но и за взаимодействие с народами, находившимися столетиями в единой с ней государственно-

© Мухамедина Ш., 2016.

политической и экономической системах. Укрепление евразийской интеграции является одной из современных стратегических задач Российской Федерации, которая является региональным лидером в процессе этой интеграции. Выбор рассматриваемой темы вызван, в том числе нынешними историографическими противоречиями в интерпретации вхождения Средней Азии и Казахстана в состав Российской империи.

Доминирующую концепцию национальных историй можно сформулировать следующим образом: Российская империя завоевала Среднюю Азию и Степной край, установила там военно-оккупационную власть – в результате чего народы этого региона лишились независимости, государственности и богатых природных ресурсов. В подобных «исторических трудах» Россия представляется как агрессивная держава, ничем не отличающаяся от классических метрополий. Более критично на сей счет высказались К. Аймермахер и Г. Бордюгов. Они считают: «Для нынешнего «переписывания» историй характерны, даже среди историков, тенденции к героизации, удревнению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счет соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей» [11, с. 8]. Данная критическая оценка с предельной точностью характеризует определяющую тенденцию в изложении национальных историй в целом, а рассматриваемой нами проблемы – в особенности. Безусловно, есть научные исследования, в которых представлен позитивный образ России и

её решающая роль в переходе народов региона на новый уровень цивилизационного развития.

Территориальные рамки работы охватывают Центральную или Среднюю Азию (в историческом измерении – Русский Туркестан), а в современном представлении – Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Казахстан. Хотя Казахстан географически и относится более к Средней Азии, чем к Европе – тем не менее казахстанская тематика в силу особенностей требует отдельного предметного исследования. В целях удобства для обозначения будут употребляться географические номенклатуры «Евразийский регион» или просто «регион». Хронологические рамки (1865-1886 гг.) выбраны не случайно, но потому что с этими датами связаны переломные события в истории Туркестана: от взятия Ташкента до законодательного Положения 1886 г., по которому Туркестан обрел статус края.

Принятие народами Центральной Азии русского подданства – многофакторный процесс и довольно длительный исторический этап в их социально-культурном возрождении. Русское присутствие в регионе началось еще при Московском царстве. Иван Грозный «поддерживал» сношения с джугатайскими ханами и дал согласие на путешествие Дженкинсона, посланного в 1558 г. английской компанией из Москвы на восток от Каспийского моря. Дженкинсон обнаружил, что торговля Бухарии с Россией была довольно значительна» [9, с. 121]. При Борисе Годунове в Москву приезжали бухарские и хивинские посланцы – их основная задача заключалась в развитии торговли с Русским государством.

Михаил Федорович и его сын Алексей Михайлович проводили политику сближения с соседними странами путем расширения торговых связей и использования их как транзитных коридоров на пути к Персии и Индии: «Из Бухары, например, ожидали огромных присылок золота и шелку». Наряду с этим русские цари хотели положить конец гуманитарной катастрофе – прекратить русское невольничество или рабство в среднеазиатских ханствах путем дипломатических приемов, что позже русскою общественностью признавалось как «зародыш будущего цивилизаторского воздействия на эти ханства» [19, с. 57-58]. До XVIII в. российские власти надеялись на установление взаимовыгодных с соседними народами и их правителями отношений и поэтому не проводили радикальных внешнеполитических акций, сопряженных с военными походами.

Прорыв в азиатском направлении связан с именем Петра Великого. По его указу были снаряжены две военные экспедиции под командованием офицера И.Д. Бухгольца и князя А. Бековича-Черкасского. В указе подчеркивалось, что «князь Черкасский посылается в Астрахань, и оттуда далее на Каспийское море, для некоторого нужнейшего дела и ...повелевалось дать в его распоряжение отряд из 1500 чел. и деньгами 5000 руб. на расходы [1, с. 286]. Черкасскому также поручалось «снабдить хивинского хана русской гвардией, расположив его тем к себе и сделать попытку склонить бухарского эмира к принятию русского подданства или же хотя бы завязать с ним прочные дружеские отношения» [2, с. 138]. В результате предательской так-

тики с хивинской стороны – Бухголец и его экспедиция вынуждены были вернуться обратно. Бекович-Черкасский погиб мученической смертью, став жертвой обмана хивинского хана. Провал экспедиций не стал причиной пересмотра политики Российского государства по отношению к Средней Азии. Центральная власть почти до конца XVIII в. в вопросах взаимоотношений с соседними народами делала упор на пограничную местную власть – оренбургскую и сибирскую.

Внешняя политика Российской империи на рубеже XVIII-XIX вв., благодаря усилиям императора Павла Петровича, становится всеобъемлющей – среднеазиатский вектор превращается в один из стратегических приоритетов Империи. В первую очередь был пересмотрен весь спектр торговых и дипломатических отношений, так как наряду с определенными успехами, имелись и крупные издержки, даже провалы. Продолжались похищение российских подданных, их продажа на восточных рынках, ограбление торговых караванов и нарушение договорных условий со стороны ханов. В этой связи предстояло на новых организационно-политических и правовых основах упорядочить отношения с соседями, для чего необходимо было учреждать специальную государственную структуру.

Именной указ Павла I, данный Государственной коллегии иностранных дел от 26 февраля 1797 г. «Об учреждении при оной коллегии Особого департамента для отправления дел, касающихся азиатских народов» положил начало комплексному подходу к выработке долгосрочной среднеазиатской стратегии [16, с. 136]. Уже

19 апреля 1819 г. указом Александра I при Министерстве иностранных дел был учрежден Азиатский департамент, преобразованный в 1897 г. в Первый департамент МИДа. Граф К.В. Нессельроде в предписании от 22 апреля 1819 г. указал, что «департамент имеет главным предметом своим дела азиатских народов, России подвластных, а равно и тех, с коими сие государство находится в торговых или в других каких-либо сношениях» [13, с. 90].

По инициативе Министерства иностранных дел (до 1832 г. Государственная коллегия иностранных дел) было подготовлено несколько дипломатических миссий в Среднюю Азию для установления добрососедских и торговых отношений. Сам глава внешнеполитического ведомства лично составлял инструкции для руководителей научных экспедиций, одна из которых была поручена действительному статскому советнику А. Негри, специалисту по восточным языкам. В инструкции управляющего Государственной коллегией иностранных дел графа К.В. Нессельроде указывалось, что «цель сей Миссии достойна Правительства мудрого и просвещенного: она ограничивается предложением Бухарии выгодной и безопасной торговли и приобретением разных сведений о сей любопытной стране, соседственной нам, но отдаленной от нас пустынями и песчаными Морями». Выезд миссии (10 октября 1821 г.) был обставлен торжественными мероприятиями и её сопровождали 200 уральских и оренбургских казаков и конная артиллерия. При миссии находились военные специалисты и ученые, как Генерального Штаба капитан барон Е. К. Мейендорф, поручик В.Д. Вольховской и

доктор Э.А. Эверсман и натуралист Х. Пандер.

В результате разносторонней дипломатической деятельности и историко-этнографических и геологических изысканий было собрано огромное количество ценных сведений. Самое главное достижение – это возвращение на Родину 80 пленников, среди них – крестьяне, мещане, рабочие [4, с. 31-49; 6, с. 446]. Дипломатическая миссия под руководством Негри достигла и другой цели – «узнать Бухару и изъяснить бухарцам благодетельные виды российского императора» [9, с. 7]. Миссионеры за три месяца пребывания успели провести рекогносцировку местности и топографические съемки. Их поразили пейзажи Средней Азии, архитектурные ландшафты городов и этнографическое многообразие. Столичные (петербургские) солидные издания с охотой предоставляли свои страницы для публикации материалов экспедиции. Подобные дипломатические миссии, научные и военные экспедиции позволяли расширять представление о среднеазиатских землях и народах, ханствах и их стратегических целях и тактических задачах.

Что же из себя представляли среднеазиатские феодальные общества, находившиеся на разных стадиях государственно-политического оформления? По территориальным параметрам регион был огромной величиной – Туркестан превосходил Австрию, Германию, Данию, Францию и Италию, вместе взятые [2, с. 1]. Однако при наличии огромной территории народы Средней Азии не сумели создать единое централизованное государство. По мнению дореволюционных ученых, в частности Д.Н. Анучина и

О.А. Шкапского, «Природа Туркестана показывает, что в нем не могло получить прочное существование одно большое государство. Для развития гражданственности пригодна лишь полоса предгорий и долины, так как только там может существовать оседлое земледельческое население... история свидетельствует, что в Туркестане всегда были небольшие владения, которые поэтому не могли противостоять влиянию соседних больших государств с одной стороны и нашествию кочевых орд – с другой» [14, с. 31].

Геополитический фон Средней Азии был весьма уязвим – она граничила не только с Российской империей, но и с Китаем, Персией, Индией и Афганистаном. Международное положение среднеазиатских ханств обуславливало их политический курс, характеризуемый ситуативностью в выборе политических союзников и торговых партнеров. На территории Средней Азии существовали три крупных ханства: Бухарское, Кокандское и Хивинское – находившиеся почти на одном уровне государственного строительства и социально-экономического развития. Все они имели общую характерную черту – разобщенность правящей элиты и конфликт интересов между собой. Завоевательные войны при отсутствии четких государственных границ в Средней Азии были привычным явлением и источником международной напряженности.

В первой половине XIX в. в ханствах (в общей сложности) проживало 5 млн. 700 тыс. чел., включая жителей небольших ханств – Балкского и Шерсабеского. Бухарское ханство по демографическим параметрам превосходило остальные – численность населения

равнялась 2 млн. 500 тыс. чел., тогда как в Кокандском – 1 млн. 200 тыс., в Хивинском – 900 тыс., а в Балкском и Шерсабеском ханствах, вместе взятых, население составляло 1 млн. 100 тыс. чел. Сложившаяся в ханствах система государственного управления была однообразна – включала ханский двор и придворных, податную службу, армию в составе регулярной конницы и иррегулярных ополчений [21, с. 82-83].

Бухарское ханство (правитель носил одновременно титулы и хана, и эмира, то есть главы правоверных) по административно-территориальному устройству включало округа во главе с хакимами. Государство управлялось лицами придворных званий: аталык был высший придворный чин, дадха – чин командующего войсками, инак – тайный советник, кази – судья. Широкими полномочиями наделен был куш-беги – глава эмирской администрации [9, с. 134]. Бухарский эмират по военно-техническому, экономическому, торговому и образовательно-культурным параметрам значительно превосходил остальные ханства, но средневековое патриархальное правление сильно тормозило культурное развитие населения.

Со второй четверти XIX в. в Бухарском эмирате началось реформирование регулярных войск, для которых была выделена отдельная слобода. И наибольшее удивление у общественности вызывала новая военная форма, а именно «пехота, одетая в короткое платье, состоящее из красной куртки, белых панталон и персидской шапки; каждый солдат вооружен ружьем со штыком, саблей и двумя пистолетами». Модернизации подверглась и артиллерия, состоявшаяся из 80 ору-

дий. Шагрух-хан выписал из России «генеральский мундир, со всеми принадлежностями». Офицерам предписывали ношение эполетов. Все это выглядело как внедрение европейских образцов в армию. Однако войско состояло из иностранцев. Из 500 солдат и офицеров, числившихся в Бухарском регулярном войске, 450 были персиянами [1, с. 210-211; 20, с. 71].

Кокандское ханство по форме и сущности правления походило на Бухарский эмират. Территория ханства была поделена на 15 бекств во главе серкедами. Серкедэ являлся полновластным хозяином вверенной территории и состоял в родственных связях с ханским окружением. За общественным порядком следил курбаши или начальник полиции. Налоговую службу возглавлял аминалий. Налогов было множество – херадж (десятинная), та-напная (с огородных растений), зякет (торговый сбор с товаров и скота), пошлины за право торговать, за соль и другие поборы. Главой судебной власти был кази [8, с. 61-64].

Аналогичное правление было и в Хивинском ханстве, которое постоянно соперничало с Бухарским эмиратом. Территория Хивинского ханства расширялась в результате завоеваний и в первой половине XIX в., оно по занимаемой площади (19 тыс. кв. миль) превосходило соседние ханства (Бухарское и Кокандское ханства, каждое по отдельности, занимало по 10 тыс. кв. миль). Хивинский наследственный хан, как абсолютный монарх, был источником закона. Он опирался на придворных чинов – мехтера (по гражданским делам) и накиба (по духовным вопросам). В ханстве было четкое этносоциальное расслоение. Так, узбеки,

таджики, евреи занимались торговлей, хлебопашеством, садоводством, а туркмены, каракалпаки, кыргызы и казахи – скотоводством. Ханские доходы за год достигали до 4 млн руб. ассигнациями. Одним из устойчивых источников ханского благосостояния был налог с котла, аналогичный подушной подати в России. В отличие от соседей, хивинский хан не имел регулярных войск, но в случае военной необходимости он мог собрать до 25 тыс конницы [21, с. 77, 83].

Эти ханства объединял сугубо средневековый монархический режим, сопряженный с патриархальными порядками и традициями. При рациональном управлении в этих странах можно было создать европейского типа государственный строй и общественное производство, в этой связи были некоторые предпосылки. Народы Средней Азии не были обделены просветительским и предпринимательским талантом, хозяйственной сноровкой, благодаря чему успешно развивалось кустарное производство, садоводство, хлебопашество и наконец – скотоводство. Наиболее перспективными отраслями экономики считались хлопководство и шелководство. Здесь были некоторые уникальные предприятия – впервые на Востоке в Бухаре «из коры тутового дерева делают прекрасную бумагу, которая славится на всем Востоке» [21, с. 81, 82].

Однако правящие режимы со всеми составляющими – поборами, налогами для ханской казны, сковывали частную инициативу, крепили социальный гнет и поощряли феодальные распри или междоусобицы. Более того, при прямом попустительстве, даже при участии ханов и их чиновников про-

должался преступный бизнес – похищение людей с целью продажи в рабство, нападение на торговые караваны и ограбление торговцев, бандитизм и интриги. Уже ко второй половине XIX в. кризис ханской власти стал необратимым. Для подтверждения можно привести наблюдение известного востоковеда и собирателя восточных рукописей А. Куна, следовавшего с научной целью в составе Главной квартиры генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана на Коканд. Он писал: «август месяц 1875 г. и последующее затем время показало, как глубоко пустила корни болезнь всеобщего недовольства против хана и его приближенных, душивших народ непомерными налогами, взяточничеством, насилием и т.п. действиями. Кокандское ханство до сих пор, как известно, охвачено внутренними беспорядками... Оседлые жители, сарты сравнительно, как более развитая часть населения, богатая средствами, несмотря на то, что весьма часто в борьбе с кочевниками приобретала право распоряжаться судьбою ханства, никогда не бывала в силах удержать эту власть по причине деморализации общества, погрязшего в мелочных [торгашеских] интересах» [8, с. 59-70].

Великая реформа Александра II вплотную коснулась азиатского управления внешнеполитической деятельности государства. Российское правительство (Государственный совет во главе с императором, Комитет Министров, военное, иностранное и внутренних дел ведомства) определилось решительно относительно Туркестана. Особую озабоченность у российских властей вызывало отсутствие гарантии безопасности государствен-

ной границы и торговых караванов. Неоднократные дипломатические заверения со стороны хивинского хана и бухарского эмира по поводу возвращения российских невольников оставались пустым звуком. Одной из глобальных причин предполагаемого военного наступательного движения на Центральную Азию было приближение Англии к её пределам. Тревожно было и со стороны Китая и Кокандского ханства, не раз подстрекавших казахов Большой и Средней орд на антироссийские выступления. В такой обстановке не было никакой альтернативы военным походам, что соответствовало национальным интересам российских народов.

В результате наступательных военных действий к 1885 г. все главные города Средней Азии были заняты русскими войсками. Среди них можно назвать стратегически важные города и укрепления, такие, как Аулие-Ата, Чимкент, Самарканд, Хива, Коканд, Ашхабад, Туркестан, Мерке, Верное. Событием международного значения стало взятие М.Г. Черняевым г. Ташкента (15 июня 1865 г.), одного из крупнейших восточных торговых и транзитных центров. Надо подчеркнуть, что командующие войсками, прежде чем начать наступление, старались мирным путем решать конфликтные вопросы. Тем более, что городские жители настроены были благожелательно по отношению к русским. Например, оренбургский генерал-губернатор и командующий оренбургскими войсками Н.А. Крыжановский 29 августа 1865 г. на городской площади Ташкента объявил Высочайшую волю Императорского Величества о принятии ташкентцев в русское подданство, что

было встречно гулом одобрения со стороны десятки тысяч местного населения¹.

В августе 1866 г. Н.А. Крыжановский напрямую обратился к жителям Бухары с таким воззванием: «Ваш эмир весной нынешнего года захотел воевать с русскими войсками и был разбит под Ирджаром. Теперь я предлагал ему заключить прочный мир, выгодный для всех, и возобновить прежнюю торговлю, приказал даже отпустить в Бухару все караваны, находившиеся в русских владениях, но эмир, внимая советам злых людей, мириться с русскими не желает, а потому война должна возобновиться. Начиная её, я объявляю всем мирным жителям, что воюю только с эмиром и его войском, а не с мирными жителями, которым желаю одного добра. Всякий спокойный человек, кочевой или живущий в городах и селах, может быть уверен, что войска наши его не обидят, обойдутся с ним совершенно дружелюбно и заплатят за все, что будет у него куплено, да постигнет смерть и несчастье тех, которые не видя и не понимая истинных польз Ваших, вооружаются против русских войск и гласятся помочь эмиру в деле неправом и гибельном для его же подданных».

О взаимопонимании между местными жителями и военными свидетельствуют адреса, подготовленные горожанами. Уважение к первому устройтелю Туркестанской области М.Г. Черняеву подтверждается обращением жителей Ташкента императору Александру II со словами: «Все-подданнейшая просьба наша состоит в

том, что с самого 6-го числа месяца сафара 1282 г. (17 июля 1865 г.) Гиджры, т.е. со дня присоединения страны нашей к числу областей Империи и обретения нами покровительства Монарха, мы были чрезвычайно довольны губернатором генерал-майором Черняевым и очень ему обязаны, потому что он сильною и многократною защитою нас бедных, оказанием почета и уважения, как большим из нас, так и малым, обеспечил наше спокойствие, которого мы не знали во время владычества кокандцев и тем обязал нас вечною и безграничною благодарностью и заставил беспрерывно молиться за Ваше Величество». Просьба написана 4 марта 1866 г. [18, с. 13, 30-31, 254-255].

На вновь обретенной территории началось административно-территориальное обустройство. Была образована Туркестанская область, в которую вошли среднеазиатские владения от Аральского моря до озера Иссык-Куль. В административном отношении область была поделена на три фланга: центр, правый и левый. Управление областью поручалось особому военному губернатору, с подчинением его Оренбургскому генерал-губернатору. Первым туркестанским губернатором стал генерал М.Г. Черняев. Отношение населения к нему было благосклонным. Согласно Высочайше утвержденному «Временному положению об управлении Туркестанской областью» (6 августа 1865 г.) была закреплена соответствующая форма управления областью (Статья 1): «В состав Туркестанской области входит: все пространство, составляющее прежнюю Сырдарьинскую линию, и весь край, занятый на юге от реки Чу».

Впервые в истории Российской им-

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 400. Оп.1. Д. 63. Л. 242 об.

перии законодательно закреплён был среднеазиатский вариант военно-народного управления (Статья 4): «Местное заведывание областью возлагается на особого военного губернатора, которому подчиняется как военное, так и военно-народное управление оной». В Статье 30 было определено: «Военно-народное управление Туркестанской области составляют а) военный губернатор; б) начальники отделов области; и в) управляющие туземным населением и городничие. Туземное городское управление составляют старший аксакал (как городской голова), аксакалы имеющие статус гласных городской думы и заведывающие кварталов, базар-баш – заведующий торговой полицией, кази – народные судьи. Статья 33 гласила: «Все чины военно-народного управления Туркестанской области принадлежат к числу чинов военного ведомства, получают содержание по смете оного и пользуются всеми правами чинов сего ведомства». По закону все чины народного управления формируются на основе выборности. Главная задача всех уровней власти, по правительственному распоряжению, заключалась в заботе о населении и обеспечении спокойствия в области¹.

Правительству предстояло решить вопрос о статусе Туркестанской области и гражданском устройстве её многонационального населения. Зависимость области от Оренбургского генерал-губернаторства усложняла решение задач административно-территориального устройства занятых владений. В 1865 г. в Степь и Туркестан была отправлена представительная правительственная комиссия, названная Степной, во главе с сенатором

действительным статским советником Ф.К. Гирсом. В задачи комиссии входили: изучение географического, социально-экономического положения региона, его исторических и культурных традиций, разработка модели государственного управления с учетом образовательного уровня и нравов местного населения. На основании выводов Степной комиссии Александр II учредил в марте 1867 г. Особый комитет под председательством военного министра генерала Д.А. Милютина. В него вошли оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский, директор Азиатского департамента тайный советник П.Н. Стремоухов, генерал-майор М.Г. Черняев, председатель Степной комиссии сенатор Ф.К. Гирс, полковник (впоследствии генерал) А.К. Гейнс, генерал К.К. Гутковский. Все они соприкасались с местным населением, его обычаями и хозяйственной этикой.

Особый комитет подготовил проект, который включал в себя предложения:

- определить самостоятельный статус Туркестана, отделив его от Оренбургского генерал-губернаторства;

- отделить от Западносибирского генерал-губернаторства часть Семипалатинской области, лежащей к югу от Тарбагатайского хребта и соединить её в административном отношении с Туркестанской областью;

- составить проект административного управления Туркестаном;

- выделить самостоятельный Туркестанский военный округ на общих основаниях военно-окружной системы.

В основу будущего реформирования управления Туркестаном легли принципы: нераздельность админи-

¹ ПСЗ- II. Том 40, часть I. 1865. № 42372.

стративной и военной власти и предоставление внутреннего управления, не имеющим политического характера, местному населению [7, с. 7-8]. Проект получил практическое воплощение – 11 июля 1867 г. был дан именной указ Сенату об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства в составе двух областей: Семиреченской и Сырдарьинской. Главное управление в области возлагалось на генерал-губернатора, а в областях – на военных губернаторов. По указу, как было предложено Особым комитетом, новому генерал-губернаторству передавалась «часть Семипалатинской области, лежащая к югу от Тарбагатайского хребта»¹. Одновременно 14 июля 1867 г. был определен первый туркестанский генерал-губернатор – им стал генерал К.П. фон Кауфман.

Директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов препровождал адресованное генерал-губернатору Высочайшее положение, подписанное императором Александром II, где указывалось: «Божиею поспешествующею милостью мы Александр второй, император и самодержец Всероссийский и пр. и пр. Объявляем всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что поставляя всегда предметом попечений наших поддержание мирных и дружественных сношений со всеми соседними Российскими государству владениями, и постоянно заботясь о развитии торговли между обоюдными подданными, Мы одинаковым желанием и в отношении сопредельных нам владений Эмира бухарского и других независимых владетелей [7, с. 11-12].

Генерал-губернатор был наделен чрезвычайно широкими полномочи-

ями. Он мог заключить мирные договоры, приводить желающих вступить в русское подданство к присяге, имел право награждать особо отличившихся в преданности России медалями за усердие. Он был одновременно командующим Туркестанским военным округом. Указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства поднял правовой статус Туркестанской области, её гражданской и военной администрации. Позитивный имидж К.П. фон Кауфмана еще больше укрепился в связи с решением бухарского, хивинского и кокандского вопросов. Несмотря на усилия Российского правительства о мирном регулировании конфликтных вопросов ни бухарский эмир, ни хивинский хан не хотели мириться с потерей своих владений.

В результате ряда поражений бухарских войск эмир 18 мая 1868 г. был вынужден заключить мир с Российской империей и согласился на следующие условия [3, с. 162]:

- уплатить контрибуцию в 500 000 руб.;

- предоставить русским подданным свободную торговлю в ханстве, принимая на себя их защиту;

- разрешить русским торговым людям учреждение торговых агентств во всех пунктах ханства;

- взимать пошлину с ввозимых русских товаров в размере одной сороковой их стоимости, что составит два с половиной процента;

- предоставить русским купцам свободный проезд через земли ханства в соседние государства.

Конфликт был и со стороны Хивинского ханства, но 12 августа 1873 г. хивинский хан и туркестанский генерал-губернатор подписали мирный

¹ ПСЗ-П. Том 42, часть 1. 1867. № 44831.

договор. По нему все хивинские земли по правому берегу Амударьи отошли к России, а русским предоставлено было право свободного проживания и беспошлинной торговли. Хан обязался уплатить 2 200 000 руб. военной контрибуции с рассрочкой уплаты на 20 лет [7, с. 25].

Относительно Кокандского ханства Высочайшая воля императора, исходившая из российских национальных интересов и интересов кокандского населения, была выражена таким образом: «взять» Кокандское ханство и образовать из него Ферганскую область. На самом деле Кокандское ханство представляло угрозу не только России, но и своему населению. Не случайно во время движения российских войск на Коканд народ с радостью выражал покорность «Белому царю» – 15 февраля 1876 г. состоялся торжественный въезд в Коканд временно командовавшего войсками генерала Г.А. Колпаковского, который объявил народу о принятии его в российское подданство. Образованная 19 февраля 1876 г. Ферганская область на территории Кокандского ханства вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства, и ее первым военным губернатором стал генерал М.Д. Скобелев [5, с. 344].

Российские власти придерживались политкорректности по отношению к вассальным ханствам. Об этом С.В. Жуковский писал так: «Было бы большой погрешностью не коснуться здесь того положения, которое занимают в настоящее время правители Бухарского и Хивинского ханств. Для этого, казалось бы достаточно указать лишь на отношение русского правительства и Самого Верховного Вождя всей России к нынешним правителям Их Высоче-

ствам Сейид Алиму, Эмиру Бухарскому, и Сейид Асфендиар Бехадур Хану Хивинскому. Оба они состоят в Свите Его Императорского Величества Генерал-Майорами, оба носят Высочайше дарованный им титул Высочества, оба весьма часто и очень щедро осыпаются Государем Императором Царскими милостями, в смысле получения ими наивысших русских знаков отличия и проч., оба они становятся теперь довольно частыми желанными гостями Государя Императора. ... В свою очередь и Хан и, главным образом, Эмир стараются быть, по мере сил, полезными покровительствующей им России» [3, с. 171-172].

Политическое положение Туркестана еще больше упрочилось в связи с его административной самостоятельностью. После административно-территориальных изменений в Оренбургском крае и Западной Сибири Министерство внутренних дел представило их результат следующим образом: «...когда огромные пространства Средней Азии были присоединены к России, то в Ташкенте образовался новый центр, в котором сосредоточилось управление нашими Туркестанскими владениями, отсюда и стали производиться сношения с ханствами. Таким образом, Оренбургский край превратился во внутреннюю область Империи и сохранение в нем власти, облеченной особыми полномочиями, не только не оправдывалось более государственной необходимостью, но и вызывало серьезные затруднения. В виду того Оренбургское генерал-губернаторство упразднено 11 июля 1881 г.» [10, с. 175].

Упразднение Оренбургского генерал-губернаторства способствовало

расширению круга полномочий, особенно внешнеполитического характера Туркестанской областной администрации. Огромные территории, которыми управляло генерал-губернаторство, никак не вписывались в определение «область». Настало время приблизить Туркестанский край к имперскому государственному устройству. Более того, российский бизнес обратил внимание на Центральную Азию – её экономические ресурсы надо было ввести в общероссийский хозяйственный оборот. В 1882 г. умер К.П. фон Кауфман, генерал-губернатором стал М.Г. Черняев, который заявил властям о необходимости проведения ревизии в генерал-губернаторстве. Была утверждена сенаторская ревизия под председательством действительного статского советника Ф.К. Гирса. В состав комиссии вошли чиновники от министерств финансов, юстиции и внутренних дел. «Цель означенной Ревизии, – по словам Ф.К. Гирса, – заключалась в представлении Правительству настоящего состояния Туркестанского края в административном, судебном и финансовом отношении, как результата управления краем на основании высочайше одобренных временных положений, в нем действующих и особых распоряжений бывшего туркестанского генерал-губернатора, в силу предоставленной ему высочайшим повелением ... власти».

Заключительные результаты комиссии были следующие:

- скорейшее утверждение Положения об управлении краем в законодательном порядке;
- преобразование суда;
- передача в Министерство финансов заведывание всеми окладными и

неокладными сборами на общем основании;

- строгая и ответственная бережливость в употреблении казенных сумм, в особенности по строительной части, и, наконец, скорейшее рассмотрение предположений о введении новых налогов.

Комиссия негативно оценила военно-народное управление, и предложила отказаться от него как формы управления, поскольку Туркестан был готов к принятию общероссийского гражданского устройства. Интересны выводы комиссии: «Военно-народное управление необходимо только на первое время по завоевании страны; затем, когда край успокоится, оно замедляет гражданское развитие народа. Туркестанский край... настолько умиротворен, что настало время к дальнейшему сближению его с Россией путем возможного объединения его управления с общими учреждениями империи». Такого рода заключение комиссии вытекает из анализа результатов выборов волостного и аульного активов, в состав которых нередко попадали нечестные и даже преступные люди путем подкупов. Установлено также, что волостные управители и аульные старшины в основном некомпетентно исполняют служебные обязанности, допускают противоправные действия. Например, из 89 волостных управителей Ферганской области в течение трех лет уволено было почти половина персонального состава. Мотивы увольнения: некомпетентность и совершение противозаконных действий [12, с. 64, 461-463].

Ревизия ускорила принятие нового закона – 12 июня 1886 г. вышло «Положение об управлении Туркестанским

краем». Поменялся статус Туркестана, за ним закрепилось географическое название или номенклатура «край». Поскольку Туркестан граничил с зарубежными государствами, генерал-губернаторство как военная форма управления упрочилось (Статья 10 Положения): «Главное управление Туркестанского края вверяется генерал-губернатору, определяемому и увольняемому по непосредственному усмотрению его Императорского Величества высочайшими указами Правительствующему сенату и приказами в общеустановленном порядке».

Кроме того, структура закона включала: административное устройство; главное управление; управление отдельными частями; местные административные установления; судебное устройство; поземельное устройство оседлого и кочевого населения; подати и повинности; подати с оседлого и кочевого населения; земские повинности. Например, статья 300 гласила: «Кочевое население облагается, в доход казны, податью в размере четырех руб. с кибитки и всякого заменяющего её помещения...Подати собирается аульными старшинами, под квитанцию передается волостным управителям, а он сдает в её уездное казначейство». Оседлое население облагалось государственным поземельным налогом. Статья 270 указывала, что государственные земли, занимаемые кочевьями, предоставляются в бессрочное пользование кочевников, на основании обычаев и правил Положения. Статья 80 – что волости заведываются волостными управителями, а сельские общества – сельскими старшинами¹. В

этом узаконении не было статьи о военно-народном управлении, однако, как видно, порядок формирования народного самоуправления сохранился на волостном и аульном уровнях. Однако на этом не завершилось административное и гражданское устройство края. В последующие годы основные политические принципы, закрепленные в Положении 1886 г., не менялись, за исключением некоторых редакционных поправок касательно административно-территориальных изменений.

К началу XX в. Туркестанский край включал в себя 5 областей (Семиреченскую, Сырдарьинскую, Самаркандскую, Закаспийскую, Ферганскую) и два ханства, его население составляло 8 265 406 чел., в том числе узбеков, казахов, таджиков, туркмен, кыргызов, каракалпаков. Казачья и крестьянская колонизация в Туркестане выразилась в появлении 326 русских поселков, где проживало 248 500 человек. Значительная часть русских проживала в городах, в целом в начале XX в. численность русского населения приближалась к 500 тыс чел. [2, с. 1, 30; 15, с. 324, 332].

Успехи Российской империи в Средней Азии неоднозначно воспринимались на Западе. Политическая борьба за Центральную Азию усилилась после покорения Ташкента. В письме генерал-адъютанта Н.П. Игнатьева (посла в Константинополе) к директору Азиатского департамента МИД (15 февраля 1866 г.) приводятся данные о том, что ему известно о попытках английских эмиссаров спровоцировать население Яркента, Ташкента, Туркестана и Чимкента на восстание. Также замечены были послом неблагоприятные действия

¹ Положение об управлении Туркестанского края (изд. 1886 г.): см. статьи 10, 80, 270, 300, 310.

бухарцев и кокандцев в Константинополе, выразившиеся в оскорблении среднеазиатских российских подданных в «измене и сдаче Ташкента»¹.

Соединенное королевство внимательно следило за внутривнутриполитическими и экономическими переменами в России и её новыми территориальными владениями. Английский министр иностранных дел граф Гренвилл ежедневно получал информацию из Санкт-Петербурга. Английский посол в России сэр Эдвард Торнтон с английской аккуратностью докладывал своему министру о событиях в России. Примечательна информация, поступившая (28 ноября 1881 г.) на стол Гренвиля от Торнтона. Для того чтобы передать повышенный английский интерес, приведем текст документа: «Я имею честь Вашему сиятельству [доложить], что корреспондент «Московских ведомостей» 21 ноября указывает на выгоды приобретения Россией от Закаспийской железной дороги с коммерческой, так и военной точки зрения.... Различную выгоду можно перечислить следующим образом: 1) богатые залежи нефти открыты, они способствуют развитию промышленности и сокращают содержание железной дороги; 2) связь Каспийского моря с Текинским оазисом доставляет возможность входить в торговые отношения с жителями; 3) разовьет торговлю с Хорасаном; 4) на долгое время устраняются, если уже не отстранились, поводы для новых экспедиций, стоящих правительству большие деньги...5) не желая входить далеко в будущее, можно, однако, сказать, что этот железный путь (Закаспийский) представляется первым шагом к устройству прямо-

го железнодорожного сообщения в Индию»².

Думается, в этом сообщении скрываются опасения англичан за свои владения и страх перед необъятными владениями Российской империи. Можно дополнить этот сюжет выдержкой из книги замечательного русского ученого, капитана Генерального штаба военного министерства Л.Ф. Костенко. В своей книге «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности» он подчеркивает, что западноевропейским публицистам «в расширении русских пределов ... чудится исполинское развитие русской мощи и силы, которые со временем сокрушит существование запада» [17, с. I]. Западные отзывы о российских владениях нередко перекликались с выступлениями некоторых российских публицистов, слабо представлявших отечественные национальные интересы в плане вхождения народов Центральной Азии в состав Российской империи. Однако они не учитывали главный мотив наступательных действий России в Средней Азии – гарантию безопасности на границах и торговых путях. Более того, общий положительный настрой народов Туркестана к Российской империи стал немаловажным фактором в принятии их в российское подданство.

Водворение русской гражданственности означало прежде всего гражданское устройство народов Центральной Азии, важным этапом которого было военно-народное управление со всеми его недостатками и достижениями. Это также отвечало национальным интересам Российской империи.

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 45. Л. 10-11.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4869. Л. 4, 5.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.: Изд. Я.А. Исакова, 1868. 338 с.
2. Гейер И.И. Весь Русский Туркестан. Ташкент: Тип. Туркестанского Т-ва печатного дела, 1908. 348 с.
3. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг.: б/м, 1915. 214 с.
4. Из истории русского посольства в Бухару и освобождение оттуда русских пленных в 1821 г. (из архива Оренбургской ученой архивной комиссии) // Русский архив, издаваемый Петром Бартевым (младшим) [Кн. 4]. М.: Синодальная тип., 1915. С. 31-49.
5. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских / составил А.И. Макшеев. СПб.: Военная типография, 1890. 377 с.
6. К истории освобождения русских пленных из Хивы: сообщение действительного члена Оренбургской ученой архивной комиссии священника Николая Модестова // Русский архив, издаваемый Петром Бартевым (младшим) [Кн. 1]. М.: Синодальная тип., 1915. С. 427-458.
7. Краевое управление: отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб.: Сенатская тип., 1910. 355 с.
8. Кун А. Очерк Кокан[д]ского ханства (читано в общем собрании 4 февраля) // Известия Императорского Русского географического общества. 1876. Т. XII. С. 59-70.
9. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975. 184 с.
10. Министерство внутренних дел: исторический очерк. СПб.: Тип. МВД, 1901. 180 с.
11. Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. Аймермахера, Г. Бордюгова, изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Фридриха Науманна, 2003. 432 с.
12. Отчет ревизирующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, Тайного Советника Гирса. Б.м.: б.г. 464 с.
13. Очерк истории Министерства иностранных дел (1802-1902). СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1902. 206 с.
14. Пояснительный текст к серии «Туркестан» (Средняя Азия): составлен О.А. Шкапским / под ред. Д.Н. Анучина. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1909. 108 с.
15. Россия полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга [Т. 19] / под общим руководством П.П. Семенова-Тянь-Шанского и акад. В.И. Ламанского. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1913. 875 с.
16. Сборник узаконений о киргизах степных областей / сост. И.И. Крафт. Оренбург: Типо-литография П.Н. Жаринова, 1898. 532 с.
17. Средняя Азия водворение в ней русской гражданственности (с картою Средней Азии) / сост. капитан Генерального штаба Л. Костенко. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1870. 417 с.
18. Туркестанский край: сборник материалов для истории его завоевания [Т. 21. 1866 год. Ч. 1. Январь-Июнь] / сост. полк. А.Г. Серебрянников. Ташкент: Тип. штаба Туркестанского военного округа, 1915. 320 с.
19. Уляницкий В.А. Сношение России со Среднею Азию и Индию в XVI-XVII вв.: по документам Московского Главного Архива Министерства иностранных дел. М.: Университетская тип., 1889. 68 с.
20. Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1843. 280 с.

21. Хива, или географическое и статистическое описание Хивинского ханства, состоящего теперь в войне с Россией, заимствованное из разных отечественных и иностранных писателей, с изображениями костюмов и вида города Хивы. М.: Университетская тип., 1840. 87 с.

REFERENCES

1. Galkin M.N. Etnograficheskie i istoricheskie materialy po Srednei Azii i Orenburgskomu krayu [Ethnographic and Historical Materials on Central Asia and the Orenburg Territory]. SPb, Izd. YA.A. Isakova, 1868. 338 p.
2. Geier I.I. Ves' Russkii Turkestan [All Russian Turkestan]. Tashkent, Tip. Turkestanskogo T-va pechatnogo dela, 1908. 348 p.
3. Zhukovskii S V. Snosheniya Rossii s Bukharoi i Khivoi za poslednee trekhstotletie [Zhukovskiy V. Russian – Bukhara and Khiva Relations over the Past Tercentenary]. Pg., b/m, 1915. 214 p.
4. Iz istorii russkogo posol'stva v Bukharu i osvobozhdenie ottuda russkikh plennykh iv 1821 g. (iz arkhiva Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii [From the History of Russian Embassy to Bukhara and the 1821 Liberation of Russian Prisoners (From the Archive of the Orenburg Academic Archival Commission)] Russkii arkhiv, izdavaemyi Petrom Bartenevym (mladshim) [Kn. 4] [Russian archives published by Peter Bartenev (Junior) [Kn. 4]]. M, Sinodal'naya tip, 1915. pp. 31-49.
5. Istoricheskii obzor Turkestana i nastupatel'nogo dvizheniya v nego russkikh / sostavil A.I. Maksheev [Historical Survey of Turkestan and Russian Offensives There / compiled by A.I. Maksheev]. SPb, Voennaya tipografiya, 1890. 377 p.
6. K istorii osvobozhdeniya russkikh plennykh iz KHivy: soobshchenie deistvitel'nogo chlena Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii svyashchennika Nikolaya Modestova [On the History of the Liberation of the Russian Prisoners from Khiva: the message of priest Nikolai Modestov, Full Member of the Orenburg Scientific Archival Commission] Russkii arkhiv, izdavaemyi Petrom Bartenevym (mladshim) [Kn. 1] [Russian Archives Published by Peter Bartenev (Junior) [Book 1]]. M, Sinodal'naya tip, 1915. pp. 427-458.
7. Kraevoe upravlenie: otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoi po Vysochaishemu poveleniyu Senatorom gofmeisterom grafom K.K. Palenom [Regional Management: Senator Chamberlain Earl K.K. Palen's Revision Report on Turkestan, made according to an Imperial Order]. SPb, Senatskaya tip., 1910. 355 p.
8. Kun A. Ocherk Kokan[d]skogo khanstva (chitano v obshchem sobranii 4 fevralya) [Essay of Kokan[d]ski Khanate (Read at the General Meeting on 4th February)] Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. T. XII [Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. XII]. pp. 59-70.
9. Meiendorf E. K. Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [A Journey from Orenburg to Bukhara]. M., Nauka, 1975. 184 p.
10. Ministerstvo vnutrennikh del: istoricheskii ocherk [The Ministry of Internal Affairs: Historical Essay]. SPb, Tip. MVD, 1901. 180 p.
11. Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh [National History in Soviet and Post-Soviet States]. ed. 2-e, Rev. and more. M., Fond Fridrikha Naumanna, 2003. 432 p.
12. Otchet revizuyushchego, po Vysochaishemu poveleniyu, Turkestanskii Krai, Tainogo Sovetnika Girsy [Privy Councillor Geers' s Inspecting Report, Made on the High Injunction, Turkestanskii Krai]. B. M., b.g. 464 p.
13. Ocherk istorii Ministerstva inostrannykh del (1802-1902) [Essay on the History of the Ministry of Foreign Affairs (1802-1902)]. SPb, T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1902. 206 p.
14. Poyasnitel'nyi tekst k serii «Turkestan» (Srednyaya Aziya): sostavlenn O.A. Shkapskim [Explanatory Text to the “Turkestan” Series (Central Asia): compiled by O. A. Shkapsky]. SPb, Tip. t-va «Obshchestvennaya Pol'za», 1909. 108 p.

15. Rossiya polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastol'naya i dorozhnaya kniga [T. 19] [Russia: Complete Geographical Description of our Fatherland: Handbook and Road Book [Vol. 19]]. SPb, Izd. A.F. Devriena, 1913. 875 p.
16. Sbornik zakonov i kirgizakh stepnykh oblastei [Compilation of Laws on the Kirghiz from Steppe Areas]. Orenburg, Tipo-litografiya P.N. Zharinova, 1898. 532 p.
17. Srednyaya Aziya vodvorenie v nei russkoi grazhdanstvennosti (s kartoyu Srednei Azii) [Central Asia: Establishment of Russian Citizenship There (with the Map of Central Asia)]. SPb, Tip. V. Bezobrazova i K^o, 1870. 417 p.
18. Turkestanskii kraj: sbornik materialov dlya istorii ego zavoevaniya [T. 21. 1866 god. CH. 1. Yanvar'-Iyun'] [Turkestan: the Collection of Materials for the History of its Conquest [Vol. 21. 1866. Part 1. January-June]]. Tashkent, Tip. shtaba Turkestanskogo voennogo okruga, 1915. 320 p.
19. Ulyanitskii V.A. Snoshenie Rossii so Sredneyu Aziyu i Indiyu v XVI-XVII vv.: po dokumentam Moskovskogo Glavnogo Arkhiva Ministerstva inostrannykh del [Russia - Middle Asia and India Relations in XVI-XVII centuries: the Documents of the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. M., Universitetskaya tip, 1889. 68 p.
20. Khanykov N. Opisanie Bukharskogo khanstva [Description of the Bukhara Khanate]. SPb, Tip. Imp. Akademii Nauk, 1843. 280 p.
21. Khiva, ili geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Khivinskogo khanstva, sostoyashchego teper' v voine s Rossiei, zaimstvovannoe iz raznykh otechestvennykh i inostrannykh pisatelei, s izobrazheniyami kostyumov i vida goroda Khivy [Khiva, or Geographical and Statistical Description of the Khiva Khanate, Fighting with Russia at Present, Borrowed from Different Local and Foreign Writers, with Images of the Costumes and the Views of the Khiva city]. M., Universitetskaya tip, 1840. 87 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мухамедина Шамишия – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, педагогики и психологии Уфимского государственного университета экономики и сервиса;

e-mail: mukhamedina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mukhamedina, Shamshiya – Doctor of Historical Sciences, Professor, professor of the department of History, Pedagogy and Psychology, Ufa State University of Economics and Service;

e-mail: mukhamedina@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Мухамедина Ш. Водворение русской гражданственности в Центральной Азии (1865-1886 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 106-122.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-106-122

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Mukhamedina Sh. Establishment of Russian citizenship in Central Asia (1865-1886 years) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 106-122.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-106-122

УДК: 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-123-132

ПОРЕФОРМЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1860-1880 гг.

Сарыков Е.С.*Московский государственный университет леса**141005, Московская область, г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д. 1,**Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена качественным изменениям, происходившим в кустарной промышленности в 1860-1880 гг. в результате либерализации социально-экономического порядка в Российской империи на примере Курской губернии. Трансформация местных кустарных промыслов была опосредована двумя основными факторами: втягиванием региона в национальный рынок и ухудшением положения в основной отрасли экономики губернии – сельском хозяйстве. Новые экономические условия с 1880-х гг. генерировали модернизацию в товарных отраслях кустарной промышленности. В то же время, сокращение доходов крестьянских хозяйств в результате кризисных явлений в аграрной отрасли, вынуждало селян расширять сферу патриархальных форм промышленного производства.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, пореформенная эпоха, кустарные промыслы, отходничество, Курская губерния.

EVOLUTION OF POST-REFORM PEASANT INDUSTRY OF KURSK PROVINCE IN THE 1860-1880 YEARS

E. Sarikov*Moscow State Forest University**1, 1st Institutskaya Street, Mytishchi, 141005, Moscow Region, the Russian Federation*

Abstract. This article analyzes the qualitative changes taking place in the cottage industry of Kursk province in the 1860-1880s which took place due to the liberalization of social and economic order in the country and the region. The transformation of Kursk domestic industry was mediated by two main factors: the retraction of the region in the national market and the deterioration of the situation in the main sectors of the province economy – agriculture. New economic conditions of the 1880s generated the modernization trends in commodity sectors of the handicraft industry. At the same time, a serious drop in income of peasant farms which happened due to the crisis in the agricultural sector forced the villagers to expand the scope of operation of the patriarchal forms of industrial production.

Key words: peasant farm, post-reform epoch, domestic industry, seasonal work, Kursk province.

Ухудшение положения в аграрной отрасли Курской губернии обуславливало несколько последствий для промышленных занятий крестьян. Во-первых, сокращение товарной продукции сельских хозяйств, а следовательно, и денежных поступлений, вынудило крестьян расширить объем промышленной продукции, производимой самостоятельно. В губернии распространились «примитивные формы кустарного производства: один и тот же человек и кожи выделывает и сапоги шьет. Вероятно, так и делали предки его еще в Киевскую эпоху, во времена Владимира Святого, так делает он и до сих пор...» [3, с. 14]. Практически полностью крестьяне губернии обеспечивали семейные потребности в грубой домотканой и шерстяной материи для изготовления одежды. При этом в земской статистике числилось всего 30 ткачей, которые, конечно, не могли удовлетворить всех жителей губернии в шерстяных и пеньковых тканях. В подобной же ситуации земские статистики относительно санного производства отмечали, что «часто попадались такие деревни, где крестьяне сплошь занимались изготовлением повозок и саней для себя» [3, с. 202]. Такие производители, как правило, не включались в учет земской статистики.

Наряду с удовлетворением собственных нужд в промышленных продуктах наиболее рукастые мастера работали по заказу потребителя (как правило, своего общинника-соседа). Так, например, веревочники Щигровского уезда практически не работали на рынок. Замечательно, что несмотря на наличие в губернии центров веревочного промысла, производивших

товарную продукцию по более низкой цене (веревка – 2 руб. 30 коп., канат – 3 руб.), и ее подвоз на базары уезда, щигровские веревочники отмечали, что «они завалены работой, а иногда даже не могут исполнить всех заказов». Таким образом, нереализованный потребительский спрос инициировал не только домашнее крестьянское производство, но и расширение ремесла.

Ремесленный характер многих промыслов сохранял устойчивость даже в новых условиях либерализации экономики. Типичным в этом отношении являлся иконописный промысел слободы Борисовки, зародившийся в начале XVIII в. благодаря основанию в 1714 г. сподвижником Петра I графом Б.П. Шереметевым Борисовского женского монастыря в память о Полтавской победе [2, с. 105-114]. Иконописцев «старой школы», красочников, т. е. тех, кто мог создать религиозный сюжет, осталось в слободе к середине 1880-х гг. четыре: Г.А. Сидоренко, А.Г. Сидоренко, Т.Д. Ткаченко и А.А. Кулгута. Остальные иконописцы «дальше личкунства нейдут», т. е. выписывания ликов.

Комплекс факторов, среди которых ухудшение положения традиционной отрасли хозяйства занимало центральное место, обусловил сдвиги в кустарном отходничестве. Прежде всего эти сдвиги касались наращивания масштабов выхода мелких промышленников за пределы губернии. Случалось и таким образом, что промыслы, укорененные в губернии «с дедов», в силу изменившейся экономической ситуации, становились отхожими. Так, вышнеозерненские и мелехинские бараночники, булочники, грибники, обеспечивающие обширные потребности

торговцев Коренной ярмарки, после ее закрытия переориентировались на отход в Харьков, Ростов, Одессу и даже в Крым.

Проявляющиеся с 1880-х гг. новые условия хозяйствования, вызванные форсированной индустриализацией страны и развитием капиталистического уклада, в связи с национальным рынком генерировали модернизацию товарных отраслей кустарной промышленности региона, ориентированных на поставку продукции за его пределы. Отдельные отрасли, не справляющиеся с задачей адаптации к веяниям времени, навсегда сходили с «подмостков истории», другие трансформировались в направлении специализации, удовлетворения запросов потребителей, технического перевооружения, концентрации и т. д. Так, прекратили существование во многих местностях губернии производства колесников и санников, перешедшие на дорогое покупное сырье. То же произошло с поясным производством в Фатежском, Курском, Щигровском уездах [3, с. 31; 4, с. 244-245]. В конце 1880-х гг. в упадок пришел шаповальный промысел. В Рыльском уезде, в южной его части, это производство давало дополнительный заработок жителям 12 деревень. С изменением моды городской картуз совершенно вытеснил войлочные колпаки и шляпы.

Однако было бы большим упрощением представлять последствия либерализации экономики для кустарной промышленности губернии односторонне в качестве депривации. В реальной хозяйственной практике действие рыночных механизмов оказывало разновекторное влияние, порождая разнонаправленные тенденции

отдельных сегментов кустарничества, имевших различные социально-экономическими характеристиками. Так, в связи с закрытием Коренной ярмарки и изменением условий сбыта, качественная трансформация произошла в коврово-ткацком промысле. Ковровый промысел существовал исторически и длительное время функционировал как домашнее производство. Независимо от эволюции общественного хозяйства, уровня торговых связей региона с другими территориями страны, состояния внутреннего рынка, значительный сегмент домашнего ковро-ткачества присутствовал в кустарной промышленности губернии. Ковры «для себя» приготавливаются вообще очень небрежно, на основании того соображения, что «для себя-то, дескать, как ни на есть сделай – все сметет». Отделка их весьма груба, рисунки однообразны: преобладающим рисунком на таких коврах является двуглавый или одноглавый орел с распростертыми крыльями; попадаются также ковры с башнями и деревьями» [4, с. 246]. Значительная часть ковроделов (из числа наиболее мастеровых) изготавливала продукцию на продажу. Ковры для рынка отличались лучшим качеством и «затейливостью» рисунка. Так же старательно выделялись ковры на заказ потребителя. Причем в этом сегменте ковро-ткачества «ремесленном» работали наиболее талантливые кустари, изготавливающие так называемые господские ковры [4, с. 246].

Особенно отчетливо новые экономические условия проявились в так называемых кустарных гнездах. В Курской губернии с давних времен наряду с сапожным ремеслом, присутствующем практически в каждой деревне,

сформировались центры кожевенно-сапожного производства. Шитье сапог сконцентрировалось преимущественно в слободах Велико-Михайловке, Ольшанке, Покровском, Татьяновке, Холани, Ниновке, Чернянке и Слоновке Новооскольского уезда; Томаровке Белгородского уезда; Борисовке Грайворонского уезда; Мирополье Суджанского уезда; Алексеевке, Кореньке, Зимовеньке, Неклюдовой и Белой Корочанского уезда. Во всех этих местах производители шили сапоги для рынка, а не для отдельных заказчиков-потребителей. Производство сапог, преимущественно малороссийским населением, являлось одним из самых старых промыслов. В крупных размерах промысел был распространен в южных уездах Курской губернии еще с XVIII столетия, а в 50–60-х гг. XIX в. он достиг своего апогея – все южные ярмарки и базары были завалены курскими сапогами, вытеснившими с рынка сапоги, сработанные в других местах.

В силу особой рентабельности промышленных занятий сапожники расширяли промысел в ущерб земледелию. Однако с 60-х гг. XIX в. «когда проведены были железные дороги и на южные рынки проникли владимирские, московские и тверские сапоги», промысел стал испытывать давление конкуренции на национальном рынке. Кризис в сапожном производстве наступал постепенно: сначала крупные подрядчики уменьшили свои заказы, потом их заменили мелкие подрядчики, наконец, подряды совсем прекратились и заменились скупкою готовых сапог на местных базарах. Попутно с этим, обеспеченное производство по заранее условленной цене заменилось

случайным заработком, находящимся в зависимости от того, сколько пар сапог будет вынесено на базар.

При наступлении кризиса новооскольские сапожники попытались бороться с негативными последствиями конкуренции с продукцией промышленных регионов. Соединяясь в артели, они посылали партии сапог на южные ярмарки, но, не зная условий сбыта, терпели на этом поприще фиаско. С целью сохранить свою конкурентоспособность, сапожники переспециализировались на продажу сапожных заготовок по цене готового кожевенного сырья. Кустари выносили на базар хорошо скроенные и посаженные на колодку сапоги, едва прошитые дратвой и клеем и в таком виде сбывали скупщикам, покупатели которых на юге, принеся домой покупку, вновь перешивали купленный шаблон сапог. Среди потребителей даже сложилась относительно кустарного сапога метафора: «цена ему грош, да фасон-то у него хорош» или «в пятницу одел, а к субботе подметки растерял» [1, с. XII].

Аналогичным образом новые экономические условия изменяли облик производства скатертей в слободе Борисовке Грайворонского уезда [2, с. 39–47]. В слободе в скатертном производстве было занято 273 чел., из них 255 мужчин и 36 женщин. Промысел существовал с 30-х гг. XIX в. и с момента зарождения производства кустари работали на рынок, а скатерти изготавливались «исключительно из пеньки и льна простые, по отзывам крестьян, мужицкие». Однако расширение рынка сбыта скатертей и повышение требований потребителей к качеству продукции обусловили коренную

трансформацию промысла. Материалом для изготовления скатертей в 1870-е гг. стал хлопчатобумажный уток, приобретать который мелкими оптовыми партиями стало «по плечу» лишь самым состоятельным. Новыми «хозяевами» (таковых насчитывалось 18) стали местные торговцы, имеющие «свои бакалейные и красные лавки, которым было «сподручно разъезжать со скатертями по базарам и ярмаркам»».

Основная масса мастеров прекратила самостоятельную работу на рынок и полностью перешла к изготовлению продукции на «хозяев», снабжавших кустарей материалом и даже кредитовавших их потребительскими товарами. При этом чистый заработок такого ткача в год составлял 27 руб. 20 коп. (для сравнения доход «хозяина» в год достигал 625 руб.). Низкий уровень материальной состоятельности скатерщиков (80,6% были безлошадными) создавал условия, при которых мастера соглашались работать за любые деньги.

Последствия развернувшейся в кустарных промыслах модернизации заключались не только в революционной трансформации их традиционного строя. Часть отраслей, где ручной труд сохранял общественную значимость (например, кружевной), в которых большую часть вновь создаваемой стоимости составляли трудовые затраты кустарей, формировали функциональное пространство для кустарной промышленности в новой индустриальной экономике. Несмотря на то, что даже в этих хозяйственных условиях кустарные отрасли сохраняли внешнюю статичность, характер их внутреннего содержания менялся принципиально: из вспомогательного

средства к традиционному сельскому хозяйству, восполняющему недостающий доход, этот сегмент кустарничества превращался в механизм роста товарности крестьянского хозяйства и извлечения прибыли.

Иллюстрацией кустарных промыслов, типичных с точки зрения генерации ниши мелкой сельской промышленности в индустриальной экономике, могут служить деревообрабатывающие производства губернии: лукошечное в слободах Зимовенька и Белая Корочанского уезда; рамное в слободах Ивановской и Лисицы Грайворонского уезда; изготовление борон, повозок, саней в с. Пузачи Тимского уезда; ящичное – Корочанского уезда; сундучное – слобод Велико-Михайловки, Холани, Слоновки Новооскольского уезда. «По своей организации производство это, – говорится в материалах земской статистики, – очевидно, принадлежит к типу мелкой кустарной промышленности, потому что, во-первых, кустари в большинстве случаев работают самостоятельно, силами своих только семей; во-вторых, все они покупают материал производства сами для себя, не прибегая к помощи крупных предпринимателей-подрядчиков; в-третьих, на это указывает и сама форма сбыта, неносящая решительно никаких признаков капитализма» [2, с. 186].

Одной из черт процесса модернизации кустарной промышленности являлась дифференциация промышленной и аграрной отрасли крестьянского хозяйства. Несмотря на общий сельскохозяйственный характер региона, к концу 1880-х гг. в Курской губернии сформировались кустарные гнезда в поселениях, в которых земледелие

рассматривалось подсобным по отношению к промышленным занятиям. «Исключение составляют производители больших деревень, вроде Велико-Михайловки, Борисовки, Томаровки, Мирополья, Михайловской Слободы Дмитриевского уезда, Мантуровки. Крестьяне этих деревень давно уже бросили земледелие, а потому вынуждены все свои потребности удовлетворять из доходов, доставляемых промыслам, в том числе и по обработке дерева» [1, с. XIII]. Кустари этих промышленных сел изготавливали сита, оконные рамы, сундуки, киоты для икон, иконы и т. д.

Характерной чертой модернизации кустарной промышленности стало развитие кооперативных форм хозяйствования. В среде кустарей Дмитриевского уезда кооперация приобрела устойчивые формы. Здешние отхожие плотники, пильщики и каменщики, составляющие главный контингент всех внеземледельческих промышленников в уездах (около 15% общего количества), в большинстве случаев ходили работать самостоятельными артелями. Артели устраивались обыкновенно по 12-18 чел. Промышленники, осознав прямую выгоду таких артелей, организовывались в них, кроме тех, кто «запутался в долгах у местных рядчиков: Пестехина, Кабалдина, Черюкина» [3, с. 40].

В самостоятельной артели, состоявшей из равноправных промышленников, заработки, как правило, превышали доход отходников-одиночек. «Братчик» (член товарищества) каменщик получал 140-160 руб., плотник – 120-140 руб.; а работники «второй руки»: каменщик – 120-130 руб., плотник – 80-100 руб.; работники «третий

руки»: каменщик – 90-100 руб., плотник – 60-80 руб.; новички «перволетчики»: каменщик получал 60-70 руб., плотник – 50 руб. В то же время по найму у рядчика каменщик «первой руки» получал максимально 90-110 руб., «второй руки» – 70 руб., «третьей руки» – 40 руб., а при неблагоприятных обстоятельствах – 30 руб.; плотник «первой руки» – 80-90 руб., «второй руки» – 60 руб., «третьей руки» – 40-50 руб., а «перволетчик» обеих специальностей никогда не получал больше 30 руб. [4, с. 248-249].

Насколько широко была распространена «братская» самостоятельная артель можно судить из того, что в Дмитриевском уезде, из общего количества каменщиков, около 40% уходило на заработки такими самостоятельными товариществами; из общего числа плотников и пильщиков братскими артелями ходило несколько меньше народа, именно около 30% [3, с. 43-44]. Кооперативная организация была присуща не только отхожим промыслам, но и оседлым. Например, в гончарном производстве кустари совместно строили горн и сообща (по четыре двора) использовали его для обжига. Таким образом, был организован гончарный промысел в четырех северных уездах [3, с. 44]. Особенно успешно кооперативная организация развивалась в кустарных отраслях, где частнокапиталистическая инициатива имела ограниченную функциональность. Таковыми являлись ручные производства, сохраняющие общественную значимость и не имевшие тенденции к росту капиталоемкости. Так, на кооперативной основе функционировал дужный промысел в Щигровском, Грайворонском, Суд-

жанском уездах у «крестьян четвертого права», живших в общинах «особо замкнутой жизнью». Так, каждый род составлял самостоятельное *status in statu*, поскольку члены рода «живут в тесной дружбе и союзе между собой; кровная родовая связь, а также общие земельные интересы поддерживали между ними постоянное общение». Дуги производились на рынок, но мастера никогда не держали у себя наемных рабочих и вели промысел исключительно силами своей семьи. Умения передавались только внутри родовых сообществ.

Артелями работали камнетесы из Троицкого и Фатежского уезда. Камнетесы не только объединяли трудовые ресурсы, но и в складчину приобретали каменоломни и пользовались переносной кузней. При работе артели каждый получал свою долю по мере вытаскивания камней из ямы и перевозил свою часть домой. «Форма артели здесь, значит, сырьево-производительная: члены соединяются только для совместного добытия сырья, окончательная же обработка его производится единичными силами каждого рабочего в отдельности. В этой артели никакого «старшего» или заведующего не существует; да при такой несложной работе это было бы и излишне, так как здесь не требуется делать никаких распоряжений, а приходится только работать, пускать в ход мускульную силу и ничего более.

Артельщики... работают исключительно силами своих семей. Они соединяются обыкновенно по пять-шесть человек, аренду платят сообща, сообща работают и весь инструмент приобретают на общие же, артельские средства» [2, с. 147-149].

Два направления (частнокапиталистическое и кооперативное) концентрации производства демонстрировал горшечный промысел, получивший развитие в слободе Велико-Михайловке Новооскольского уезда благодаря усилиям князя Голицына, который «выселял сюда разных мастеров из своих имений, находившихся в других губерниях». Благодаря высокому качеству глины в 1880-е гг. гончарное производство укоренилось в слободе Стрелица Корочанского уезда. Сокращение лесных угодий и его последствия в виде повышения цен, конкуренция с товаром промышленно развитых регионов, обострившаяся с момента введения в строй железной дороги, обусловили модернизацию традиционного горшечного промысла, которая пошла по двум социально-экономическим парадигмам. Часть кустарей, самостоятельно не справляющихся с материальным обеспечением производства, перешла на работу к владельцам крупных мастерских или переориентировалась на изготовление горшков для скупщиков. Другая часть решала проблему поддержания промысла за счет кооперирования.

«Горны имеются обыкновенно не у каждого хозяина, они устраиваются всегда тремя или четырьмя горшечниками вместе, в складчину. Делается это частью же из экономии дров. Члены артели, товарищи по горну, стараются, чтобы горн не остывал, и как только один кончает обжигание и вынимает из горна горшки, другой тотчас же начинает туда накладывать свои, потому что в противном случае, если он не поторопится этого сделать, горн остынет, и ему придется истратить дров на несколько копеек больше, чтобы разогреть под и стенки горна. В зимнюю пору иногда

бывает, что горн, вследствие временно-го перерыва в работах, застынет совсем, занесется снегом, так что для одного разогревания его дров необходимо на 1,5-2 руб. В таких случаях артельщики разогревают его сообща, складываясь дровами поровну» [2, с. 159-160].

Модернизация кустарных промыслов давала результат не только в специализации, но и структурировала мелкую промышленность по социально-экономической организации [1, с. 39-40; 3, с. 58-63]. Наиболее активная часть сапожников благодаря расширению связей с национальным рынком, адаптировавшись к новым условиям, обрела материальный и социальный статус предпринимателей (2,4%). Инициатива нарождающихся буржуазных элементов распространялась среди некогда однородной массы кустарей – 5,7% общинников было организовано в домашней форме капиталистического производства. Не все из них прекращали самостоятельный промысел в связи с материальной несостоятельностью. Значительная часть работающих на предпринимателей на дому не могла целиком посвятить свое время промышленной деятельности в силу того, что земледелие продолжало составлять основную отрасль хозяйства и требовало значительных затрат труда. Эпизодическая сапожная работа «на подрядчика» вполне устраивала состоятельного сельского хозяина. Дополнительный годовой доход от кустарного промысла являлся существенным довеском к общему доходу земледельца.

Кустарные промыслы, наряду с промышленным капиталом, активно осваивались предпринимателями-скупщиками и комиссионерами. На них

работали 10% кустарей. Комиссионеры из крестьян зачастую появлялись не как продукт из среды деревенских мастеров или экспансии торгового капитала «со стороны», а как следствие прямой хозяйственной необходимости в обеспечении сбыта кустарных изделий, реализовать которую силами кустарного населения, оставшегося земледельческим, было невозможно. Наименее состоятельные сельские хозяйства, из числа утративших связь с сельским хозяйством и таким образом лишившихся опоры на традиционную крестьянскую отрасль, становились сельскими пролетариями, нанимавшимися в крупные кустарные мастерские (10,4%). Однако и в этом случае положение наемника не всегда было связано с потерей материального статуса крестьянина. Зачастую внаем подражались начинающие промышленники, особенно из числа подростков.

Несмотря на новые экономические условия, сохранялось достаточное функциональное пространство для мелкотоварного кустарного производства: самостоятельно работало на рынок 55% кустарей. Следует заметить, что и этих производителей не миновала частнокапиталистическая инициатива. «Капиталисты» хозяйства крупных мастерских, раздающие работу на дом, в отношениях с самостоятельными кустарями выступали в роли «скупщиков», диктовавших условия кредитования и сбыта готовой продукции. Самым многочисленным слоем мелких промышленников, составлявших резерв роста товарных отраслей кустарного производства, являлся слой сельских ремесленников, работавших под заказ потребителя. Данные земской статистики в полной

мере не отражают масштабы этого сегмента крестьянской промышленности, так как учитывают его небольшую часть: только те отрасли, в которых ремесло присутствовало наряду с товарным производством. Однако даже в столь ограниченном формате ремесленники составляли 26,5% среди вошедших кустарей.

Таким образом, развитие кустарных промыслов Курской губернии в 1860-1880-е гг. обуславливали два основных фактора: ухудшение положения сельскохозяйственной отрасли и форсированная модернизация общественного хозяйства страны, составной частью которого являлась экономика региона. Отсутствие «амортизаторов», сдерживающих последствия коренных трансформаций, объясняется традиционно земледельческим характером экономики губернии, в недрах которой не сформировались или сформировались в ограниченных размерах зачатки крестьянского товарного производства, в том числе в кустарной промышленности.

Сужение возможности дохода в результате получения товарной продукции в сельском хозяйстве расширило масштабы реализации потребности крестьян в промышленной продукции за счет домашнего производства. Мотивация на поиск дополнительных заработков крестьян побудила многих из них использовать навыки домашнего производства для изготовления промышленной продукции на заказ и тем самым увеличивать ряды сельских ремесленников.

Вместе с тем включение экономики губернии в национальный рынок создавала условия, при которых труд малоквалифицированной массы вновь рекрутируемых кустарей имел ограни-

ченные возможности использования. В результате значительная доля сельских промышленников искала заработка в отхожих, в том числе кустарных промыслах. Новые хозяйственные условия определили модернизационные процессы в товарных отраслях кустарной промышленности. Наиболее активная часть мелких сельских промышленников, адаптируясь к рыночным условиям, составила социальную базу формирующегося слоя предпринимательской верхушки, не являвшейся в полном смысле буржуазной, но имевшей признаки, указывающие на ее дальнейшую капиталистическую эволюцию.

Альтернативным направлением концентрации производства на основе частной инициативы стала кооперативная модернизационная парадигма. В этой форме организации кустарного производства эффективность достигалась не за счет разделения труда наемных рабочих, а за счет обобществления трудовых и материальных ресурсов мелких производителей. В результате модернизации в кустарной промышленности губернии стало формироваться функциональное пространство мелкого промышленного ручного труда, имманентного индустриальной структуре экономики. Ручной, наделенный особыми умениями труд мастера сохранял свое значение в отраслях, где основную долю вновь создаваемой стоимости составляли трудовые затраты. Помимо прочего, последствия модернизации проявлялись в специализации кустарной деятельности. Хотя и не столь заметно, как социальные сдвиги, наблюдался процесс дифференциации аграрной и промышленной деятельности крестьянского населения региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернер И.А., Добротворский Н.А. Курская губерния: итоги статистического исследования. Курск: Тип. губ. земства, 1887. 498 с.
2. О кустарных промыслах Курской губернии / сост. Н.А. Добротворский. Курск: Тип. уезд. земства, 1885. 36 с.
3. Сборник статистических сведений по Курской губернии: отдел общий [Т. I. Ч. II. Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян Центрального района / сост. Н.А. Добротворский]. Курск: Тип. губ. земства, 1885. 228 с.
4. Сборник статистических сведений по Курской губернии: отдел хозяйственной статистики [Вып. 8. Щигровский уезд]. Курск: Тип. губ. земства, 1885. 676 с.

REFERENCES

1. Verner I.A., Dobrotvorskii N.A. Kurskaya guberniya: itogi statisticheskogo issledovaniya [Kursk Province: the Results of Statistical Studies]. Kursk, Tip. gub. zemstva, 1887. 498 p.
2. O kustarnykh promyslakh Kurskoi gubernii [About Artisan Crafts of Kursk Province / comp. N. And. Dobrotvorskaya. Kursk: Type. County]. Kursk, Tip. uезд. zemstva, 1885. 36 p.
3. Sbornik statisticheskikh svedenii po Kurskoi gubernii: otdel obshchii [T. I. CH. II. Promysly i vnezemledel'cheskie zanyatiya krest'yan T'Sentral'nogo raiona / sost. N.A. Dobrotvorskii]. Kursk: Tip. gub [Collection of Statistical Information on the Kursk Province: the Department of General [T. I. part II. Non-agricultural Trades and Occupations of the Central District Peasants / comp. N. A. Dobrotvorskaya]. Kursk: Type. lips]. Kursk, Tip. gub. zemstva, 1885. 228 p.
4. Sbornik statisticheskikh svedenii po Kurskoi gubernii: otdel khozyaistvennoi statistiki [Vyp. 8. Shchigrovskii uезд]. Kursk: Tip. gub [Collection of Statistical Information on the Kursk Province: Department of Economic Statistics [Vol. 8. Shchigrovsky District]. Kursk: Type. lips]. Kursk, 1885. 676 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сарыков Евгений Сергеевич – соискатель кафедры истории и культурологии Московского государственного университета леса;
e-mail: essarykov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sarykov, Evgeniy S. – competitor for a degree of the department of History and Culturology, Moscow State Regional University;
e-mail: essarykov@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Сарыков Е.С. Пореформенная эволюция крестьянской промышленности Курской губернии в 1860-1880 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 123-132.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-123-132

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Sarikov. Evolution of post-reform peasant industry of Kursk province in the 1860-1880 years // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 123-132.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-123-132

УДК 94(470)''1932/1937''

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-133-142

ИЗМЕНЕНИЕ ЖИЛОЙ СРЕДЫ МОСКВЫ В 1960-е гг. КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

Горлов В.Н.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается изменение жилой среды в связи с массовым жилищным строительством периода 60-х гг. прошлого века. В статье автор анализирует московский двор как социальное явление, как социальный, пространственный и экологический феномен, зародивший дворовую общность людей. Автор рассматривает московский двор с разных точек зрения: его функций в городе, человеческих отношений и т. п. В статье анализируется серьезный ущерб социальной жизни Москвы в связи с исчезновением московских дворов.

Ключевые слова: Москва, массовое жилищное строительство, микрорайон, социальная среда, общественное поведение, коммунистические отношения в быту.

THE CHANGE OF MOSCOW LIVING ENVIRONMENT IN THE 1960th AS A SOCIOCULTURAL PROBLEM

V. Gorlov*Moscow State Regional University**10 A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article is dedicated to the changes of the living environment in Moscow due to the mass home construction activity in the 60th of the previous century. The article presents the analysis of a Moscow yard as a social phenomenon. This social, spatial and ecological phenomenon gave birth to a domestic community of people. The author considers a Moscow yard from the different points of view: its functions in the city, human relations, etc. The article analyses the serious damage to social life of Moscow in connection with disappearance of Moscow yards.

Key words: Moscow, mass home construction activity, microdistrict, social environment, public conduct, communist relations in private life.

В истории очень большую роль играли бытовая повседневность, формы бытового поведения. Они проливают свет на общеизвестные социальные макропроцессы. Так, значительную роль в русском менталитете прошлого играла община. Русский человек не принимал жизни вне общины и даже в своей родной семье хотел видеть общину, товарищество. В общине формировались коллективные поведенческие стереотипы, традиционные черты характера русского че-

ловека: стремление к социальной справедливости, приоритет общих интересов над индивидуальными, потребность в сильной власти. Русские люди веками проживали в общине, потом в колхозе, в коммунальной квартире, в трудовом коллективе.

Профессор Гардварского университета Андрей Дроздин отмечал: «Русские люди отличаются от американских прежде всего контактностью. В русском человеке неистребима потребность побухтеть – пообщаться, всё делать гуртом, колхозом, общиной. Вероятно, это одна из причин, что в России проскочила идея построения коммунизма» [6]. Советская власть усилила коллективистское сознание. Советский человек мог отказаться от друзей, не заводить семью, но он не мог спрятаться от соседей, с которыми его связывала общая кухня, общий туалет, ванна, общий двор, общий подъезд. Социальная направленность на коллективизм оказывала влияние на формирование других моральных установок, приверженность к соответствующим идейным убеждениям. Парадоксально было то, что с получением отдельной квартиры многие москвичи вздыхали о коммунальных квартирах, где люди жили в тесноте, в неудобствах, но менее отчужденно. Несмотря на то, что удобств стало больше, уюта стало, по их мнению, меньше.

Рассредоточение населения по огромной территории Москвы сыграло очень большую роль в судьбе московского двора. Москва разрасталась в немыслимых размерах, разрывая прежние дворовые узы. В довоенной Москве, живя в компактной застройке, москвичи постоянно получали дозу

оптимизма от постоянного общения со своими соседями, были соучастниками праздников или бед. В социальной системе действовали универсальные гуманные принципы: ответственность за коллектив, за окружающих. Это воспитывалось в детском саду, в школе. Это прочно утвердилось в психике большинства советских людей. Эта социальность поведения стала постепенно утрачиваться москвичами при переезде из коммуналки в отдельные квартиры. Изменялось общественное поведение москвичей.

В сложившейся застройке каждый дом, двор имели свое неповторимое лицо, несли на себе печать времени. Чем же отличалась современная свободная планировка новых районов в 60-е гг. от жилой среды довоенной и послевоенной застройки? Этот вопрос содержит, помимо архитектурных и исторических, социально-бытовые, психологические, демографические аспекты. В старых дворах Москвы происходило общение жителей прилегающих зданий, зеленые уголки дворов роднили с природой. Придомовая территория считалась социально безопасной зоной, полноценным жилым пространством, так как жители в той или иной степени были известны, поэтому возможно было прогнозирование поведения друг друга и осуществление социального контроля. Такая жилая среда воспитывала чувство коллективизма, сплавляла людей. В новых дворах отсутствие всего этого резко снижало ценность придомовой территории. Отсутствие озелененных детских площадок двора не компенсировалось никакими элементами обслуживания, что отражалось на социализации детей.

Московские власти в 60-е гг. искренне считали, что и при отдельных квартирах общение граждан по месту жительства будет развиваться благодаря организации комплексных микрорайонов. Власти хотели шире привлекать население к управлению жилищным хозяйством, создавая домовые комитеты и общественные комиссии, следящие за соблюдением порядка и правил общежития. Жители работали бы вместе по улучшению санитарного состояния домов, играли бы в спортивные игры, а после работы вечером в общественном центре микрорайона устраивали бы концерты или ходили бы на лекции. В результате появился бы ещё один коллектив помимо работы и семьи – коллектив по месту жительства.

Послевоенную соседскую общность попытались поддержать в начале 60-х гг. посредством различных жэковских мероприятий. Общественную деятельность в микрорайоне стали организовывать при жилищно-эксплуатационных конторах. В 1961 г. при ЖЭКах в Москве открылось 447 клуба и красных уголков, в 1964 г. их число достигло 941 [2, с. 79]. При ЖЭКах создавались домовые комитеты, народные дружины, депутатские комиссии, добровольные общества, технические советы и т.п. В красных уголках детей учили петь, танцевать, создавались кружки самодеятельности. Также стали создаваться товарищеские суды, состоящие из жильцов, которые наказывали за систематические нарушения порядка в коммунальных квартирах, разрешали споры, возникающие в доме. Они создавались на основании Положений от 1961 и 1964 гг. всюду, где были коллективы численностью боль-

ше 50 человек. Судили за действия, которые не тянули на уголовную статью, но противоречили Кодексу строителя коммунизма. Они могли штрафовать, требовать лишения квартиры, увольнения с работы. Домкомы, заслушав жалобы, принимали соответствующие меры, регулярно собирались для обсуждения работы коммунального хозяйства, для чего существовали группы народного контроля из наиболее сознательных рабочих и пенсионеров. В июне 1963 г. в парке Горького прошёл первый слёт участников соревнования за коммунистическое отношение в быту¹.

Московские власти в 60-е гг. старались создать в микрорайонах различные органы самоуправления (территориальная депутатская группа, женсоветы, советы домов). Первый секретарь МК КПСС В.В. Гришин отчитывался на Всесоюзной научно-практической конференции 2 декабря 1977 г.: «В Москве свыше 60 тысяч советов домов и подъездов. Органы самоуправления по месту жительства объединяют сотни тысяч людей. Созданы районные культурно-спортивные комплексы, объединяющие работу клубов, спортивных сооружений и библиотек независимо от их ведомственной принадлежности» [1, с. 448]. Однако и эти действия не помогали. Многие жители даже не знали о существовании этих органов. Вряд ли кто из москвичей обращал внимания на эти речи.

В действиях московских властей всё было логично. Но круг знакомых граждан, живущих в отдельных квартирах, обычно ограничивался сосе-

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф.4. Оп. 131. Д. 21. Л. 28.

дами по лестничной площадке. Мечты о микрорайонных коллективах не осуществились: старушки, сидящие у подъездов, не в счет. В чем же состоял просчет властей? Социологическую ошибку допустили в бюджете свободного времени. Трудовые перемещения из новых микрорайонов и обратно составляли большие затраты времени, что явилось главным тормозом совершенствования непроизводственной сферы образа жизни москвичей. Для деятельности в «микрорайонном коллективе» времени практически не оставалось. Время в выходные дни тратилось на посещение кинотеатров, на загородный отдых, на хозяйственные дела. Участвовать в коллективных микрорайонных мероприятиях было некогда. Сказывался и недостаток микрорайонных культурных учреждений и спортплощадок. Постепенно ограниченность общения привела к замкнутости москвичей, которые почти не знали соседей по дому. В последующие десятилетия все больше повышался уровень образованности, благосостояния, расширялся круг интересов граждан. Это неизбежно приводило к постепенному изживанию института соседства.

В 1960-70-е гг. в результате массового жилищного строительства характер и тип проживания населения значительно изменился. Большая часть населения переселилась в панельные дома без акцентирования внимания на комфортность жилой среды. На смену традиционному двору пришли «ничьи» пространства, лишенные социально важных характеристик двора как коллективного организатора общения, свободного времени жителей, как коллективного помощника и воспитателя.

Постоянно говорилось в средствах массовой информации о недостаточном развитии массовой физкультуры и спорта в новых микрорайонах, не задумываясь о роли старой застройки в вовлечении детворы в спорт. И сама материальная база (как и многое другое) раньше во дворе создавалась коллективным трудом: дворовый футбол был и катки были. Бывший игрок сборной СССР по футболу В. Никонов с горечью писал: «Катки позакрывались, раньше все умели на коньках кататься и в футбол играть. Ничего во дворы не вернется, и радиолы не будут вытаскивать, и танцевать под них. Больше не будет во дворах этого...» [4].

Массовое жилищное строительство 60-х гг. окончательно вытеснило дворовую общность москвичей. Двор, как структурная единица городской среды, исчез. Вместо него образовались непрерывные придомовые пространства, охватывающие всю территорию микрорайона. Коммунальный двор как место общения и досуга был уничтожен свободной планировкой жилых зданий. В результате придомовая территория утратила четкие границы, приобрела анонимный характер, а огромный её масштаб затруднял контроль жителей на ней. Эта среда была лишена функционального и культурного потенциала, поэтому не могла стать полноценной городской средой. Изменения архитектурно-пространственной среды жилой застройки отражали и изменения образа жизни москвичей. Постоянный контроль и знание всех обо всем, вынужденность контактов в послевоенных московских дворах сменились попытками оградить себя от излишних контактов и сохранить известную степень аноним-

ности.

Раньше общение и контакты по месту жительства были единственно приемлемыми формами межличностных коммуникаций. Свободная планировка жилых зданий ориентировала жителей на индивидуальную семейно-бытовую деятельность, индивидуальный досуг. Практически отсутствовали помещения для совместной деятельности жителей, места для общения пенсионеров и детей. Выводились все материально-пространственные предпосылки, способные воспроизводить коллективистские отношения, создавать воспитательную среду жизнедеятельности. Жители потеряли объект преобразовательной деятельности. Новая жилая среда формировала другой образ жизни. Принцип организации микрорайонов привел к их социальной неполноценности, так как искусственно сузил сферы общения, разделил социальные контакты.

Власти пытались что-то делать. Пленум ЦК КПСС в июне 1983 г. призывал «повысить роль культурно-просветительных учреждений в организации досуга трудящихся» [3]. Власти стремились к постоянной работе с населением рядом с домами. Однако отсутствовали те архитектурные сооружения, которые могли бы обеспечить потребность различных демографических групп в досуге. Послевоенные здания, дворы создавали ощущение законченного и своеобразного архитектурного целого. Их сменили микрорайоны, которые такого ощущения чаще всего не вызывали. Они представлялись случайным скоплением домов и как две капли воды были похожи на соседние. Жилая среда утрачивала внутреннюю структуру простран-

ственной организации. Увлечение свободной застройкой давало ряд микроклиматических и функциональных преимуществ, но лишало жителей чувства «своего» пространства.

Рост дворов поначалу архитекторами воспринимался как положительное явление в противовес затесненным дворам старой застройки. Однако это вылилось в другую крайность – гипертрофию жилых дворов. Изменялись масштабы зданий, ограничивающих двор, условия инсоляции, интенсивность использования территорий. Менялся и сам стиль жизни горожан. Однако приемы благоустройства и озеленения остались прежними. Эта картина усугублялась бедностью малых архитектурных форм. Постепенно дворы теряли социальную значимость. Из дворов общения создавались дворы отчуждения. В периферийных районах для пенсионеров, подростков, молодых семей с маленькими детьми вопросы транспортной доступности были серьезным препятствием в реализации социально-культурных потребностей. Общение позволило бы им разрешать возникающие кризисные явления (проблемы социализации у подростков, проблемы исключения из производственного процесса у пенсионеров).

Массовое жилищное строительство не могло формировать замкнутые дворовые пространства. Высокая этажность современных микрорайонов способствовала большому разрывам между домами, несоразмерной человеку жилой среды. Дворовые пространства стали вмещать обширные участки детских учреждений и достигли огромных размеров (3-4 гектара). Это уже были не дворы, а некое сво-

бодно перетекающее пространство. В архитектуре исчез стиль советского образа жизни, дух братства и теплоты. Типовые дома и типовые города рождали людей с типовым мышлением. Высокая этажность привела к целому ряду разнообразных проблем – градостроительных, функциональных, эстетических, социальных и др. И решить их было сложно, так как господствовал строительный конвейер. Искусство архитектуры стало подменяться строительным производством. Даже наличие специализированных площадок, как для взрослых, так и для детей, ещё не гарантировало возникновение контактов среди жителей, так как исчез социальный эффект двора – ощущение защищенности, пространство перестало быть осязаемым для жителя, к тому же население такого двора становилось огромным. Существование игровой площадки во дворе выдавалось как самодостаточный показатель комфортности двора в целом. Схематизм жилой застройки привел к исчезновению среды для общения.

К середине 60-х гг. современная архитектура со свободной расстановкой зданий покончила с двором. До этого во всех дворах территории были обнесены штакетником. Весной 1966 г. Моссовет вынес постановление: снести все заборы как пережиток частной собственности. Городская власть решила сделать дворы абсолютно свободными. С этого времени жизнь дворов закончилась. Композиционные приемы 60-х гг. уничтожили двор в традиционном смысле. Обширные внутриквартальные территории часто становились ничейными и оставались неосвоенными, не формируя устойчивой привязанности жителей к конкрет-

ному месту, где они живут. А без этой привязанности терялся фундамент, на котором вырастала любовь к Родине и чувство долга. Удовлетворяя потребности в красоте окружающей среды, власти решали важную политическую и социальную задачу общества. Живя в гармоничном окружении, граждане чувствовали себя «как дома», а это, в свою очередь, рождало социальную удовлетворенность.

Уютные дворы, где в детстве играли в дочки-матери и в казаков-разбойников, были для многих москвичей самыми яркими впечатлениями детства. Поколение семидесятых выросло уже на других дворовых пейзажах с покосившимися песочницами и ржавыми качелями. Понятие двора, понятие общности исчезло. Несовершенство организации условий для общения семей по месту жительства привело к утрате духа московского двора. Многие некогда опоэтизированные московские дворiki стали беспризорными. Победили стандартный подход, типовые разработки, утилитаризм. Благоустройство дворов теперь делалось «для галочки» и не согласовывались с дворовой общественностью. Жители все более становились равнодушными к тому, что происходило в ближайшей среде обитания. Гулять детям становилось негде. Никакого желания играть в убогих, полуразрушенных детских площадках у детей не было, отчего они страдали, так как игра для них была не только отдыхом, но и первой школой жизни, общения, в которой вырабатывался характер.

Массовое жилищное строительство осуществлялось по отвлеченным от реальной жизнедеятельности нормам застройки, которые способствовали

процессу разобщенности жителей. Утрата двора и дворовой общности жителей принесла результаты более глубокие, чем казалось. Была потеряна контролируемая среда, способствующая реально ощутимой связи поколений, учившей детей самым общим законам жизни. Антитезой коммунального двора стал микрорайон, который не стал естественным микромиром для его жителей.

Следует отметить тесное взаимодействие социально-культурных и психологических факторов, взаимодействие поведения жителей с архитектурным и социальным окружением. Вопрос о взаимосвязи среды и поведения возник в результате нежелательных последствий, оказываемых средой на человека (психические заболевания, неврозы, неустойчивые семейные отношения). Чрезмерное увеличение коммуникационных и рекреационных пространств, не имеющих четкой идентификации и персонализации, приводило к их деградации и криминальности. Снижение социального контроля по месту жительства способствовало росту детской безнадзорности, преступности несовершеннолетних. Пребывание человека среди прямых линий и углов делало его раздражительным и агрессивным. Поэтому москвичи по возможности стремились поскорее выехать из города с его навязчивыми прямыми углами и гладкими бетонными стенами.

Никакие службы быта, ЖЭКи и ДЭЗы не могли поддерживать комфорт, уют, порядок жилых территорий, если сами жители не ощущали эти территории «своими». Безвозвратно исчезли акации и газоны. Унылость дворов не вызывала у детей особого энтузиаз-

ма. У обычного жителя не было никакой возможности выстроить для себя иное, гармоничное пространство. И он начинал агрессивно сопротивляться окружающей среде. Архитектура жилья воздействовала на человека значительно сильнее, чем искусство, так как от неё некуда было деться. Эстетическая беспомощность разрушительно действовала на психологический климат. Исчезли игры с правилами, снизилась способность детей к контактам, в поведении наблюдалось всё больше агрессивности. Одной из главных проблем в крупнопанельных микрорайонах стала преступность. Подросткам некуда было деть свое свободное время. Эти особенности поведения подростков отразили в своих произведениях А. Алексин, Ю. Нагибин, Г. Остер и др. Городские власти не додумались разместить в первых этажах зданий не только ЖЭКи, но и помещения для клубных занятий. По утверждениям психологов, дети, выросшие в чистом доме, обустроенном дворе воспринимали мир на протяжении жизни гораздо позитивнее, чем дети, выросшие в грязной и разрушенной среде.

При массовом жилищном строительстве остался без внимания положительный социальный опыт двора. Любимый всеми поколениями москвичей двор, неперенный член семейства большинства жителей, перестал быть функционально необходим. Москвичи ностальгировали по былой живописности московских дворов, так как был утрачен комфорт проживания в городских условиях (связь с природой, зеленью и т.д.). Теперь придомовая территория воспринималась жителями как отчужденный от жизни и интересов элемент внешней среды. Сама

организация жизни подвела к исчезновению московских дворов. В отдельных квартирах образ жизни менялся. Те хозяйственно-бытовые процессы, которые прежде осуществлялись во дворе, теперь переносились в жилые помещения, расширяя функции жилища. Расселив коммунальные квартиры, власти существенно изменили характер сообществ по месту жительства. Москвичи в районах новостроек меняли не только привычное окружение, но и длительно формировавшиеся связи с соседями. Повышение качества жилья вело к разрыву привычных связей. Совместить экономическую модернизацию с устоявшимися социокультурными ориентациями и ценностями не удавалось.

Соседские отношения в новых многоэтажных микрорайонах складывались в иных формах и гораздо медленнее в силу отсутствия объективных условий для их развития. Безличность общения всё больше становилась свойственно москвичам. Тесные соседские связи москвичей, характерные вплоть до начала 60-х гг., были последовательно ослаблены массовыми переселениями. Бывшие соседи некоторое время поддерживали межличностные отношения, но через несколько лет и эти связи практически исчезали. На первый план выдвигались деловые, избирательные отношения. Преобладала тенденция к сокращению объема соседских связей. Постепенно изменялся стиль жизни московских семей, утверждалась норма социально-психологической закрытости семьи.

Непрерывно падал удельный вес соседского общения в силу особенностей расселения. На характер соседских взаимоотношений оказывала влияние

высота дома и этаж проживания. Проживающие на больших этажах меньше проводили времени во дворе дома, уменьшались формы общественной активности во дворе. Не сложились условия для развития отношений по месту жительства. Жители действительно перестали общаться, и наше советское общество все больше разъединялось. Некоммуникабельность стремительно завладевала душами москвичей. Молодое поколение росло и воспитывалось в подобной обстановке.

К концу 60-х гг. был характерен уход в частную жизнь. В своей квартире горожанин мог вернуться в сферу своей личной жизни. Главным местом проведения досуга москвичей служили квартира и общегородские зоны отдыха, минуя район проживания. У большинства москвичей место работы находилось на значительном расстоянии от дома, в силу этого вечер после работы уходил на приготовление пищи и просмотр телепередач. К дифференциации социальных связей привело и развитие системы транспортных коммуникаций. На прекращение коллективных форм досуга влияло также и разное социальное положение москвичей. К этому надо добавить проблему некомплексности застройки многих микрорайонов, когда не хватало школ, яслей, магазинов, что отнимало у москвичей много свободного времени.

Дворовое общение было своеобразным московским шармом, которое способствовало снятию стрессовых состояний, способствовало атмосфере общинности, доброжелательности. Артист Сергей Юрский с ностальгией вспоминал: «Для меня прелесть дворов московских несомненна. Уже почти невозможно общение, оно исче-

зает, его нет и если я страдаю: где же дворик, ведь во дворике должны дети играть, то думаю, они меня не поймут и скажут: зачем нам дворик, мы в ночной клуб на дискотеку ходим...» [5]. Массовое жилищное строительство привело к замкнутости и отчужденности, дворовое единство растворилось, поскольку новая архитектура разрушила дворы – эту особую московскую общность. Общение во дворах стало «уходящей натурой». Развитие средств массовых коммуникаций, в особенности телевидения, изменили соотношение массовых и индивидуальных форм досуга в пользу последних, существенно повысив социальную роль жилища. Квартира превращалась в своеобразный полюс деятельности в сфере досуга. Москвичи становились менее социально активными, что приводило к равнодушию к своему двору, к своему дому.

Массовое жилищное строительство 50-60-х гг. привело к изолированности москвичей, к прекращению соседских связей. Отношения людей между собой стали все более абстрактными, и исчезновение дворов сыграло в этом далеко не последнюю роль. Нельзя не заметить отсутствия в Москве зон общения и досуга, функции которых выполнял московский двор. Конфликтные ситуации в обществе вызваны не только просчетами в политике и экономике, но и вызваны качеством условий существования граждан, распадом системы поддержания жилой среды. Вакуум, который возник с исчезновением двора, не восполним никакими другими типами городских пространств. Москвичи испытывают дефицит в устойчивых привязанностях к своему месту жительства. Социальной жизни Москвы исчезновение дворов нанесло серьезный ущерб.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришин В.В. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1979. 654 с.
2. Жилой район и микрорайон. М.: Стройиздат, 1965. 376 с.
3. Лебедев Ю. Архитектура жилых кварталов // Строительство и архитектура Москвы. 1984. № 12. С. 3-5.
4. Московская правда. 2001. 23 окт.
5. Московский комсомолец. 2001. 30 авг.
6. Московский комсомолец. 2004. 19 март.

REFERENCES

1. Grishin V.V. Izbrannye rechi i stat'i [Selected Speeches and Articles]. M., Politizdat, 1979. 654 p.
2. Zhiloi raion i mikroraion [Residential Area and Neighborhood]. M., Stroizdat, 1965. 376 p.
3. Lebedev YU. Arkhitektura zhilykh kvartalov [The Architecture of the Residential Neighborhoods] // Stroitel'stvo i arkhitektura Moskvy. 1984. no. 12. pp. 3-5.
4. Moskovskaya pravda. 2001 [Moskovskaya Pravda. 2001]. Oct.
5. Moskovskii komsomolets, 2001, 30 Aug.
6. Moskovskii komsomolets, 2004, 19 March.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета;

e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov, Vladimir N. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the department of the History of Russia and Moscow Region, Moscow State Regional University;

e-mail: Gorlov812@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Горлов В.Н. Изменение жилой среды Москвы в 1960-е гг. как социокультурная проблема // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 133-142.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-133-142

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Gorlov. The change of Moscow living environment in the 1960th as a sociocultural problem // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 133-142.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-133-142

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК:32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-143-150

ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖМЕЙКИНГА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Гайдук В.В., Лукьянцев А.С.

*Башкирский государственный университет (г. Уфа)
450057, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, Республика Башкортостан,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрено функциональное обеспечение политического имиджмейкинга, на которое можно опираться при анализе имиджевых позиций лидеров. В качестве важнейших функций института и структур имиджмейкинга авторы выделяют трансляционную, мобилизационную, интегративную и лоббистскую. Значение реализации этих функций состоит в качественном представлении интересов в ходе предвыборной кампании и при освещении деятельности акторов: кандидатов, партий, действующих политиков и инкубентов. Эффективность деятельности таких акторов может определяться сформированным имиджевым конструктом, скрывающим реальное воздействие данного политика. Их имиджевые характеристики, проявляют свою валидность при различных условиях (как позитивных, так и негативных) ведения предвыборной кампании, реализации стратегических положений программы и конкретных политических решений.

Ключевые слова: имидж, политический актор, коммуникативный акт, общественное мнение, менеджмент.

THE INSTITUTE OF POLITICAL IMAGE-MAKING: THEORETICAL ASPECTS OF FUNCTIONAL SUPPORT

V. Gaiduk, A. Lukyantsev

*Bashkir State University, Ufa
32, Zaki Validy Street, Ufa, 450057, the Russian Federation*

Abstract. The article presents the issues of functional support of image-making which can be the basis of the analysis of image positions of the leaders. The authors consider the following functions of the institution and structures of the image-making to be the most important: translational, mobilizing, integrative and lobbying ones. The importance of these functions realization

is in qualitative representation of interests during the election campaign and in highlighting the actors' activities: candidates, parties, acting politicians and incumbents. These actors effectiveness can be defined by an image construct which conceals the real influence of the given politician. Their image characteristics reveal their validity under various conditions (both positive and negative) of pre-election campaign, the implementation of the strategic provisions of the program and concrete political decisions.

Key words: image, political actor, act of communication, public opinion, management.

Функционирование института политического имиджмейкинга возможно при активных воздействиях на него всех заинтересованных акторов, которые должны представлять собой коммуникативные акты. Коммуникативное пространство и общественное мнение являются одними из наиболее важных аспектов формирования качественного образа. Составляя ясные представления об основах политического имиджмейкинга, важно ответить на вопрос: какими функциональными особенностями обладает институт политического имиджмейкинга?

Представляется важным, что для получения качественных, валидных и репрезентативных результатов аналитического исследования необходимо обращаться к источникам обеспечения работоспособности политического института. В нашем случае особый интерес вызывает определение того, что входит в круг функционального обеспечения института политического имиджмейкинга. Определим функционирование института политического имиджмейкинга в современных политических реалиях и постараемся определить векторы его дальнейшего развития.

Первое. В течение последнего десятилетия в современном общественном развитии при активном внедрении инновационных способов ведения

экономической, производственной деятельности, социального обслуживания населения, становится все более востребованной сфера интерактивных и интегрированных коммуникаций. В этом контексте важно понимать, насколько медиатехнологии могут качественно отражать происходящие процессы и передавать коммуникационный посыл электоральным группам и общественности в целом. Функцию, соотносящуюся с этими процессами, можно охарактеризовать как *трансляционную*. Исследуя данную функциональную особенность, необходимо брать в расчет то, что трансляция определенной информации должна носить характер рационального посыла к аудитории конкретного политического лидера или кандидата. С.Ф. Лисовский отмечает, что трансляционная активность должна быть распространена на аудиторию с целью восприятия конкретных программных установок, стратегий, проектов [5].

Формируя целостное представление о трансляционной функциональной особенности политического имиджмейкинга, стоит сказать, что современные условия и реалии сводят информирование общественности не просто в коммуникационный акт между субъектом и объектом взаимодействия, а в процесс купли-продажи информационной услуги, где политик

(кандидат, инкубент) представляет собой заказчика, а общественность – покупателя, потребителя. Причем второй может и не подозревать, что на него оказывается коммуникационное взаимодействие. Таким образом, происходит управление процессами массовой коммуникации, формируя политическую ориентацию, включая в нее коммерческие аспекты воздействия ради прибыли. О подобных ориентациях говорит российский ученый, занимающийся проблемами политического менеджмента, С.Н. Федорченко в своей работе «Искусство политического менеджмента». Он выделяет следующее: «Имиджмейкеры с помощью других политических консультантов – спин-докторов и PR-менеджеров создают события, исходя из знания того, что именно представляет интерес не только для целевых аудиторий, но и для самих масс-медиа, которые сильно изменившись, предпочитают освещать не политические события, а развлечения» [10, с. 68].

Продолжая исследовать трансляционную функцию, стоит отметить то, что сегодняшний избиратель (аудитория) не представляют собой неразборчивых потребителей рекламных и маркетинговых услуг спин-докторов, PR и GR-менеджеров, имиджмейкеров. Прежде всего, электоральные предпочтения в нашем веке формируются исходя из потребительских запросов качества преподносимой услуги. «Образ гражданина-избирателя, задумывающегося о судьбе своего отечества и поэтому нуждающегося в достоверном политическом контенте, сменил образ избирателя-потребителя с неразборчивыми политическими предпочтениями, жаждущего постоянных

развлечений» [9], – считает Фарнелль Ж. Нельзя с ним не согласиться, так как не перманентные ориентации формируют континуумы, на которые ориентируются как избиратели, так и сами политические лидеры.

Второе. Политический имиджмейкинг, по своей сути, имеет возможности для активизации масс и формирования из них целостной структуры, которая будет единой в своих решениях и сможет сконструировать «идеальную» модель для лоббирования интересов политического лидера. Здесь мы можем говорить о том, что при исследовании имиджевых аспектов политиков и политических институтов важным является то, что каждый из них играет определенные роли в политической среде. Соответственно, эту функцию мы можем обозначить как *мобилизационную*.

Общеизвестно, что массы в политической сфере, так или иначе, подвергаются процессам мобилизации. А если это подкрепляется качественными технологическими основами, такими, как PR, реклама, паблисити, спин-докторинг и др., то и результат может быть направлен на то, что на определенном этапе акторы (может быть, еще не знающие о том, что они будут принадлежать к разряду активного электората) будут качественно проинформированы и в их понимании будут выработаны определенные политические ориентации. Они будут утверждать, что необходимо поддерживать, голосовать и реализовывать свои гражданские и политические права в русле определенной политической силы.

В этом аспекте выделяется то, что политическая мобилизация может спо-

собствовать нарастанию реакции со стороны акторов политического действия. И здесь «задача мобилизации заключается в наложении целей движения на личные, частные интересы потенциальных его сторонников. Таким образом, необходимо задействовать такую мотивацию, которая направила бы людей на участие в этом движении, так обозначить баланс частных интересов, затрат и риска, чтобы склонить к действию» [7, с. 56]. Подчеркнем, что в качестве приводимой ими «мотивации» может быть что угодно: от мирных и вполне благородных целей и проектов до призывов к разжиганию войны и массовым убийствам. Соответствие различным социальным нормам тех или иных установок и мотиваций способствует организации/дезориентации народных масс, которыми можно управлять и формировать всевозможные модели развития событий.

Третье. Имиджевые технологии в политике стремятся к тому, чтобы с максимальной выгодой и привлекательностью вводить различные социальные группы в состояние всеобщей мотивации на совершение заранее запланированных действий со стороны команды политика. Чаще всего подразумевается участие в общественно-политических акциях (митингах, пикетах, шествиях и др.), голосовании за определённого кандидата и активизация внимания на политической девиации в сторону конкурирующего или оппозиционного кандидата. В данном случае мы можем констатировать существование и воздействие на электоральные группы *интегративной* функции.

Политическая интеграция электоральных групп в конгломерат людей с едиными политическими предпочте-

ниями, социально-экономическими установками и определенным социальным статусом в обществе предполагает формирование единого электорального пула. В дальнейшем такой кластер сможет выстроить заслон перед вторжением других политических установок на закрепленный за ним территориальный, профессиональный, демографический и другого вида фронт. Интегративные основы, которые закладывают прочный фундамент для системной работы политических лидеров, основан на таких индикаторах, как доверие, рациональные мышление, обоснованность принимаемых решений. В целостности такие конструкты имеют, в том числе, свойство закладывать систему национальной безопасности в государстве за счет формирования качественных имиджевых характеристик [4].

Четвертое. Имиджмейкинг в сфере политики призван формировать целостные основы для продвижения тех или иных event-проектов, перформансов, партийных программ и платформ. В целом все вышеуказанные категории и формируют единый образ политического лидера. И прежде всего основной целью создания имиджа является его продвижение для качественного проведения предвыборной кампании и прихода к власти либо удержание своих лидирующих позиций уже в процессе обладания властно-управленческими полномочиями. В этом и выражается *лоббистская* функция института политического имиджмейкинга.

В эпоху современных интерактивных технологий каждый может заметить в обыденной жизни подмену реальных вещей на копии, прототипы и симуляции. К примеру, теперь можно

не тратить средства на покупку реальных тропических фруктов, стоимость которых завышена в несколько раз в странах умеренного, субарктического и арктического поясов. Сегодня можно покупать заменители, подсластители и продукты, идентичные натуральным, что является более дешевым аналогом, нежели оригинал. Данная иллюстрация демонстрирует на бытовательском уровне, что благодаря умелому использованию PR-технологий, рекламы, маркетинга и лоббизма можно достигнуть значительных высот в коммерции. А если мы перенесем это на политическую сферу, то увидим схожие реалии: «замена одного другим» является уже не частным, а широко распространенным явлением. Так в одной из своих базовых работ Ж. Бодрийяр «Симуляции и симулякры» выделяет следующее: «Пропаганда становится маркетингом и мерчендайзингом главных идей, политических людей и партий с их «фирменным имиджем» [2, с. 120].

Дискурс, с которым сталкиваемся сегодня мы, формирует абсолютно новое восприятие действительности – информативное, медийное, «симуляционное». Такие аспекты современного мира сегодня и формируют политическую повестку дня, а продвигают (лоббируют) ее имиджевые технологии. Рациональное начало лоббирует, а образное, добавим к этому, имажитивное реагирует на рациональные позы и перебарывает в соответствии со своими представлениями и впечатлениями. Образные структуры, определяющие основные качества применяемых технологий, являются важными аспектами при систематизации данных о проектах «идеальных» политических институтов: здесь сочетается одновре-

менно рациональное и образное [1].

Лоббирование по средствам включения политического имиджа определенного актора включает в себя взаимодействие различных системобразующих информационных структур, которые в кооперации друг с другом могут создать отличный дискурс, внутри и вокруг которого будут выстраивать свою деятельность зависимые субъекты и объекты политики. В этом аспекте исследовательским сообществом отмечается то, что «появляется перспектива расширения средств и методов, используемых в лоббистской деятельности за счет инструментария PR, поскольку лоббирование – это не только коммуникация с представителями власти, но также и технологии организации массовых акций, экспертных заключений, проведение медийных компаний и т. д.» [8, с. 164]. Добавить к этому мы можем обстоятельство, которое формирует те или иные политико-управленческие связи внутри дискурсивных практик, а именно – устойчивые в продвижении политических конъюнктур, которые проявляют свои идентичные свойства динамики [3].

Лоббизм, особо имиджевый, является одним из наиболее серьезных элементов в сфере политического имиджмейкинга: как мы уже отмечали ранее, основной игрок использует свойство рациональности по отношению к себе. Поэтому серьезное значение надо уделять тщательному планированию и дальнейшему фидбэку со стороны игрока, которому отведена роль исполнителя (зрителя) с образным свойством своей деятельности. В связи с этим возникает потребность у акторов, заинтересованных в про-

движении их имиджевых технологий, прибегать к применению теорий игр, которые пытаются математическими методами объяснить стратегическое взаимодействие акторов политики.

Подводя итоги рассуждению по поставленному вопросу, необходимо отметить, что функциональные особенности института политического имиджмейкинга обладают особым статусом, которые определяют векторное развитие имиджевых технологий в политической сфере общества. Это значит, что дискурс вокруг современных политических имиджевых технологий должен быть выстроен с учетом мнений всех заинтересованных акторов общественно-политического развития [6]. Но стоит отметить, что, как правило, то рациональное воздействие, которое оказывается на электоральные группы, возникает для оправдания действий, которые производят политтехнологи, PR и GR-менеджеры, спин-доктора и др.

В соответствии с выделенными нами функциями института политического

имиджмейкинга, а именно: *трансляционной, мобилизационной, интегративной и лоббистской* систематизируем основные аспекты наших рассуждений. Функциональное обеспечение политического имиджмейкинга способствует раскрытию глубинных свойств и качеств воздействия одних акторов политического коммуникативного действия на другие. При этом выделенные нами функции не претендуют на признание их в качестве истинного знания, но, по-нашему мнению, они заключают в себе наиболее общие характеристики, которыми может обладать институт политического имиджмейкинга и его структурные элементы.

Мы приходим к общему выводу, что в круг функционального обеспечения работоспособности института и структур политического имиджмейкинга входят те элементы, которые смогут качественно представлять интересы в ходе предвыборной кампании и освещения деятельности акторов: кандидатов, партий, действующих политиков и инкубентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.В., Федорченко С.Н. Исследовательский проект «идеальная партия России» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 1. С. 122-124.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
3. Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Политический тандем как инструментарий российской модернизации: смена декораций // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2012. № 1 (13). С. 9-15.
4. Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Регион в системе обеспечения национальной безопасности России: дезинтеграционный потенциал // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 2 (25). С. 59-68.
5. Лисовский С.Ф. Политическая реклама. М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. 256 с.
6. Лукьянцев А.С. Трендовые основы формирования имиджа политического лидера в федеративной России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2014. № 3 (24). С. 96-99.
7. Соколов А.В., Соколова А.В. Мобилизация в общественно-политических кампаниях // Власть. 2013. № 11. С. 55-56.

8. Сумская В.В. Информационно-политическое лоббирование и институционализация лоббирования // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 1 (вып. 29). С. 162-168.
9. Фарнелъ Ж. Лоббирование: стратегии и техники вмешательства. М.: А-приор, 2009. 403 с.
10. Федорченко С.Н. Искусство политического менеджмента. М.: МГОУ, 2013. 200 с.

REFERENCES

1. Abramov A.V., Fedorchenko S.N. Issledovatel'skii proekt «ideal'naya partiya Rossii» [Research project "The Perfect Party of Russia"] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2014. no. 1. Pp. 122-124.
2. Bodriiyar ZH. Simulyakry i simulyatsiya [Simulacra and Simulation]. Tula, Tul'skii poligrafist, 2013. 204 p.
3. Gaiduk V.V., Suleimanov A.R. Region v sisteme obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossii: dezintegratsionnyi potentsial [The Region in the System of Ensuring National Security of Russia: Disintegration Potential] // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. 2014. no. 2 (25). Pp. 59-68.
4. Gaiduk V.V., Suleimanov A.R. Politicheskii tandem kak instrumentarii rossiiskoi modernizatsii: smena dekoratsii [The Political Tandem as an Instrument of Russian Modernization: Change of Scenery] // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologii). 2012. no. 1 (13). Pp. 9-15.
5. Lisovskii S.F. Politicheskaya reklama [Political Advertising]. M., IVTS «Marketing», 2000. 256 p.
6. Luk'yantsev A.S. Trendovye osnovy formirovaniya imidzha politicheskogo lidera v federativnoi Rossii [Trend Basics for the Image Formation of a Political Leader in the Federal Russia] // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologii). 2014. no. 3 (24). Pp. 96-99.
7. Sokolov A.V., Sokolova A.V. Mobilizatsiya v obshchestvenno-politicheskikh kampaniyakh [Mobilization in Political Campaigns] // Vlast'. 2013. no. 11. Pp. 55-56.
8. Sumsкая V.V. Informatsionno-politicheskoe lobbirovanie i institutsionalizatsiya lobbirovaniya [Information and Political Lobbying and the Institutionalization of Lobbying] // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 2014. no. 1 (ed. 29). Pp. 162-168.
9. Farnel' ZH. Lobbirovanie: strategii i tekhniki vmeshatel'stva [Lobbying: Strategies and Techniques of Intervention]. M., A-prior, 2009. 403 p.
10. Fedorchenko S.N. Iskusstvo politicheskogo menedzhmenta [The Art of Political Management]. M., MGOU, 2013. 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гайдук Вадим Витальевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Башкирского государственного университета (г. Уфа);
e-mail: vvgrb@mail.ru

Лукьянцев Андрей Сергеевич – руководитель молодежного отделения Российского общества политологов в Республике Башкортостан;
e-mail: vvgrb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gaiduk, Vadim V. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the department of Political Science, Bashkir State University (Ufa);

e-mail: vvgrb@mail.ru

Lukyantsev, Andrey S. – head of the youth division of the Russian Society of Political Scientists in the Republic of Bashkortostan;

e-mail: vvgrb@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Гайдук В.В., Лукьянцев А.С. Институт политического имиджмейкинга: теоретические аспекты функционального обеспечения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 143-150.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-143-150

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Gaiduk, A. Lukyantsev. The institute of political image-making: theoretical aspects of functional support. // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2016. no 1. Pp. 143-150

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-143-150

УДК 316.334.52

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-151-158

АНАЛИЗ ИНТЕРЕСА НАСЕЛЕНИЯ К ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕРИИ ФОКУС-ГРУПП С ЖИТЕЛЯМИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Мельникова И.В.

*Омский государственный университет им.Ф.М. Достоевского
644077, г. Омск-77, пр. Мира, 55А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования «Изучение интереса населения к информации о деятельности органов исполнительной власти Омской области», выполненного в рамках государственного контракта. Мнение жителей Омской области исследовалось согласно половозрастным квотам на предмет основных аспектов заявленной информации. Автором была проведена серия фокус-групп граждан трех возрастных категорий (18-35; 36-55 и 56-65 лет) относительно интереса к разновидностям информации и источникам ее получения, качества региональных средств массовой информации, освещения и оценок деятельности действующего губернатора и областного правительства. Отмечен дефицит соответствующей информации о властях региона наряду с дефицитом доверия населения к последним, что отражено в спектре субъективных мнений участников фокус-групп.

Ключевые слова: фокус-группа; респондент; средства массовой информации; государственная власть; Омская область.

ANALYSIS OF THE PUBLIC INTEREST TO THE INFORMATION ON THE ACTIVITIES OF THE EXECUTIVE BRANCH OF THE OMSK REGION (BASED ON A SERIES OF FOCUS GROUPS WITH RESIDENTS OF THE OMSK REGION)

I. Melnikova

*Omsk State University named after F.M. Dostoevsky
55A, Mira Avenue, Omsk-77, 644077, the Russian Federation*

Abstract. The article presents the results of the research carried out under the state contract with the Department of Information Policy of Omsk region entitled «Study of Public Interest to Information on the Activities of the Executive Branch of Omsk Region Government». Omsk region residents' opinions on the main aspects of the information mentioned were studied according to sex and age quotas. The author conducted a series of focus groups of three age groups (aged 18-35; 36-55 and 56-65). The obtained spectrum of subjective opinions deals with the interest to the kinds of information and its sources, the quality of the local mass media,

as well as to the assessment of the present Governor and regional government's activities. The research states there is certain lack of information on the local authorities as well as some shortage of residents' confidence to them. These conclusions are reflected in the spectrum of subjective opinions of focus group participants.

Key words: focus group, respondent; mass media; government; governmental authorities, Omsk region.

Информация, транслируемая посредством «mass-media», доступна всем слоям населения, освещает разнообразные сферы общественной жизни, излагается на понятном непрофессионалу языке. Эти факторы делают такого рода информацию силой, способной оказывать влияние на политические взгляды и предпочтения широкого круга общественности. Как известно, отсутствие достоверной и качественно транслируемой информации приводит к различного рода домыслам в среде населения. В том случае, если широкие слои общества оказываются недостаточно информированы о текущей деятельности исполнительной власти, в том числе о готовящихся и принимаемых решениях, о событиях в различных сферах жизни региона, а оперативность в получении объективной и достоверной информации оставляет желать лучшего, то в обществе создается благодатная почва для зарождения различных субъективных домыслов и стереотипов, как правило, негативного характера по отношению к власти. В такой ситуации в среде населения по отношению к власти будет господствовать скептицизм и недоверие, а все действия власти, даже изначально благие, направленные на удов-

летворение интересов граждан, будут восприниматься в обществе априори с подозрительностью. Поэтому изучение интереса населения к информации о деятельности органов исполнительной власти регионального уровня представляется актуальным в контексте описанной ситуации.

В результате исследования, осуществлённого автором статьи посредством серии фокус-групп (фокусированных интервью в форме групповых дискуссий по заранее разработанному сценарию), получен спектр субъективных мнений и оценок жителей Омской области согласно заявленной цели исследования. В лаконичной форме авторские выводы по проведенному исследованию представлены в ниже.

Так, представители выделенных трех возрастных категорий (18-35 лет; 36-55 лет и 56-65 лет) являются достаточно активными потребителями разнообразной информации. Для всех возрастных групп общественно-политическая жизнь, а соответственно, информация общественно-политического характера, является приоритетной по отношению к иным частным интересам. Представители двух возрастных групп (36-55 и 56-65 лет) солидарно отмечали, что их интерес к политическим процессам обострился в связи с событиями на Украине. Прежде всего, интерес респондентов всех возрастов направлен на получение информации о событиях в стране, мире, и лишь затем – о событиях в Омском регионе. При этом участники фокус-групп отмечают дефицит аналитической, объективной, правдивой, достоверной, всесторонней, позитивной информации. Если недостаток объективной информации, транслируемой

посредством СМИ, провоцирует у представителей молодежи негативное отношение к государственной власти, у представителей среднего возраста – скепсис и иронию, то представители старшего возраста готовы мириться с текущим положением вещей, невзирая на наличествующее осознание проблемы.

Что касается региональных средств массовой информации, то респондентами в возрастной категории 18-35 лет отмечается непрофессионализм, а также шаблонность в подаче информации, что в большей степени касается регионального телевидения. Однако интерес к освещению региональной повестки дня у представителей молодежи довольно высок, а получают они информацию о событиях в регионе преимущественно посредством интернет-ресурсов. По мнению представителей возрастной группы 36-55 лет, посредством омского телевидения транслируется информация преимущественно декларативного характера. Степень недоверия именно омскому телевидению в данной группе также крайне высокая. Все это свидетельствует об отсутствии разнообразия и нехватке качественных информационных ресурсов регионального уровня, что вынуждает респондентов данной возрастной категории обращаться к альтернативным источникам информации, например, блогосфере. Для представителей возрастной категории 56-65 лет региональная повестка дня находится на втором плане по отношению к федеральной. Узнаваемость и популярность региональных средств массовой информации среди представителей всех возрастных категорий является низкой, а степень недоверия

к ним респондентов, напротив, – высокой.

Так, мы наблюдаем повышенный интерес респондентов всех возрастных категорий именно к информации общественно-политической направленности и одновременно – дефицит условий возможности удовлетворения такового на Омском региональном уровне (независимо от вида носителя). Вне зависимости от собственных информационных предпочтений, участники всех фокус-групп солидарны в оценке низкого качества, непрофессиональной подачи информации, транслируемой омскими региональными средствами массовой информации.

Респонденты возрастных категорий 18-35 лет и 36-55 лет в целом демонстрируют достаточно высокий интерес к информации о деятельности органов региональной государственной власти. При этом представителям обеих возрастных групп не хватает информации *о результатах работы* государственных структур. Респонденты возрастной категории 56-65 лет, напротив, не проявляют особого интереса к деятельности органов государственной власти в аспекте освещения таковой в СМИ. Молодые участники дискуссии интерес испытывают к информации *нормативной*, а также информации *о текущей деятельности; о планах; о достижениях*; акцентируется интерес к информации *о результатах работы* органов государственной власти, причем в сравнительном измерении по шкале «уровень обещаний – уровень выполнения». При этом участниками подчеркивалось, что в Омской области не очень качественно освещается деятельность всех ветвей региональной власти.

Участники второй возрастной группы подчеркивают, что информация о результатах работы региональных органов исполнительной государственной власти либо отсутствует вовсе, либо обнаруживается ее дефицит. Респонденты указывают на отсутствие обратной связи власти с населением, подтверждая сказанное примерами из собственной жизни, основываясь на личном опыте. Респонденты в возрастной группе 56-65 лет интерес к информации о деятельности органов государственной власти проявили в меньшей степени, нежели представители двух других возрастных категорий. В большей степени при этом респонденты данного возраста интересуются освещением деятельности законодательной власти, а по отношению к исполнительной – испытывают, скорее, скептическое отношение. А те результаты деятельности региональной власти, которые респонденты могут наблюдать «своими глазами», то есть непосредственно, вызывают у них однозначно негативные реакции.

Вопрос об освещении деятельности губернатора и об оценках его деятельности был максимально резонансным на общем фоне среди представителей всех трех возрастных групп. При этом респонденты были по преимуществу солидарны при ответах на заданные вопросы. В имиджевом аспекте В.И. Назаров предстает в восприятии респондентов всех возрастов как фигура эфемерная, непубличная, серая. Оценки его деятельности звучали негативные, достижений названо практически не было. Максимально острая критика в адрес губернатора Омской области наблюдалась среди участников в возрасте 36-55 лет. Респонденты в воз-

расте 18-35 лет также критиковали губернатора, однако эмоциональная экспликация недовольства молодежи первым лицом региона была не столь очевидна, нежели среди представителей среднего возраста. Респонденты в возрастной категории 56-65 лет были немного сдержаннее в оценках губернатора, чем все остальные. Тем не менее оценки опрошенных в возрасте 56-65, в качестве позитивных также квалифицировать не приходится (текущее положение региона их не удовлетворяет, результатами работы губернатора Назарова они не довольны).

Респондентам в возрасте 18-35 лет интересна информация о деятельности губернатора с особым акцентом на результате и затраченных средствах для его достижения. Также немаловажна информация о том, какие шаги им предпринимаются для улучшения ситуации в социальной и экономической сферах, в сфере молодежной политики, в сфере трудоустройства. У респондентов вызывает интерес то, как губернатор использует свои полномочия для улучшения экономической и политической жизни региона. Востребовано то, что было озвучено, заявлено ранее губернатором в соотношении с результатом: претворилось ли в жизнь обещанное? При этом примеры, которые приводили участники, свидетельствуют не в пользу соразмерного соотношения обещанного и выполненного губернатором. Не хватает, по словам участников, аналитической информации о деятельности губернатора. Негативно оценивается качество той информации, которая на данный момент представлена в региональных СМИ.

Респонденты возрастной категории 36-55 лет акцентированно свидетель-

ствовали о необходимости освещения в СМИ отчетов губернатора о выполненной работе, о значимости «интерактивной отчетности», прозрачного освещения того, как именно потрачены средства и каковы результаты работы. При этом примеры приводились отрицательные: жизнь в городе и области, согласно мнениям участников фокус-группы, лишь ухудшается. Состояние области (по сравнению с городом) вовсе признается катастрофичным. Намеченные проекты не реализуются («Федоровка», «метро», «дороги области»). Соседние регионы, Новосибирская область в частности, живут значительно лучше, поскольку, по мнению опрошенных, власть названных регионов средства расходует эффективнее. Тем не менее люди хотят знать, «что вообще сделано», саркастически описывая текущее положение дел. Согласно солидарному мнению участников, необходимы публичные, конкретные отчеты губернатора с периодичностью раз в полгода. Поскольку респондентам не хватает именно конкретики в действиях губернатора, а образ В.И. Назарова, транслируемый через СМИ, по мнению участников фокус-группы, весьма эфемерен.

Непосредственно «информация о губернаторе» мало кого интересует из респондентов возрастной группы 56-65 лет. Участники постоянно подчеркивали, что их волнуют, прежде всего, результаты его деятельности. Федеральная повестка при этом интересует респондентов больше, чем освещение деятельности власти местного и регионального уровня в силу очевидной зависимости при принятии решений от федерального центра. Респондентам хотелось бы, чтобы приоритетным был

вопрос освещения развития сельского хозяйства, развития села, информация о том, что именно Губернатор планирует в этой сфере предпринять. Также интересна сфера социального развития, вопросы образования, медицинского обеспечения. Участникам не хватает информации как о планах, так и о результатах развития указанных сфер государственной политики на уровне региона.

На уровне восприятия образа губернатора посредством СМИ подчеркивалось, что он человек непубличный и его мало видно на телеэкране. Оценки данному факту давались различные, однако больше половины участников высказались в пользу того, что бытование в плоскости экрана не имеет принципиального значения, главное – не картинка, а результаты деятельности. С одной стороны, вопрос об оценке деятельности губернатора Омской области у респондентов в возрасте 18-35 лет вызвал немалый интерес, высказывались участники развернуто, приводя примеры, в основном, в аспекте критики. Участникам было крайне сложно назвать достижения В.И. Назарова. В целом деятельность Губернатора оценивается скорее негативно. Участниками подчеркивалось, что то, что делается по факту, не вызывает доверия к словам губернатора. Более того, в процессе беседы выяснилось, что и оценить, собственно, нечего: невозможно зафиксировать ни одного достижения. Получается портрет «серого», «бледного», «невнятного», «отсутствующего», «бездеятельного» Губернатора.

С другой стороны, некоторыми участниками фокус-группы отмечено следующее: положительные аспекты деятельности губернатора В.И. На-

зарова становится рельефнее лишь в сравнении с предшественником – Л.К. Полежаевым. Оценки деятельности губернатора прозвучали негативные и даже крайне негативные, единственным достижением В.И. Назарова было названо то, что *исчезла цензура в средствах массовой информации* в сравнении со временем Л.К. Полежаева. Положительным моментом назвали участники отсутствие *«самопиара и саморекламы»* В.И. Назарова, что, по их мнению, значительно экономит средства. Однако улучшение ситуации со свободой слова при Назарове и отсутствие навязчивого присутствия губернатора в СМИ является единственным достижением, которое респонденты смогли сформулировать. Оценки деятельности В.И. Назарова по пятибалльной шкале, данные участниками фокус-группы, расположились в весьма скудном диапазоне: от *«неудовлетворительно»* до *«удовлетворительно»*. Особо подчеркивалось, что если в городе что-то, хоть и медленно, но меняется, то область – в полном запустении. Все это происходит на фоне динамичного развития соседних регионов.

Большинство респондентов в возрасте 56-65 лет также критикуют губернатора, оценивая его деятельность по пятибалльной шкале на *«удовлетворительно»*; иные затрудняются вообще что-либо сказать, поясняя свою позицию тем, что у них нет никаких оснований, чтобы делать такого рода выводы. При этом не было названо ни одного достижения В.И. Назарова в качестве Губернатора, отмечены лишь негативные результаты его деятельности. Приведем примеры оценочных суждений: *«метро нет»*, *«аэропорта*

нет», *«хоккейную команду развалил»*, *«результатов абсолютно никаких нет»*. Единственной положительной характеристикой (и то, в плоскости имиджевых характеристик Губернатора, а не оценки его деятельности) явились: *«харизма»* и *«демократичность»*. Другими же подчеркивалось, что, с одной стороны, В.И. Назаров *«ничем себя не проявил»*, с другой стороны, что им самим *«мало что о его деятельности интересно»*. Опрошенные свидетельствовали о том, что текущее положение региона их не удовлетворяет, результатами работы Губернатора Назарова они не довольны, подчеркивали, что Омская область не всегда была депрессивным регионом, ностальгируя по времени С.И. Манякина, с именем которого было связано интенсивное развитие экономики и агропромышленного комплекса Омской области.

Вопросы, касающиеся выяснения интереса к информации о деятельности органов региональной исполнительной власти, а также их оценки оказались не такими резонансными во всех трех группах, нежели вопросы об освещении деятельности и оценке губернатора. Суждения на заданный предмет среди респондентов всех возрастных категорий можно охарактеризовать как аналогичные: деятельность органов исполнительной власти Омской области крайне плохо освещается региональными СМИ; достижений Правительства респонденты не наблюдают, оценки деятельности – негативные. Сниженным (на фоне двух других возрастных категорий), опять же, оказался интерес к информации о региональных органах исполнительной власти в возрастной группе 56-65 лет. Поскольку особого интереса к ин-

формации о деятельности органов исполнительной власти Омской области респонденты данной возрастной группы не проявили, с оценками деятельности названных властных структур у них также возникли затруднения. Достижений органов исполнительной власти региона также не было названо. Охотнее респонденты повествовали, скорее, о проблемах в аспекте критики. Позитивные примеры разрешений текущих проблем респонденты затруднились озвучить.

Однако некоторыми респондентами подчеркивалось, что *проблема во все не в освещении, а в отсутствии самой деятельности областной исполнительной власти*, в силу этого отмечается недостаточность достойных информационных поводов. По мнению участников, наблюдается очевидный дефицит информации о взаимодействии региональных органов исполнительной власти с обществом. Респондентам интересна информация о механизме назначения на административные должности представителей органов исполнительной власти Омской области, респонденты солидарно отмечали, что недостаточно информированы о планах и результатах, реализации, в особенности социальных проектов, которые осуществляются в том числе за счет федеральных грантов. В процессе обсуждения данного вопроса прозвучали следующие высказывания: *«нет отчетности»*, *«нет конкретики»*, *«не хватает публичности, публичного обсуждения»*. Респондентами приведены примеры непрозрачности схем реализации социальных проектов органами исполнительной власти, которые вызывают у них сомнения на предмет коррумпированности соот-

ветствующих органов.

Участники фокус-группы свидетельствовали о появлении новых органов исполнительной власти, эффективности работы которых, по их словам, не видно. Респонденты затруднились назвать какие-либо достижения работы регионального Правительства, а оценить не могли, по их словам, в силу того, что особой *деятельности* Правительства Омской области не наблюдают, свидетельствуя не о деятельности, а о бездействии органов исполнительной власти региона: лучше работать органы исполнительной власти Омской области, невзирая на смену руководства, отнюдь не стали. Омская область, по мнению участников фокус-групп, невыгодно отличается от соседних регионов низкими зарплатами, люди вынуждены выживать в буквальном смысле слова.

Поскольку особого интереса к информации о деятельности органов исполнительной власти Омской области респонденты не проявили, с оценками деятельности у многих из них также возникли затруднения (по принципу «нет интереса – нет оценки»). Среди оценок, которые, тем не менее, прозвучали, фигурировала одна – *«удовлетворительно»*. Достижений органов исполнительной власти региона также названо не было. Охотнее респонденты повествовали, скорее, о проблемах в аспекте критики. Одной из ключевых было названо состояние дорог Омской области. И, как выяснилось в процессе беседы, носит данная проблема не столько общероссийский, сколько региональный характер, особенно в сравнении с положительным опытом регулирования этой отрасли со стороны исполнительной власти других

регионов. Позитивные примеры решений текущих проблем Омской области респонденты затруднились озвучить.

Спектр субъективных мнений, полученных от респондентов в ходе проведения фокус-групп, свидетельствует не только о депрессивном состоянии Омского региона в целом, но, прежде всего, об отсутствии ощутимых результатов управленческой деятельности Губернатора и Правительства Омской области, что выражается, во-

первых, в дефиците информации о деятельности органов региональной исполнительной власти, а во-вторых, свидетельствует о дефиците доверия к этой власти со стороны общества.

Исследование выполнялось в рамках государственного контракта с Главным управлением информационной политики Омской области № 51 от 18 сентября 2014 г. по теме «Изучение интереса населения к информации о деятельности органов исполнительной власти Омской области».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мельникова Инна Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского;
e-mail: Usia82@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Melnikova, Inna V. – candidate of Science in Philosophy, associate professor of the department of Politology, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky;
e-mail: Usia82@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Мельникова И.В. Анализ интереса населения к информации о деятельности органов исполнительной власти Омской области (по материалам серии фокус-групп с жителями Омской области) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 151-158.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-151-158

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Melnikova. Analysis of the public interest to the information on the activities of the executive branch of the Omsk region (based on a series of focus groups with residents of the Omsk region) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 151-158.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-151-158

УДК 328.36

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-159-166

ИДЕЯ «РУССКОГО ИСЛАМА» КАК ПОПЫТКА МУСУЛЬМАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В 2000-е гг.: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И РЕАКЦИИ

Мирзаханов Д.Г.

Дагестанский государственный технический университет

367015, г. Махачкала, просп. Имама Шамиля, д. 70, Республика Дагестан,

Российская Федерация

Аннотация. В работе дан анализ политической природы проекта «русского ислама». Данная идея рассматривается в ракурсе проектной деятельности руководства Приволжского федерального округа (ПФО) по продвижению оригинального варианта общероссийской гражданской идентичности. Сделана попытка определить основные позиции различных политических сил России по отношению к такому проекту. Показано неприятие идеи «русского ислама» со стороны общественно-политических сил самого разного направления, что в конечном счёте предопределило ее маргинализацию и закат.

Ключевые слова: ислам, политическое проектирование, миграция населения, Урало-Поволжье, российская идентичность.

“RUSSIAN ISLAM” IDEA AS AN ATTEMPT OF MUSLIM POLITICAL PROJECT-MAKING IN 2000S: PUBLIC POLITICAL APPRAISALS AND REACTIONS

A. Mirzakhanov

Dagestan State Technical University, Makhachkala

70, Imam Shamil Avenue, Makhachkala, 367015, the Russian Federation

Abstract. This paper analyses the political nature of the project “Russian Islam”. This idea is examined through the project-making activity of Privolzh'ye federal district which was aimed at propagation of the original variant of the overall-Russian identity. The study focuses on defining the attitude of various political forces to this project. The author shows that the idea of “Russian Islam” is criticized by different political forces. After all it was marginalized and declined.

Key words: Islam, political project-making, population shift, the Urals and Volga region, Russian identity.

В основе нашей статьи лежит исследование политической природы проекта «русского ислама», рассмотренного как направление проектной деятельности руководства Приволжского федерального округа (ПФО). Сделана попытка опре-

делить основные позиции различных политических сил России по отношению к этой идее. Прежде всего необходимо осуществить понятийное уточнение термина «русский ислам». Мы проводим чёткое разделение между терминами «русские мусульмане» и «русский ислам». Сам термин «русские мусульмане» имеет неоднозначное толкование в научной литературе. Так, под термином «русский мусульманин» Ю. Кобищанов имеет в виду представителей российских мусульманских народов: татар, башкир, ногайцев и др., которые считают русский язык своим родным языком [7]. Однако термином «русские мусульмане» обозначается и более актуальное явление, возникшее уже в постсоветской России – этнических русских, принявших ислам [1]. В декабре 2004 г. произошла институционализация их движения, когда в г. Омске была создана «Национальная организация русских мусульман» (НОРМ).

Проект «русский ислам» был разработан и представлен в начале нынешнего столетия группой аналитиков Центра стратегических исследований (ЦСИ) Приволжского федерального округа (ПФО) во главе с Сергеем Градировским. Он был советником по религиозным вопросам первого полпреда президента в ПФО Сергея Кириенко. В 2002 г. был издан основной документ Центра – доклад «Государство. Антропоток». Спустя год С. Градировский опубликовал статью, в которой в деталях разъяснил свою позицию [3; 4]. Что касается идеи «русского ислама», предложенного ЦСИ, то это сугубо интеллектуально-пиаровский продукт, попытка политического проектирования в направле-

нии выработки весьма рискованной версии общероссийской гражданской идентичности с учётом нарастающего исламского фактора. Авторы проекта вдохновлялись как фактом растущей численности мусульманского населения, так и стремительно нарастающего миграционного давления с исламского Юга на полумусульманские ареалы Волго-Уральского региона.

Волго-Уральский мезорегион с его «цепью» городов-миллионников рассматривался экспертами ЦСИ как опорная территория России и её новая геополитическая сердцевина. В этом контексте идея «русского ислама» была представлена в качестве новой идентификационной опоры русского цивилизационного ядра, ослабленного драмой распада СССР. Мусульманские мигранты оценивались как авангард религиозного давления на города и сёла Поволжья с их устоявшимся традиционным исламским укладом. Данную тенденцию С. Градировский концептуализировал в терминах «южного антропотока» (оказывающего демографическое давление со стороны численно растущего мусульманского населения на российские территории) и «религиозно-культурного пограничья».

Руководитель проекта о «русском исламе» С. Градировский видел свою задачу в создании пространства комплиментарности между русской культурой и исламской культурой в России для «проработки онтологических оснований союза» [4]. С этих позиций проект предполагалось использовать в качестве одной из ведущих конструкций общероссийской гражданской идентичности. Он понимался как ислам, произрастающий из русского

культурного фундамента и обращённый к ценностям российского государства. В целом вся эта идея призвана была сыграть роль рекламного сопровождения лозунга С. Кириенко о «мирном сосуществовании между основными религиями в России» [2, с. 22].

Геополитический контекст выдвижения феномена «религиозно-культурного пограничья» заключается в факте постсоветской хаотизации Северной Евразии с последующим столкновением двух культурно-антропологических полюсов: «секулярного малодетного Севера» и «традиционно-религиозного многодетного Юга». Прагматическая цель проекта – интеграция мусульманского Юга в российское общество.

Для обоснования концепта «русский ислам» в Волго-Уральском мезорегионе С. Градировский указал на следующие предпосылки и набирающие силу тенденции:

- использование в массовом порядке русского языка в мечетях при мусульманском богослужении;
- массовое издание мусульманских книг и журналов на русском языке;
- подъём русскоязычных мусульманских СМИ;
- подъём русскоязычных исламских интеллектуалов и интеллектуальных сообществ.

Основной вывод, который следует из авторского (Градировского) анализа данных предпосылок и тенденций, состоит в утверждении, что русскоязычное исламское сообщество – это полноценная часть «Русского мира». Однако несмотря на всю возвышенность прогнозов, Градировский сделал свои выводы, исходя из ошибочных предположений, в которых излишне

преувеличивалась роль так называемого «южного антропотока». Столь же ошибочными можно признать количественные демографические расчёты, которые строились на предположении о том, что уже в первой декаде XXI в. в мечетях Поволжья ключевую роль будут играть мусульмане-мигранты. Казанский исследователь Н.М. Мухарямов опроверг прогнозы С. Градировского, используя более выверенные статистические материалы по всем регионам и республикам ПФО. В своём анализе Мухарямов констатировал, что «в регионах ПФО «давление южного антропотока» в наши дни ещё не стало реальностью» [13, с. 49-50].

Доклад и высказанные в нем идеи вызвали большой резонанс и противоречивые оценки. Так, участники исследовательского проекта «Ислам и политика России: многослойный и сравнительный подход» имеют тем не менее различные точки зрения в отношении «русского ислама» [10, с. 11-12]. Наиль Мухарямов оценивал проект «русского ислама» как усилия на пути к разработке связующей всех национальной идеи России [13, с. 49]. По мнению ульяновского учёного Арбахана Магомедова, идея «русского ислама» представляет собой серию экстравагантных и бесплодных, но при этом нарочито громких политических демонстраций и пиаровских эффектов [8, с. 149; 9, с. 9-10]. Не менее интересным была общественно-политическая реакция на проект «русского ислама» в Поволжье. Идея ЦСИ ПФО вызвала предсказуемую и резкую критику с нескольких сторон: 1) со стороны православного медийного сообщества; 2) со стороны лидеров новообратившихся мусульман России; 3) со стороны ряда

активистов Центрального духовного управления мусульман Российской Федерации (ЦДУМ РФ); 4) со стороны исламского духовенства и светских лидеров Татарстана, выступивших от имени «татарстанского ислама».

Критика с русско-православных позиций рассматривала «русский ислам» как откровенную провокацию – проект, направленный на дезорганизацию и разрушение культурного пространства России и, через предполагаемую исламизацию российской политической элиты, захват политической власти в стране [6; 14; 16]

Возражения проекту со стороны так называемых «русских (в смысле новообратившихся) мусульман» возглавили знаковые представители данного направления российского исламского сообщества: видный журналист Али-Вячеслав Полосин и известная переводчица Корана Валерия Порохова. Их позиция заключалась в том, что идея «русского ислама» унижает татарских мусульман тем, что содержит намерение русифицировать их вековые религиозно-этнические традиции, которые они защищали именно в борьбе против христианизации татар. В равной мере, по их мнению, данный проект бросает тень на новообратившихся мусульман, выставляя их в роли подозрительных и беспрецедентно радикальных «реформаторов» ислама [5].

Не менее острым атакам проект подвергся со стороны мусульманских функционеров и светских политиков. Так, в открытых письмах на имя бывшего полпреда президента России в Центральном федеральном округе Г.С. Полтавченко и бывшего руководителя ФСБ Н.П. Патрушева казанский имам, зам. председателя Централь-

го Духовного управления мусульман РФ Фарид Салман предупреждал, что проект «русского ислама» направлен на «провоцирование межрелигиозных и межнациональных столкновений», на «стравливание православных и мусульман России», поскольку содержит в себе курс на насильственную исламизацию православных граждан и кампанию по «русификации» отечественного ислама [13, с. 64-65].

Особенно нервная реакция на проект последовала со стороны так называемого татарского «национального ислама» и татарских политиков, представляющих националистические круги. В лице указанного проекта они увидели угрозу в переходе языка мусульманских проповедей с татарского языка на русский язык. Данная позиция особенно активно была выражена бывшим заместителем председателя Духовного управления мусульман Республики Татарстана (ДУМ РТ) Валиуллой Якуповым, директором Института истории РТ Рафаэлем Хакимовым, а также ректором российского исламского университета в Казани Рафиком Мухаметшиным [12; 17, с. 20-22; 18, с. 24].

В результате резкого притока мусульман-мигрантов с Кавказа и Центральной Азии в большинстве мечетей крупных городов Поволжско-Уральского региона (за исключением Башкирии и Татарстана) языком проповедей становится русский, а не татарский. Тенденция к уменьшению татарской части проповедей, ведущая к тому, что ислам в России перестанет быть татарским, оценивается ими как явно опасная из-за того, что не очень исламизированная и излишне русскоязычная татарская молодёжь может попасть

под влияние ваххабитских идей с их отрицанием этнической составляющей в религии. К тому же русский язык, насыщенный европейской терминологией, не имеет таких возможностей для познания ислама, как татарский, насыщенный арабизмами и позволяющий полнее осмыслить мусульманскую веру. Так что налицо откровенное противодействие идее «русского ислама» не только со стороны татарских исламо-политических деятелей, но и со стороны многих российских общественно-политических течений.

Таким образом, чёткое неприятие идеи «русского ислама» со стороны общественно-политических сил самого разного направления, равно как и со стороны официальной власти, в конечном счёте определило маргинализацию и закат этого оригинального проекта. Что касается Приволжского федерального округа, то дискуссия о «русском исламе» содержала для поволжских мусульманских лидеров одну важную проблему. Она заключа-

лась в ответе на вопрос о том, сохраняли татары и башкиры своё главенствующее положение в мусульманском социуме Волго-Уральского мезорегиона. Или рано или поздно верх возьмут представители «южного антропотока» (по терминологии С. Градировского), которые объединятся посредством русского языка как единственного для них средства общения. Как писал Н. Мухарямов, «проект «русский ислам» объективно отражал жизненно важную дилемму, перед которой оказались мусульмане Поволжья: сохранится или сотрётся татарский облик здешнего исламского сообщества» [13, с. 53]. Короче говоря, если ислам в Поволжско-Уральском регионе утратит свой татарский облик, то возникает риск нарушения национально-конфессионального баланса в ареале. В конце концов, во многом именно по этим причинам татарские религиозные лидеры достаточно резко реагируют на кавказско-мусульманский фактор [11, с. 98; 15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Беккин Р.И. Русские мусульмане: заблудшая секта или авангард российской уммы? // Дружба народов. 2012. № 10. С. 152-172.
2. Глинский Д. Мусульмане России: обретение политической субъектности // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1992. № 2. С. 5-22.
3. «Государство. Антропоток»: доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа (Н.Новгород-Москва, 2003) / Государство и антропоток [сайт]. – URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/dok/dok01.htm> (дата обращения: 01.02.2016).
4. Градировский С.Н. Культурное пограничье: русский ислам [Государство и антропоток: веб-альманах. Вып. 8] // Государство и антропоток [сайт]. – URL: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a258.htm/> (дата обращения: 01.02. 2016).
5. Заявление Али (Вячеслава) Полосина и Иман (Валерии) Пороховой по поводу проекта «Русский ислам» [24.04.2003] // СОБА: информационно-аналитический центр [сайт]. – URL: <http://www.sova-center.ru/religion/discussions/authorities/2003/04/d325/> (дата обращения: 01.02.2016 г.)
6. Капитуляция МИДа перед «русским исламом» // Пресс-служба «Единого Отечества» [сайт]. – URL: http://otechestvoua.org/vesti/2004_02/v_20_20.htm (дата обращения: 01.02.2016 г.)

7. Кобищанов Ю.М. Мусульмане России, коренные российские мусульмане и русские мусульмане // Мусульмане в изменяющейся России. М.: РОССПЭН, 2002. С. 61-105.
8. Магомедов А.К., Викторин В.М. Каспийско-предкавказский пограничный ислам: социально-религиозное «обновление» на периферии мусульманского мира // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 5. С. 147-162.
9. Магомедов А.К., Мацузато К., Викторин В.М. Ислам и политика в современной России: «ядро» и «периферии» мусульманского пространства. Ульяновск: УлГУ, 2006. 72 с.
10. Мацузато К. Предисловие // Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход / под ред. К. Мацузато. М.: РОССПЭН, 2007. С. 7-12.
11. Мирзаханов Д.Г. Модели исламо-политической трансформации в постсоветской России: Татарстан и Дагестан // Известия Саратовского Университета. Серия: социология, политология. 2015. Вып. 3. С. 96-99.
12. Мухаметшин Р. Конфессиональный компонент этнической идентичности татар на современном этапе [Казанский федералист. 2006. № 4] / Казанский центр федерализма и публичной политики [сайт]. – URL: www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n20/9/ (дата обращения: 01.02.2016).
13. Мухарямов Н. Ислам в Поволжье: политизация несостоявшаяся или отложенная? // Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход / под ред. К. Мацузато. М.: РОССПЭН, 2007. С. 13-70.
14. На Руси опять запахло кровью и серой: проект «Русский Ислам» осуществляется полным ходом / Русское Воскресение [сайт]. – URL: <http://www.voskres.ru/idea/rusislam/htm> (дата обращения: 01.02.2016).
15. О чем говорят российские муфтии / Ансар: информационно-аналитический канал [сайт]. – URL: www.ansar.ru/person/2012/7/17/31891 (дата обращения: 01.02.2016).
16. Проект «Русского ислама» в действии / ПОЛИТИНФО [сайт]. – URL: http://otechestvoua.org/vesti/2004_06/v_17_01.htm (дата обращения: 01.02.2016).
17. Хакимов Р. Где наша Мекка? (Манифест Евроислама). Казань: Магариф, 2003. 63 с.
18. Якупов В. Мера Ислама (к проблеме адекватного конкретно-исторического понимания вечных шариатских истин). Казань: Иман, 2004. 69 с.

REFERENCES

1. Bekkin R.I. Russkie musul'mane: zabludshaya sekta ili avangard rossiiskoi ummy? [Russian Muslims: a Misguided Sect or the Vanguard of the Russian Umma?] // Druzhba narodov. 2012. no. 10. pp. 152-172.
2. Glinskii D. Musul'mane Rossii: obretenie politicheskoi sub"ektnosti [The Muslims of Russia: Accession to Political Subjectivity// Constitutional Law: East-European Survey] // Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeiskoe obozrenie. 1992. no. 2. pp. 5-22.
3. «Gosudarstvo. Antropotok»: doklad Tsentra strategicheskikh issledovaniy Privolzhskogo federal'nogo okruga (N.Novgorod-Moskva, 2003) / Gosudarstvo i antropotok [sait]. ["State. Antropotok": Report of the Center for Strategic Research of the Volga Federal District (N. Novgorod-Moscow, 2003) / State and Antropotok [website].] – URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/dok/dok01.htm>
4. Gradirovskii S.N. Kul'turnoe pogranichie: russkii islam [Gosudarstvo i antropotok: veb-al'manakh. Vyp. 8] [Cultural Borderlands: Russian Islam [State and Antropotok: a Web Anthology. Vol. 8]] Gosudarstvo i antropotok [sait] [State and Antropotok [website]]. – URL: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a258.htm/>
5. Zayavlenie Ali (Vyacheslava) Polosina i Iman (Valerii) Porokhvoi po povodu proekta

- «Russkii islam» [24.04.2003] [The Statement of Ali (Vyacheslav) Polosin and Iman (Valeria) Powder about the Project "Russian Islam" [24.04.2003]] SOVA: informatsionno-analiticheskii tsentr [sait] [OWL: Information and Analytical Centre [website]]. - URL: <http://www.sova-center.ru/religion/discussions/authorities/2003/04/d325/>
6. Kapitulyatsiya MIDa pered «russkim islamom» [The Surrender of the Foreign Ministry before the "Russian Islam"] Press-sluzhba «Edinogo Otechestva» [sait] [The Press Service of the "United Fatherland" [website]]. - URL: http://otechestvoua.org/vesti/2004_02/v_20_20.htm
 7. Kobishchanov YU.M. Musul'mane Rossii, korennye rossiiskie musul'mane i russkie musul'mane [The Muslims of Russia, the Indigenous Russian Muslims and Russian Muslims] Musul'mane v izmenyayushcheysya Rossii [Muslims in a Changing Russia]. M., ROSSPEN, 2002. pp. 61-105.
 8. Magomedov A.K., Viktorin V.M. Kaspiisko-predkavkazskii pogranichnyi islam: sotsial'no-religioznoe «obnovlenie» na periferii musul'manskogo mira [Caspian-CIS-Caucasian Border Islam: Socio-Religious "Update" on the Periphery of the Muslim World] // TSentral'naya Aziya i Kavkaz. 2005. no. 5. pp. 147-162.
 9. Magomedov A.K., Matsuzato K., Viktorin V.M. Islam i politika v sovremennoi Rossii: «yadro» i «periferii» musul'manskogo prostranstva [Islam and Politics in Contemporary Russia: the "Core" and "Periphery" of the Muslim Space]. Ulyanovsk, UIGU, 2006. 72 p.
 10. Matsuzato K. Predislovie [Preface] Islam ot Kaspiya do Urala: makroregional'nyi podkhod / pod red. K. Matsuzato [Islam from the Caspian Sea to the Urals: Macro Regional Approach / Edited by K. Matsuzato]. M., ROSSPEN, 2007. pp. 7-12.
 11. Mirzakhanov D.G. Modeli islamo-politicheskoi transformatsii v postsovetsoi Rossii: Tatarstan i Dagestan [The Model of Islamic-Political Transformation in Post-Soviet Russia: Tatarstan and Dagestan] Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya: sotsiologiya, politologiya [Izvestiya of Saratov University. Series: Sociology, Political Science]. Vol. 3. pp. 96-99.
 12. Mukhametshin R. Konfessional'nyi komponent etnicheskoi identichnosti tatar na sovremennom etape [Kazanskii federalist [Religious Component of Ethnic Identity of Tatars at the Present Stage [Kazan Federalist]. 2006. no. 4] / Kazanskij centr federalizma i publichnoj politiki [sait]. - URL: www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n20/9/ (request date: 01.02.2016).
 13. Mukharyamov N. Islam v Povolzh'e: politizatsiya nesostoyavshayasya ili otlozhennaya? [Islam in the Volga region: Politicization Cancelled or Postponed?] Islam ot Kaspiya do Urala: makroregional'nyi podkhod / pod red. K. Matsuzato [Islam from the Caspian Sea to the Urals: Macro Regional Approach / Edited by K. Matsuzato]. M., ROSSPEN, 2007. pp. 13-70.
 14. Na Rusi opyat' zapakhlo krov'yu i seroi: proekt «Russkii Islam» osushchestvlyayetsya polnym khodom / Russkoe Voskresenie [sait]. [It Again Smells of Blood and Brimstone in Russia: the Project "Russian Islam" is in Full Swing / Russian Resurrection [website]]. - URL: <http://www.voskres.ru/idea/rusislam/htm>.
 15. O chem govoryat rossiiskie muftii / Ansar: informatsionno-analiticheskii kanal [sait]. [As Evidenced by the Russian Muftis / Ansar: Information-Analytical Channel [website]]. - URL: www.ansar.ru/person/2012/7/17/31891.
 16. Proekt «Russkogo islama» v deistvii / POLITINFO [sait]. [The Project "Russian Islam" in Action / POLITINFO [website]]. - URL: http://otechestvoua.org/vesti/2004_06/v_17_01.htm (request date)
 17. Khakimov R. Gde nasha Mekka? (Manifest Evroislama) [Where is our Mecca? (The Manifest of Euroislam)]. Kazan, Magarif, 2003. 63 p.
 18. Yakupov V. Mera Islama (k probleme adekvatnogo konkretno-istoricheskogo ponimaniya vechnykh shariatskikh istin) [The Measure of Islam (On the Problem of Adequate Concrete-Historical Understanding of Sharia Eternal Truths)]. Kazan, Iman, 2004. 69 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мирзаханов Джабраил Гасанович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Дагестанского государственного технического университета;
e-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mirzakhanov, Dzhabrail G. – candidate of Philosophy, associate professor of the department of Philosophy, Dagestan State Technical University;
e-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Мирзаханов Д.Г. Идея «русского ислама» как попытка мусульманского политического проектирования в 2000-е гг.: политические оценки и реакции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 159-166.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-159-166

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Mirzakhanov. “Russian Islam” idea as an attempt of Muslim political project-making in 2000s: public political appraisals and reactions // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 159-166.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-159-166

УДК 32.019.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-167-175

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Сотников А.А., Сотников С.А.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В последнее время тема национализма и его крайних форм выражения так или иначе, постоянно присутствует в политической и социальной жизни российских граждан. В настоящее время взрыв национальной нетерпимости приобрел новую силу и нашел отражение в националистических партиях, общественных движениях и молодежных организациях. Одной из самых главных проблем, требующих пристального рассмотрения в ситуации социокультурного кризиса, является повышение роли националистических настроений в массовом сознании общества. Именно в условиях политической нестабильности и отсутствии в обществе национальных идей и общей системы ценностей формирование радикальных представлений является процессом самоидентификации личности.

Ключевые слова: самоидентификация личности, проблемы национализма, национальная идеология, социокультурный кризис, межэтнические конфликты.

FEATURES OF NATIONALISM FORMATION AMONG YOUNG PEOPLE: THE POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

A. Sotnikov, S. Sotnikov

Moscow State Regional University

10 A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

Abstract. The theme of nationalism and extreme forms of its manifestation permanently exists anyhow in political and social life of the Russian citizens. At present the explosion of ethnic intolerance has gained new strength and is reflected in the nationalist parties, social movements and youth organizations. One of the most important issues that need careful consideration in the situation of social and cultural crisis is to increase the role of nationalist sentiment in the mass consciousness of the society. It is in the context of political instability and lack of social and national ideas as well as shared system of values where the formation of radical ideas becomes a process of self-identification of an individual.

Key words: self-identification, problems of nationalism, national ideology, social and cultural crisis, ethnic conflicts.

Идеи этнического национализма становятся популярными в обществе чаще всего, когда государство не может обеспечить базовые потребности граждан, когда ущемляются права, растет негодование среди людей разных слоев и про-

фессий. Крайние формы национализма, такие, как нацизм, радикализм, экстремизм, всегда несут за собой агрессию и ведут к острым внутренним и межгосударственным конфликтам. Многие этнические националисты разделяют идеи национального превосходства и национальной исключительности (шовинизм), а также культурной и религиозной нетерпимости (ксенофобия).

Под словом «национализм» мы будем подразумевать систему категорий и понятий, базовым принципом которых является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства.

В своей основе национализм проповедует верность и преданность своей нации, объединение национального самосознания для практической защиты условий жизни нации, преследования национальных интересов и защиты от внешних и внутренних врагов.

В основе национализма лежат принципы об исключительности своей нации, сохранении и почитании ее традиций и истории. Однако что же такое нация? Нация – (от лат. Natio – племя, народ) – исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе: одного происхождения, языка, территории, единства и целостности сферы самоуправления, психического склада, проявляющегося в культуре [6]. Следует отметить, что каждый из этих факторов можно оспорить. Например – единство расы; известно, что на протяжении всей истории народы и племена смешивались, ввиду различных войн и междоусобиц «крови смешивались» и в итоге ни одного человека в мире нельзя назвать исконно русским или немцем

и даже англичанином. Факторы единства языка и территории тоже не могут быть объективными, поскольку люди могут с детства владеть несколькими языками или же приехать в любую страну и выучить их диалект, такая же неопределенность и с территорией, ведь практически все народы в разные времена вели захватнические войны, и территория, которая была заселена одной национальностью, из-за политических событий может принадлежать другой национальности, и опять-таки происходит смешение. Так же глупо говорить об единстве морали, права и взглядов, поскольку в разные времена у одного и того же народа они могут отличаться, и во многом это зависит от социально-политической ситуации в стране.

Человек не может сформировать свое собственное «Я» иначе, как через отношение к другим людям, в процессе общения с ними. Свою собственную этническую обособленность человек распознает только через сопоставление или противопоставления себя с другими. Ключевым понятием данного самосознания является убежденность в различии над другими. Исключительность и тем самым уникальность народного этноса просматривается в сказаниях, легендах и традициях любой нации. Хотя любая этническая группа с ранних времен ставила себя выше и лучше другой, примечательно, что отношения между разными народностями были неодинаковы, и это отражалось в различных стереотипах. Если на протяжении истории у разных национальностей складывались дружеские и соседские отношения, то редко, когда ощущалась сильная неприязнь их друг к другу, а наоборот, царила терпимость

и сотрудничество. Если же интересы разных сообществ никак не касались друг друга, они были территориально далеки, например, то складывались нейтральные отношения, основанные лишь на интересе к другой науке, но исключающие всякую враждебность. Совсем другое дело, если этнические группы долгое время находились в состоянии конфликта и вражды, – даже если эти проблемы со временем решаются, негативное отношение к народу уже прочно закреплено в сознании людей. Большинство просто принимает неравенство как нечто естественное, не задумываясь над его устоями. Не случайно наиболее устойчивые и сильные предубеждения существуют к тем этническим группам, которые в силу особенностей исторического развития были в определенные периоды наиболее опасными экономическими конкурентами (например, так было с евреями и китайцами). Как пишет в своей работе И. Кон: «На протяжении длительного периода европейской истории евреи олицетворяли товарно-денежные отношения в недрах натурального хозяйства». Они владели основными капиталами, и большинство финансовых магнатов были евреями. На почве «разницы в доходах» и сложилась устойчивая ненависть именно к этой нации. То же можно сказать и про китайцев: «Когда китайцы прибыли в Калифорнию в прошлом веке, там ощущалась нехватка рабочей силы. Дешевая рабочая сила пришлась всем по вкусу. Китайцы тогда имели превосходную прессу. О них писали как о «наших достойнейших новых гражданах», отмечались их трудолюбие, трезвость, безобидность, благонамеренность. Затем условия изменились.

Появилась безработица, возникла конкуренция между китайским мелким предпринимателем и американским буржуа, между китайским рабочим и американским рабочим. И сразу же китайцы стали «лживыми», «опасными», «неискренними»...» [3].

Разные авторы по-разному определяют это понятие. В справочном пособии Б. Берельсона и Г. Стейнера «Человеческое поведение. Сводка научных данных» предубеждение определяется как «враждебная установка по отношению к этнической группе или ее членам как таковым». В учебнике социальной психологии Д. Креча, Р. Крачфилда и Э. Баллачи предубеждение определяется как «неблагоприятная установка к объекту, которая имеет тенденцию быть крайне стереотипизированной, эмоционально заряженной и нелегко поддается изменению под влиянием противоположной информации». В «Словаре по общественным наукам», выпущенном ЮНЕСКО, читаем: «Предубеждение – это негативная, неблагоприятная установка к группе или ее индивидуальным членам; она характеризуется стереотипными убеждениями; установка вытекает больше из внутренних процессов своего носителя, чем из фактической проверки свойств той группы, о которой идет речь» [3].

Интересно наблюдение знаменитого русского лингвиста Бодуэна де Куртене: «Когда русский украдет, говорят: “Украл вор”, а когда украдет еврей, говорят: “Украл еврей”» [1]. Поскольку внимание концентрируется не на самом факте воровства, а на национальной принадлежности вора. Также есть мнения, что причины антисемитских настроений могут крыться в раннем детстве человека. Например,

если человек с детства привык к догматическому стилю мышления, то любой стереотип, в том числе и о других народах, воспринимается им как неоспоримый факт, и уже сложно доказать ему обратное. Также враждебность к национальным меньшинствам может быть связана с внутренней раздраженностью, возбужденностью человека, стремящегося перенести свою злобу на других.

Следует отметить, что психология современного человека, а также и его отношение к другим, формируется зачастую под влиянием различных факторов. Будь то СМИ, личное окружение, не стоит умалять и роль государства и идеологии в данном вопросе. Если в государстве господствует какая-либо идеология, то ее мощнейшие оружия внушения, такие, как пропаганда, массовая культура, мнение авторитетов, средств массовой коммуникации, способны не только влиять на мнение человека, но и полностью навязать ему установки, удобные для государства на данный момент. В современном мире тенденции националистических взглядов присутствуют у многих государств, хотя их число заметно поубавилось с начала XX века, когда так называемые Нации-государства превалировали на карте мира. Это сокращение связано с мировой глобализацией общества, стиранием границ между государствами, упрощенным товарооборотом и интеграцией культур. Один из побочных эффектов такого явления – это растущее число нелегальной рабочей силы из малоразвитых государств, которая в поисках лучшей жизни и заработка все больше переселяется в крупные населенные центры развитых стран, тем самым внося свои коррек-

тивы в размеренную жизнь общества.

Ввиду слишком разных культур, религий и традиций иммигрантам сложно безболезненно внедриться в сложившийся уклад определенного общества, с чем связаны и многие конфликты. Например в Москве по данным за 2008 г., четверть респондентов заявила, что нужно ограничить проживание (ввести черту оседлости) для представителей всех наций, кроме “русской”, 43% россиян убеждены, что само присутствие “нерусских” портит им жизнь”. Данные опроса, проводившегося в г. Москве, свидетельствуют, что 45% респондентов испытывают ту или иную национальную неприязнь, тогда как в аналогичном исследовании 1996 г. таких было менее 20%. Причем 66% ответивших жителей г. Москвы интолерантны к “лицам кавказских национальностей” (чеченцам, грузинам и др.) [11].

Противопоставление «свой» – «чужой» является основным принципом нарастания националистических взглядов в современном обществе. Образ «чужого» занимает значимое место в идентификационной структуре личности. Многочисленные исследования отечественных и зарубежных политических психологов подтверждают, что «чужие» – фундаментальное основание негативной коллективной идентичности [5]. Схема «свой – чужой» выступает основанием для определения когнитивного пространства «мы». Исследования, проведенные Т.В. Евгеньевой и ее коллегами, показали, что в условиях социально-политического кризиса и нестабильности позитивного идентификационного образа России лейтмотивом самоопределения молодежи выступает идентификация

«от противного», предполагающая поиск «инаковости» в различных ее проявлениях [2].

Таким образом, в мышлении российской молодежи складывается двухуровневая конструкция «иного мира». Первый уровень – «чужие» внутри страны, которые определяются путем социально-бытовых коммуникаций. Второй уровень – система образов «врагов» и «друзей» Российской Федерации как государства. Успехи «чужаков» ассоциируются в сознании коренных жителей, прежде всего, с негативными сторонами социальных сдвигов, с разрушением привычных ценностей и отношений. В странах с развитой безработицей и низкой оплатой труда среди населения бытует мнение, что иностранцы, приезжая к ним, забирают их рабочие места. В этом суждении есть доля логики, поскольку приезжие рабочие готовы трудиться за меньшие деньги и с большим усердием. «Чужаки» приспосабливаются к новому окружению, развивают свои способности, которых на новой родине не хватает, ответственнее относятся к делу, ведь они четко осознают, что это единственный их заработок и дороги назад нет. У себя, на старой родине, они могли бы быть не очень предприимчивы, могли безоговорочно подчиняться традиции. На новой родине они ведут себя иначе. Интересен тот факт, что в результате из китайских кули, привезенных для работы на плантациях и на рудниках Малайи, вырос целый слой миллионеров. Многие психологи утверждают, что появление «чужаков» крайне благоприятно сказывается на жизни общества именно с экономической стороны, в пример часто ставятся США, как страна эмигрантов.

Таким образом, ксенофобия – ненависть к чужому – составляет один полюс национализма, другим его полюсом является патриотизм – любовь своего. И в зависимости от механизмов, действующих в обществе, от развитости страны, от менталитета граждан превалирует тот или иной полюс. Как писал А.И. Цюрупа: «Когда же национальное чувство дополняется разумом и нравственным чувством, когда оно допускает трезвую научную и строгую моральную критику по отношению к себе, тогда оно перестает быть злом, но тогда оно и не ищет особых наименований для идейного самоутверждения, тогда оно остается просто чувством, как дружеская симпатия или любовь» [9].

Понятие национализма можно разделить на две категории – истинный и мнимый. Истинный национализм базируется на искреннем патриотизме, на любви к своей родине, к своему народу, на культуре и традициях той среды, в которой вырос человек. Это чувство предполагает, прежде всего, поиск врага внутреннего, что особенно характерно для религиозных людей. В то же время национализм мнимый, напротив, сосредоточен на агрессии, направленной порой на целые этнические группы или на конкретных ее представителей. В данной работе мы рассматриваем влияние и последствия мнимого национализма на представителей так называемой «группы риска» молодых людей от 16 до 23 лет.

Известный представитель психоанализа Эрик Эриксон, обращаясь к вопросу поиска социальной идентичности, рассматривает данный процесс через призму преодоления ряда внутриличностных кризисов. Он выделя-

ет семь стадий становления личности и подчеркивает, что пик поиска именно социальной идентичности приходится на 14-20 лет [10]. Экстремистские настроения характерны именно для этой категории граждан; по опросам Левада-центра, показатель нетерпимости в особо жестких формах доходит до 15% именно у молодежи, тогда как для основной категории граждан – это около 3-5% [10]. Причины возникновения подобных настроений кроются не только в переходном возрасте подростков, их восприимчивости и подавлению влиянию, а также в том, что этническая расовая нетерпимость становится в современном мире элементом определенной субкультуры, к которой причисляет себя огромное количество человек.

Итак, выделим несколько психологических предпосылок возникновения острых националистических взглядов в молодежной среде для дальнейшего их подробного рассмотрения:

1. неустойчивая психика и отсутствие сформировавшегося мнения на данную проблему в силу возраста данной категории людей,
2. проблемы воспитания, недостаток внимания в семье, обществе,
3. приверженность к определенной субкультуре, согласие с мнением окружающего большинства или же авторитетного лидера,
4. влияние СМИ на создание и пропаганду «образа врага»,
5. стереотипы и установки, действующие в обществе.

Возрастная группа от 14 до 20 лет больше всего подвержена различным агрессивным движениям и направлениям. Психологи отмечают, что именно в этом возрасте у человека только

начинают формироваться жизненные цели и приоритеты, и именно сейчас легче попасть под влияние националистических настроений. Градус национализма также зависит от пола – молодые люди в большинстве случаев согласны со всеми вариантами националистических установок и больше подвержены применять его крайние формы, такие, как экстремизм и ксенофобия. Девушки же более склонны разделять антинационалистические взгляды, они больше расположены к интернационализму и терпимости.

Современные российские исследователи (Т.Н. Самсонова, А.Л. Зверев, О.А. Молчанова и др.) политической социализации молодежи едины во мнении: молодому поколению в той или иной мере присущ «экспериментальный» характер самоидентификации. Как правило, процессы поиска ребенком и подростком целостной идентичности лишь постепенно обретают форму целенаправленного социально-когнитивного движения, ориентированного на «вхождение» в социальные общества, субъективно привлекательные для личности [7]. Параллельно с поиском смысловых жизненных ориентаций происходит стремление к определению своей жизненной позиции, развитию внутренней сущности самой личности.

Данный период характеризуется выбором подходящего мировоззрения, жизненных приоритетов и целей, утверждением своей личности как единого целого. Под воздействием социально-личностных факторов перестраивается вся система взаимоотношений человека и общества, меняется его отношение к самому себе. Самый главный вопрос, который начинает

задавать себе подросток – это вопрос «Кто я?». В поиске ответа на этот вопрос человек начинает более чутко воспринимать все метаморфозы окружающего мира и пытается пропустить через себя все возможные варианты.

Так, самоопределение через национальную принадлежность становится одним из самых очевидных ответов. Причисляя себя к той или иной нации, особо остро чувствуя принадлежность к ней, подросток встает на путь понимания себя через традиции, обычаи и устои именно национального характера. А противопоставление себя с другими этносами помогает все больше утвердиться в выбранном пути. Возникает разделение на «свой» – «чужой», которое впоследствии становится основополагающим в видении мира.

Поскольку в раннем возрасте существует склонность стучать краски и

делить мир исключительно на черное и белое, то есть впадать в крайности, подобные сравнения и ассоциации приводят к острой национальной нетерпимости, начинают появляться установки «я принадлежу к определенной нации, я хороший, а они – другие, следовательно, плохие». Люди с другим цветом кожи, разрезом глаз, культурой поведения автоматически переходят в разряд врагов. На подобном антагонизме начинает строиться внутренний мир подростка, и если он не находит разъяснения у семьи, друзей, то подобные мысли со временем укореняются в его сознании и становятся единственно верными. Огромное влияние в данный период на человека имеют именно семья, та среда, в которой он проводит больше всего времени и чье влияние является самым сильным на его внутренний мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горький М. Жизнь Климата Самгина. М.: «Наука», 1968 г. С. 434.
2. Евгеньева Т.В. Культурно психологические основания образа «Другого» в современной России // «Чужие» здесь не ходят. Политический экстремизм и радикальная ксенофобия в социокультурном пространстве современной России / Под ред. Евгеньевой Т.В. М., 2004. С. 134.
3. Кон И. Психология предрассудка // Новый мир. 1966. № 9.
4. Малькова В. Толерантность или конфликтность? К вопросу об освещении этничности в московской прессе // Конфликт – Диалог-Сотрудничество. Бюллетень. 2000-2001. №6. С. 53-54.
5. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. 349 с.
6. Современная энциклопедия. 2000. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/32390> [Электронный ресурс]
7. Титов В.В. Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале 21 века. М., 2012. 193 с.
8. Хухлаев О. Этносоциальные установки современной российской молодежи // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 23-37.
9. Цюрупа А.И. Национальный инстинкт как предмет научного исследования // Полис. 1997. № 1. С. 42-44.
10. Ericson E.H. The problem of ego identity // Stein M.R/ et al. (eds) Identity and anxiety: Survival of the person in mass society. Glencoe: The Free Press, 1960.
11. Социологический опрос в г. Москве на тему: «Толерантность москвичей к «лицам

кавказской национальности»», URL: <http://www.centrekspertiza.ru/> [Elektronnyj resurs]: (дата обращения: май 2014 г.)

12. Marcus H.R., Kitayama Sh. Culture and the Self: implications for cognition, emotion and motivation. // Psychological Review. 1991. V 98(2). Pp 224-253.

REFERENCES

1. Gor'kii M. Zhizn' Klima Samgina [The Life of Klim Samgin]. M, Nauka, 1968.
2. Evgen'eva T.V. Kul'turno psikhologicheskie osnovaniya obraza «Drugogo» v sovremennoi Rossii [Cultural and Psychological Foundations of the Image of the "Other" in Contemporary Russia] «Chuzhie» zdes' ne khodyat. Politicheskii ekstremizm i radikal'naya ksenofobiya v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoi Rossii / Pod red. Evgen'evoi T.V. ["Strangers" Do not Go Here. Political Extremism and Radical Xenophobia in Socio-Cultural Space of Modern Russia / ed. by T. Evgenyeva In] / Ed. by T. V. Evgenyeva. M, 2004. pp. 134
3. Kon I. Psikhologiya predrassudka [Psychology of Prejudice] // Novyi mir. 1966. no. 9.
4. Mal'kova V. Tolerantnost' ili konfliktnost'? K voprosu ob osveshchenii etnichnosti v moskovskoi press [Tolerance or Conflict? To the Coverage of Ethnicity in the Moscow Press] // Konflikt – Dialog-Sotrudnichestvo. Byulleten'. 2000-2001. no. 6. pp. 53-54.
5. Noimann I. Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei [The Use of the "Other": Images of the East in the formation of European Identities]. M., 2004. 349 p.
6. Sovremennaya entsiklopediya. 2000. [Modern Encyclopedia. 2000] – URL: [http:// http:// dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/32390](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/32390) [Electronic resource] (request date)
7. Titov V.V. Natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' rossiiskoi molodezhi v nachale 21 veka [National-State Identity of the Russian Youth in the Early 21st Century]. M., 2012. 193 p.
8. Khukhlaev O. Etnosotsial'nye ustanovki sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Ethnic and Social Attitudes of Modern Russian Youth] // Voprosy psikhologii. 2011. no. 1. pp. 23-37.
9. Tsyurupa A.I. Natsional'nyi instinkt kak predmet nauchnogo issledovaniya [The National Instinct as a Subject of Scientific Research] // Polis. 1997. no. 1. pp. 42-44.
10. Ericson E.H. The problem of ego identity [The problem of ego identity] Stein M.R/ et al. (eds) Identity and anxiety: Survival of the person in mass society [Stein M. R/ et al. (eds) Identity and anxiety: Survival of the person in mass society]. Glencoe, The Free Press, 1960.
11. Sotsiologicheskii opros v g. Moskve na temu: «Tolerantnost' moskvichei k «litsam kavkazskoi natsional'nosti»», [Sociological Survey in Moscow on: "Tolerance of Muscovites to "the Caucasians"] – URL: <http://www.centrekspertiza.ru/> [Electronic resource].
12. Marcus H.R., Kitayama Sh. Culture and the Self: implications for cognition, emotion and motivation. // Psychological Review. 1991. V 98(2). Pp. 224-253.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сотников Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: kamnevagp@gmail.com

Сотников Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: kamnevagp@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sotnikov Andrey A. – candidate of Historical Sciences, associate professor, associate professor of the department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow State Regional University;
e-mail: kamnevagp@gmail.com

Sotnikov, Sergey A. – candidate of Historical Sciences, associate professor, associate professor of the department of Politology and Law, Moscow State Regional University;
e-mail: kamnevagp@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Сотников А.А., Сотников С.А. Особенности формирования национализма в молодежной среде: политико-психологический анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 167-175.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-167-175

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Sotnikov, S. Sotnikov. Features of nationalism formation among young people: the political and psychological analysis // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 167-175.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-167-175

УДК 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-176-189

БЕЗОПАСНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МИРОВОСПРИЯТИИ МЫСЛИТЕЛЕЙ ПРОШЛОГО: АНАЛИТИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Завальнев В.И.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье описывается исторический характер феномена безопасности, неразрывно связанный с человеком как составная часть жизнеобеспечения. Этот феномен развивался, постепенно усложняясь, приобретая адекватный общественным отношениям социальный и политический смысл. На основе ретроспективного анализа проблемы безопасности в политическом мировосприятии мыслителей прошлого автор делает вывод, что она носит комплексный характер и имеет особенности разрешения в зависимости от исторического этапа развития общества. Но на любом отрезке времени сущность проблемы оставалась неизменной: обеспечение свободного развития каждого в условиях свободного развития всех.

Ключевые слова: личность, общество, государство, право, безопасность, политическое, демократия, модернизация.

SECURITY THROUGH THE POLITICAL WORLDVIEW OF THINKERS OF THE PAST: ANALYTICAL RETROSPECTIVE

V. Zavalnev*Moscow State Regional University**10 A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article describes the historic nature of the phenomenon of security which is inextricably linked with a person as a part of his life support. The phenomenon was developing, gradually becoming more complex and acquiring social and political sense adequate to the public relations. After a brief retrospective analysis of the security problems through the political worldview of thinkers of the past, the author makes a conclusion that the issue of security is complex and has the features, depending on the historical stage of development of the society. But, no matter what historical period it was, its essence remained the same: to ensure free development of each person in conditions of free development of all.

Key words: personality, society, state, law, security, political, democracy, modernization.

Проблема безопасности являлась одной из ключевых проблем жизнеобеспечения социума во все времена. Однако особую актуальность она приобрела в современную эпоху – эпоху глобальных перемен и социальных рисков, когда нарастание социальной неопределенности и кардинальных перемен дошли до

критической отметки. Главная причина такого положения дел, по мнению одного из патриархов западной общественной мысли Э. Тоффлера, состоит в том, что «мир становится все более взаимосвязанным, а международная система – более комплексной, повышается ее уязвимость» [31]. Сегодня безопасность личности, общества, государства и глобальная безопасность находятся в теснейшей связи друг с другом. Террористические акты, происходящие по всему миру – наглядное тому подтверждение. Оптимизация и достижения баланса глобальной и индивидуальной безопасности – насущная задача современного социума.

О безопасности личности в различных ее ракурсах и представлениях написано очень много. Обобщающий вывод, следующий из исследований ученых, состоит в том, что феномен безопасности носит *исторический характер*. Неразрывно связанный с человеком как составная часть его жизнеобеспечения, он развивался вместе с ним, постепенно усложняясь и приобретая адекватный складывающимся общественным отношениям социальный и политический смысл. Уже в учениях древних мыслителей присутствуют основы осмысления безопасности государя и государства как условия безопасности подданных: справедливая организация управления в сословном обществе рассматривалась как необходимое условие безопасности всех социальных групп и слоев. Так, в древнеиндийских трактатах отмечалось, что «для всех неуклонно следующие присущей им дхарме, для варн и различных ашрам царь создан как охранитель» [13, с. 23-29]. В строгом соблюдении своего места в сословии

заключалась основа нормального существования и безопасности самого государства и народа, поэтому правитель не должен был допускать каких-либо отклонений от установленного порядка, смещения каст и «нарушения своего закона живыми существами» [4, с. 18].

Эта мысль подчеркивается и в учении древнекитайского мыслителя Лао-цзы, который полагал, что правитель, постигший сущность дао (буквально – путь: нечто основополагающее всего мироздания и извечного порядка вещей, одна из главных категорий китайской философии, под которой обычно понимается основанный на морали социальный порядок), должен всегда поступать мудро, управляя государством в соответствии с этим жизненным принципом [17]. Другой великий китайский философ древности – Конфуций, считая основой социального порядка моральный идеал, также утверждал, что правитель (монарх-отец), проникнутый заботой о благе народа и о том, чтобы в обществе все было прочно и стабильно, должен требовать соблюдения каждым своих прав и обязанностей. «Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность» [18, с. 58].

Научные подходы к проблеме безопасности личности и государства впервые нашли свое отражение в трудах античных мыслителей – Платона («Государство», «Законы») и Аристотеля («Политика»). Безопасность личности мыслилась ими в неразрывной связи с безопасностью государства-полиса. Платон был первым древнегреческим мыслителем, обратившим внимание на диалектику безопасности личности

и государства: по его мнению, именно государство предоставляет личности возможность не одного лишь «... го-лого существования, но также обеспечение за всяким человеком всех благ жизни, приобретенных им законным трудом, безопасным и безвредным для государства» [25, с. 254-255]. Его концепция безопасности базировалась на двух наиболее важных категориях – «помощи» и «спасении», особо подчеркивая при этом роль образования, воспитания и нравственности граждан полиса [25, с. 275]. Одновременно Платон утверждал, что человек – существо несовершенное, его поведение может наносить вред как коллективной, так и личной безопасности. Поэтому вся его жизнедеятельность должна быть регламентирована различного рода предписаниями, дабы избежать свойственных для человеческой натуры склонности к удовольствиям и совершению несправедливых поступков, наносящих ущерб общей безопасности. «Пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех людей всегда будет более сплоченной и общей» [24, с. 406].

Особую роль нравственных начал в поведении личности в качестве основы обеспечения общей безопасности людей выделял и Аристотель. Как «существо политическое», тяготеющее к справедливости, каждый человек должен жить сообща по закону и праву, в которых только и может быть воплощен принцип социальной справедливости. В учении Аристотеля «понятие справедливости связано с представлением о государстве, так

как и право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [3, с. 378-380], поэтому все граждане должны быть «приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны» [3, с. 551]. В целом безопасность личности Аристотель рассматривал через образ политизированной культуры, функционирующей в условиях «правильного государственного устройства». В «неправильном государственном устройстве» допускаемая им социальная дифференциация (вплоть до существования рабов) и имущественное расслоение общества отрицательно влияют на безопасность в целом. «В тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей» [3, с. 302]. Именно поэтому Аристотель, разделяя точку зрения своего учителя, важную роль в обеспечении безопасности отводил (помимо государственно-территориального устройства) нахождению у власти средних слоев общества: «Наилучшее государственное общение то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они в лучшем случае – сильнее обеих крайностей или, по крайней мере, каждой из них в отдельности» [3, с. 307].

Схожие с Платоном и Аристотелем политические воззрения были свойственны для их последователей, видевших во властных отношениях и имущественном неравенстве главную угрозу безопасности личности и самого государства. Так, Диоген Лаэртский

призывал следовать разумной само-достаточности и самоограничению, являющимися наиболее важными условиями справедливых и нравственных отношений в обществе [10, с. 411]. Аналогичной точки зрения придерживались философы-стоики (Хрисипп, Марк Аврелий), видевшие возможность обеспечения личной безопасности только в коллективных действиях, объединенных в рамках государства. «В самом деле, от чего зависит наша безопасность, как не от того, что мы пользуемся взаимными услугами? Единственно благодаря этому обмену благодеяний. Разъедини нас – чем тогда мы будем? Добычей и жертвой животных» [35, с. 90].

Цицерон, отмечавший, что «каждому виду живых существ природа даровала стремление защищаться, защищать свою жизнь <...> избегать всего того, что кажется вредоносным, и приобретать, и добывать себе все необходимое для жизни» [33, с. 159-160], также осуждал отсутствие необходимого правопорядка для обеспечения безопасности. По его мнению, любая власть должна быть основана на законе: «Под действие закона должны подпадать все» [34, с. 134]. В основе соблюдения закона должны лежать четыре основных добродетели: познание истины (*cognitio*), справедливость и благотворительность (их Цицерон рассматривает в единстве – *iustitia* и *beneficentia*), величие духа (*magnitudo animi*), благопристойность и умеренность (*decorum*). Поставленная на первое место справедливость состояла в том, чтобы, во-первых, «никому не наносить вреда», во-вторых, «пользоваться общественной собственностью, как общественной, а частной – как

своей» [33, с. 172]. Оба вида собственности, закрепленные историческим актом, приобретают форму закона – нарушающий закон нарушает общую безопасность. (Однако во взглядах Цицерона на безопасность личности уже можно заметить исторически важное изменение: понятие безопасности личности сужается до физической безопасности власть имущих и безопасности их собственности [33, с. 172]).

В целом античные философы дают методологический образец подхода к феномену безопасности личности как фундаментальной ценности, неразрывно связывая ее со справедливым государственным устройством и деятельностью государства по ее обеспечению, предоставлению каждому одинаковых прав, свобод и гарантий их обеспечения. Безопасность личности рассматривалась ими в неразрывной взаимосвязи с безопасностью общества и государства. Что касается мыслителей Средневековья (Августин Аврелий, Фома Аквинский), то для них безопасность существовала только в единении с божественным началом, в гармонии с Богом, которая не дается изначально, но постигается человеком через следование христианским ценностям и добродетелям. По их глубокому убеждению, безопасность невозможна без божественного содействия и всеобъемлющей любви к ближнему, безусловного следования божественным догмам во имя спасения души. Из идеи любви к Богу рождается добродетель.

Так, согласно учению Августина о государстве, природа объединяет людей в семьи, но семья не может обеспечить полное удовлетворение всех материальных и духовных запросов людей,

тем более – социального порядка и безопасности. Чтобы обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность, необходимо государство. В работе «О граде Божьем» в зависимости от отношения к общему благу выделены два вида земных государств: происхождение первого является результатом насилия по отношению к человеку, второе – христианское – характеризуется заботой власти о подданных и обеспечении социального порядка [1].

Решающую роль в обеспечении безопасности личности и общества отводит государству в лице монарха и другой выдающийся мыслитель Средневековья – Фома Аквинский, подчеркивавший, что «всякое множество происходит от единства», объединенного на основе благодетели и не допускающего раздоров и волнений: «благая жизнь следует добродетели, ибо добродетельная жизнь есть цель человеческого объединения» [2]. Добродетель предписана Богом, который не творит зла: Бог – творец гармонии и добра, постоянно проявляющий заботу о людях. Поэтому наместнику Бога на земле – царю предписывается заниматься тем, чтобы в подчиненном ему множестве, во-первых, была установлена благая жизнь, во-вторых, чтобы установленная жизнь сохранялась и, в-третьих, улучшалась [2], а всем людям в целях собственной безопасности – чтить божественный миропорядок и христианские добродетели, обеспечивающие каждому сохранность и безопасность [15, с. 89].

Важный вклад в развитие взглядов на проблему безопасности государства, общества и личности внес Никколо Макиавелли. По его мысли, главной целью государства и одно-

временно основой его прочности являются безопасность и неизбежность частной собственности и имущества – главные блага свободы личности. «Человек, которого лишают какой-либо выгоды, никогда не забывает этого: достаточно малейшей надобности, чтобы напомнить ему это...» [14, с. 208]. Гарантом безопасности личности и общества выступает государство в лице его правителя. Однако для обеспечения безопасности правитель может использовать и аморальные методы и средства, действуя по принципу «победителя не судят»: «...пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность» [14, с. 212]. Поэтому не может существовать границ, разделяющих справедливое и несправедливое, человеческое и жестокое, дружественное и враждебное, возвышающее и позорное – все средства хороши, если они направлены на обеспечение безопасности государства.

Идеи Н. Макиавелли о частной собственности как фундаментальной основы государства, общества и личности и их безопасности нашли свое отражение во взглядах Жака Бодена, французского ученого и политика XVI в. По его мнению, государство, основанное на имущественном равенстве, не соответствует ни божественным, ни естественным законам развития общества. Разделение общества на бедных и богатых не просто традиционно: уравнивание их между со-

бой приведет к полному разрушению государства, поскольку «...утрачиваются какие бы то ни было узы, связывающие одного человека с другим» [5, с. 141-142].

Безопасность личности, рассматриваемая как функция государства в воззрениях средневековых мыслителей, в период Нового времени наполняется новым содержанием, связанным, прежде всего, с тем, что само государство начинает рассматриваться не как божественное установление, а как результат естественного развития общества, нашедший свое отражение в теории общественного договора. Важную роль в этом сыграл английский философ Томас Гоббс, в теории естественного права которого есть два наиболее важных положения: а) свобода делать все необходимое для самосохранения и запрет на все, что пагубно для жизни; б) выделение особой роли государства в обеспечении безопасности.

«Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю» [8, с. 138]. Только в этом случае достижима свобода воли или подлинная безопасность. Это положение о свободе воли как условии безопасности личности разделял Б. Спиноза, связывавший его с функционировани-

ем взаимосвязанных между собой институтов государства и гражданского общества, что отразило в понимании безопасности новые социально значимые аспекты [28, с. 207].

Анализируя положение Т. Гоббса «война всех против всех», один из самых влиятельных мыслителей прошлого, Джон Локк, пришел к выводу о том, что принуждение, насилие как инструменты государственной власти, являясь в определенных обстоятельствах необходимыми «для охранения и спокойствия народа», тем не менее являются наихудшими из всех средств и употреблять их следует весьма осторожно по двум причинам: во-первых, насилие есть то, от чего каждый человек стремится освободиться, во-вторых, применение насилия со стороны власти для обеспечения безопасности противоречит самому ее смыслу: «...применяя силу, правитель часто перечеркивает то, ради чего он призван трудиться, а именно всеобщую безопасность, <...> подрывая или нарушая безопасность любого из своих подданных ради защиты остальных, он ровно настолько же вступает в противоречие со своим же объявленным наперед намерением, в каковое должна входить только охрана людей...» [20, с. 79].

Новый – культурологический – подход к проблеме безопасности содержится в научных трудах еще одного английского философа и государственного деятеля нового времени – Ф. Бэкона. В работе «О смуте и мятежах» им раскрыта одна из важнейших угроз безопасности – уровень легитимности политической власти, наглядно характеризующий степень доверия/недоверия ей со стороны основной массы

населения, когда: а) обладатель высшей государственной власти перестает быть авторитетом; б) недовольство властью возрастает как среди простого народа, так и высших слоев общества; в) высшие слои выходят из-под контроля власти и готовы использовать недовольство масс, чтобы выступить самим [6, с. 380-382]. По мнению Бэкона, удерживать государственную власть помогает только культура безопасности, обеспечивающая необходимую степень прозрачности и открытости деятельности власти, инициирующей диалог с обществом.

В трудах французских просветителей (Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, П. Гольбах) эта идея «культуры безопасности» нашла свое дальнейшее развитие: безопасность личности стала рассматриваться в неразрывной связи с безопасностью общества. Так, П. Гольбах утверждал, что важнейшей основой безопасности личности является утверждение жизнеутверждающих отношений между человеком, обществом и государством. Этому должны способствовать правильно выбранный политический вектор деятельности официальной власти, предполагающий некое равновесие с допустимой свободой личности во всех сферах ее жизнедеятельности [9].

В трудах представителей немецкой классической философии (И. Кант, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель), несмотря на выделение ими разных элементов и механизмов обеспечения безопасности личности (государство и гражданское общество в концептуальных положениях И. Канта как ее институциональные гарантии [16]; ограничение свободы действий субъектов политической деятельности в интересах социальной

стабильности и безопасности общества в целом, предложенное И. Фихте [32]; государство как главный гарант «интегральной» безопасности (безопасности личности, общества и самого себя) Г. Гегеля [7]) главная роль отведена государству, без которого в обществе невозможно достичь социального порядка – стержня любого вида безопасности. Классовый характер обеспечения безопасности подчеркивается в работах выдающегося немецкого философа-экономиста К. Маркса. В его политической философии краеугольным камнем безопасности является социальное неравенство людей: рынок и свободная конкуренция изначально в силу своей природы не могут обеспечить безопасность личности, прежде всего, в экономических отношениях, которые являются первичными по отношению ко всем другим социальным отношениям [21].

Особо следует остановиться на социологическом подходе – классическом этапе в эволюции социальных знаний о безопасности. Впервые он был осуществлен в трудах французского ученого О. Конта. По его мнению, безопасность личности – понятие комплексное, в котором находит свое отражение вся совокупность общественных отношений, личностных качеств, мировоззренческих позиций и социальных чувств человека. Объединяющим началом для них выступает церковь, в деятельности которой О. Конт видел фундаментальную основу нравственного поведения всех членов общества как главного условия достижения социальной гармонии. Собственно, сама философия позитивизма О. Конта есть своего рода попытка «врачевания общества» и придания

ему безопасного вектора развития. Ключевыми понятиями здесь являются «порядок» и «прогресс», специфика функционирования которых состоит в том, чтобы порядок не приводил к застою, а прогресс – к революционной анархии [12].

Важное место в социологическом подходе к проблеме безопасности занимают также концептуальные положения английских философов Дж. Милля, Г. Спенсера, французского социолога Э. Дюркгейма. В работе Дж. Милля «О свободе» безопасность определена как «интерес высшего порядка», самый важный из всех интересов: «... без безопасности не может обойтись ни один человек, – она есть первое условие нашего избавления от всякого рода зол, – без нее мы жили бы только настоящей минутой и за пределами этой минуты благо не имело бы для нас никакой цены...» [22, с. 176]. Соотечественник Милля, Г. Спенсер, понимание безопасности связывал с «социальным равновесием», под которым подразумевал результаты компромиссов, приспособленческих действий людей и социальных институтов. Функционирование последних, по его мнению, является необходимым условием самоорганизации людей для их совместных действий, превращающих их из асоциальных существ в социальные, способные к коллективным действиям, включающим обеспечение безопасности каждого [27, с. 69].

Эмиль Дюркгейм, один из самых видных западных социологов конца XIX – начала XX вв., проблему безопасности связывал с обеспечением порядка в обществе, недопущением хаоса, социальных беспорядков и революционных изменений, достигаемых по-

средством проведения реформ и совершенствования функционирования институтов государства и общества. По мнению знаменитого французского социолога, в основе появления и роста угроз безопасности лежит динамика социальных ценностей, вызывающая изменения в общественном сознании и меняющая нормы поведения людей. Переоценка ценностей ведет к дисбалансу всей общественной системы, от которой, как круги по воде, расходятся изменения нравственных норм поведения людей, исчезновение «культурных рамок», в результате чего формируется «аномичное общество» [11, с. 36-37]. Спасти общество от действия подобных угроз и опасностей может только государство. Однако оно же, по мысли Э. Дюркгейма, может и само угрожать безопасности личности вследствие усиления (тотальности) контроля за ее поведением, следовательно, здесь необходимы и иные – общественные – структуры (институты гражданского общества), занятые в соблюдении государством всеобщих прав и свобод человека и гражданина [11, с. 36-37].

Свой вклад в понимание проблем безопасности личности и общества внесла и отечественная социологическая наука конца XIX – начала XX вв. (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, П.Б. Струве, П.А. Сорокин), активная гражданская позиция которых была направлена на социальные преобразования современного российского общества. Так, в теории солидарности П.Л. Лаврова основная задача социологии состоит в выявлении и объяснении форм и условий солидарности людей как основы их совместного общежития. В его понимании, «общественная солидарность есть осознание

того, что личный интерес совпадает с интересом общественным, что личное достоинство поддерживается лишь путем поддержки достоинства всех солидарных с нами людей» [19, с. 75-76]. Иными словами, сознательная солидарность личности есть основа безопасности, которая не может быть отделена от безопасности общества, внутри которого личность находится, живет и действует соответственно с принятыми в нем нормами и правилами. (Эти взгляды П.Л. Лаврова разделял и известный отечественный историк и социолог М.М. Ковалевский, видевший содержание общественного прогресса в «расширении сферы человеческой солидарности».)

Представитель субъективного направления в отечественной социологии Н.К. Михайловский, критикуя в своей концепции общественного прогресса социал-дарвинизм Г. Спенсера, указывавшего на сходство прогресса в природном (органическом) и социальном мирах, особо выделял предложенный им самим закон борьбы личности за свою индивидуальность. Суть его состоит в том, что личность и общество взаимодополняют друг друга: все, что подавляет личность, вредно для общества, а всякое подавление общественного – вредно для личности. Поэтому главным способом борьбы личности за свою индивидуальность является не насилие над другими, а самосовершенствование себя. Согласно же дарвинистскому всеобщему закону борьбы за выживание, жизнеспособными являются лишь те организмы, которые приспособляются к окружающей среде. Но в этом случае, как показывает исторический социальный опыт, вопрос о самосовершенствовании

личности будет напрямую зависеть от степени ее приспособленности к среде, что говорит в пользу прагматических, посредственных личностей, и не оставляет места для талантливых и одаренных, которые борются за приспособление окружающей среды к себе – основополагающее условие борьбы личности за свою индивидуальность. Полагая идеалом прогресса гармонически развитую личность, Н.К. Михайловский считал, что такой идеал может быть достигнут лишь при условии совпадения генеральных векторов развития личности и общества, взаимном стремлении к социальному идеалу – к собственному совершенству личности и совершенству общества [23, с. 65-66].

В противовес сторонникам субъективного метода в социологической науке выступали представители буржуазного либерализма (легальные марксисты), связывавшие будущее безопасное общество с усовершенствованным (цивилизованным) капитализмом. Так, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, подчеркивая определяющую роль общечеловеческих ценностей и интересов, необходимость реального обеспечения прав и свобод граждан, отрицали революционные методы их достижения, поскольку они могут разрушить общество «до основания», уничтожая при этом и какие-либо гарантии безопасности личности, а наиболее приемлемой формой считали проводимые сверху социальные реформы [29, с. 204-206; 30, с. 207-210].

Один из виднейших классиков социологии, американский социолог русского происхождения П.А. Сорокин, рассматривая проблемы безопасности жизнедеятельности общества и

пути достижения общества социальной справедливости, утверждал, что общество без социального расслоения и социального неравенства недостижимо: при любой организации общества будет существовать социальная дифференциация. Однако ее наличие не означает, что общество не способно разумно соорганизоваться и достигнуть социальной стабильности и процветания, но в механизмах их достижения исключена революция, несущая с собой насилие, жестокость, ограничение свободы личности. «Великой трагедией» называл П.А. Сорокин революцию, ломающую существующий социальный порядок и приводящую к господству одного класса над другим. Прогрессивное общественное развитие должно идти эволюционным путем, через расширяющиеся социальные взаимодействия многих индивидов на основе совместно выработанных норм поведения, предопределяющих развитие должного и запрет асоциального. Нравственные идеалы и ценности такой общности людей, которые П.А. Сорокин считал «основой и фундаментом всякой культуры», – лучшая гарантия общей и индивидуальной безопасности. При этом государство должно предоставить каждому члену общества равенство всех перед законом, справедливое распределение социальных (здравоохранение, образование, наука и т.д.) и политических (свобода слова, печати, собраний, объединений и т.д.) благ, открывающие реальные возможности к многообразному творческому самовыражению личности [26, с. 259-260].

Таким образом, краткий ретроспективный анализ проблемы безопасности в политическом мировосприятии

мыслителей прошлого дает возможность сделать следующие обобщения.

Проблема безопасности носит комплексный характер и имеет особенно своего обеспечения в зависимости от исторического этапа развития общества, но на любом из них сущность ее оставалась неизменной: обеспечение свободного развития каждого в условиях свободного развития всех. Главную роль в этом обеспечении призвано играть государство, одной из основных задач которого является сохранение социальной целостности, стабильности и социального порядка, конституционных прав и свобод граждан как важнейших условий индивидуальной и общей безопасности.

В историческом плане условно можно выделить несколько этапов становления и развития понятия безопасности личности:

а) древневосточный этап, дающий представление об истоках, предпосылках, объективных и субъективных условиях возникновения знаний о безопасности природы, общества и человека как одной из первичных форм закрепления опыта взаимодействия человека с окружающим миром;

б) античный этап, характеризующийся, с одной стороны, обеспечением условий для самосохранения личности, степени ее защищенности от различных угроз природного и социального характера, с другой – правовой регламентацией основ жизнедеятельности личности и общества;

в) средневековый (христианский) этап, вбирающий в себя общие представления о безопасности как о божественной предопределенности человеческого бытия и необходимости соблюдения нравственно-этических

норм поведения в соответствии с догматами веры;

г) просветительский этап, дающий возможность перейти к проблеме обеспечения безопасности личности с точки зрения естественного права, общественного договора;

д) классический, связанный с осознанием нравственных императивов, тождеством бытия и мышления, самоценности личности и возрастающей роли государства в создании благоприятных условий для свободного развития каждого;

е) социологический этап, включающий в себя развитие положений о безопасности личности посредством организации жизнедеятельности об-

щества в «состоянии равновесности», «общественной солидарности», сопряженности с «прогрессивным общественным развитием».

В качестве общего итога в историческом осмыслении меняющегося содержания категории «безопасность личности» могут быть использованы положения о совершенствовании условий выживания, устранении возможных рисков в результате социальных преобразований (реформ и революций), ожидания защищенности со стороны институтов государства и гражданского общества, без взаимодействия с которыми любая теоретическая конструкция безопасности личности теряет всякий смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Аврелий. О граде Божьем // Августин. Творения: в 4-х т. [Т. 3-4]. СПб.: Алетейя, 1998. 600 с.; 592 с.
2. Трактат Фомы Аквинского «О правлении государей» // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л.: Наука, 1990. С. 217–244.
3. Аристотель. Политика // Собр. Соч. в 4-х томах [Т. 4]. М.: Мысль, 1984. 830 с.
4. Артхашастра, или Наука политики. М.: Ладомир, 1993. 796 с.
5. Боден Ж. Шесть книг о государстве / Антология мировой философии: в 4-х томах [Т. 2]. М.: Мысль, 1970. 776 с.
6. Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х томах [Т. 2]. М.: Мысль, 1972. 582 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 528 с.
8. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2-х томах [Т. 2]. М.: Мысль, 1991. 731 с.
9. Гольбах П. Естественная политика или беседы об истинных принципах управления // Избранные произведения: в 2-х томах [Т. 2]. М.: Соцэкгиз, 1963. 688 с.
10. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев, 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.
11. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, способ, назначение /пер. с фр., составление, послесловие и примечание А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
12. Елфимова О.С. Концептуализация представлений о безопасности в социологической науке // Ученые записки Курского гос. ун-та [электронный журнал]. 2013. № 3 (Ч. 1). 8 с.
13. Законы Ману. М.: Ладомир, 1992. 320 с.
14. История политических и правовых учений / под ред. проф. О.Э. Лейста. М.: Зерцало, 2000. 688 с.
15. Карсавин Л. Философия истории. СПб.: Питер, 1993. 101 с.
16. Кант И. Сочинения: в 6-и томах [Т. 6]. М.: Мысль, 1966. 743 с.

17. Лао-цзы. Дао дэ цзын, или Писание о нравственности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994.
18. Конфуций. Я верю в древность. М.: Республика, 1995. 384 с.
19. Лавров П.Л. Избранные произведения: в 2-х томах [Т. 1. Философия и социология]. М.: Мысль, 1965. 739 с.
20. Локк Дж. Сочинения: в 3-х томах [Т. 3]. М.: Мысль, 1988. 668 с.
21. Маркс К. Капитал [Т. 1] / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. [Т. 23]. М.: Политиздат, 1960. 900 с.
22. Милль Дж. С. Утилитаризм. О свободе / 3-е изд. СПб.: , 1900. 482 с.
23. Мишинева А.К. «Теория прогресса» П.Л. Лаврова и «формула прогресса» Н.К. Михайловского // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11 (№ 1). С. 64-69.
24. Платон. Законы // Собр. Соч. в 4-х томах [Т. 4]. М.: Мысль, 1994. 654 с.
25. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. 607 с.
26. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
27. Спенсер Г. Синтетическая философия (в кратком изложении Г. Коллинза). М.: Ника-Центр, 1997. 512 с.
28. Спиноза Б. Этика. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2001. 336 с.
29. Струве П.Б. Интеллигенция и народное хозяйство // Интеллигенция. Власть. Народ (Русские источники современной социальной философии) / ред.-сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Наука, 1992. 341 с.
30. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации / 5-е изд. М.: Лань, 2010. 495 с.
31. Тоффлер Э. Власть во всем мире не оказалась готова к новым требованиям времени / НГ-Политика (специальный выпуск: Ярославский форум-2009) // Независимая газета. 2009. 8 июня.
32. Фихте И.Г. Сочинения. М.: Наука, 2008. 752 с.
33. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. 248 с.
34. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М.: Ладомир, 1994. 224 с.
35. Эпиктет. Избранные мысли римского мудреца. Афоризмы // Римские стоики. М.: Республика, 1995. С. 206-270.

REFERENCES

1. Avgustin Avrelii. O grade Bozhiem // Avgustin. Tvoreniya: v 4 t. [T. 3-4] [About the God's hail // Aurelius Augustine. Creations: in 4 vol. [Vol. 3-4].], Aleteiya, 1998. 592 p.
2. Traktat Fomy Akvinskogo «O pravlenii gosudarei» [Thomas Aquinas. Treatise "On Board of Sovereigns"] // Politicheskie struktury epokhi feodalizma v Zapadnoi Evrope (VI-XVII vv.) [Political structures of feudalism in Western Europe (VI-XVII centuries)]. L., Nauka, 1990. pp. 217-244.
3. Aristotel' Politika // Sobr. soch. v 4-kh tomakh [T. 4] [Aristotle. Policy // Coll. works. in 4 volumes [Vol. 4]]. M., Mysl', 1984. 830 p.
4. Artkhashastra, ili Nauka politiki [Arthashastra, or Science of Policy]. M., Ladomir, 1993. 796 p.
5. Boden ZH. SHest' knig o gosudarstve / Antologiya mirovoi filosofii: v 4-kh t [T. 2] [Boden J. Six Books on the State / Anthology of World Philosophy: in 4 vol. [Vol. 2]]. M., Mysl', 1970. 776 p.
6. Bekon F. Sochineniya: v 2-kh t. [T. 2] [Bacon F. Works: in 2 vol. [Vol. 2]]. M., Mysl', 1972. 582 p.
7. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava [Hegel G.W.F. The Philosophy of Law]. M., Mysl', 1990. 528 p.
8. Gobbs T. Levafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo // Gobbs T. Sochineniya: v 2-kh t. [T. 2] [Leviathan, or the Matter, Form and Power of the Church and Civil State / T. Hobbes. Works: in 2 vol. [Vol. 2]]. M., Mysl', 1991. 731 p.

9. Gol'bakh P. Estestvennaya politika ili besedy ob istinnykh printsipakh upravleniya // Izbrannye proizvedeniya: v 2-kh tomakh [T. 2] [Holbach P. Natural Policy or Discussions about the True Principles of Management // Selected works: in 2 volumes [Vol. 2]]. M., Sotsekgiz, 1963. 688 p.
10. Diogen Laertsii O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov [Diogenes Laertius. About Life, Teachings and Sayings of Famous Philosophers]. M., Mysl', 1986. 571 p.
11. Dyurkgeim E. Sotsiologiya: ee predmet, sposob, naznachenie [Durkheim E. Sociology: its Subject, Method, Purpose]. M., Kanon, 1995. 352 p.
12. Elfimova O.S. Kontseptualizatsiya predstavlenii o bezopasnosti v sotsiologicheskoi nauke [Conceptualization of Perceptions of Security in Social Science] // Uchenye zapiski Kurskogo gos. un-ta [elektronnyi zhurnal]. 2013. no. 3 (Part 1). pp. 8.
13. Zakony Manu [Laws Of Manu]. M., Ladomir, 1992. 320 p.
14. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii [The History of Political and Legal Doctrines]. M., Zertsalo, 2000. 688 p.
15. Karsavin L. Filosofiya istorii [Philosophy of History]. SPb., Piter, 1993. 101 p.
16. Kant I. Sochineniya: v 6-i t. [T. 6] [Kant I. Works: in 6 vol. [Vol. 6]]. M., Mysl', 1966. 743 p.
17. Lao-tszy. Dao de tszyn, ili Pisanie o нравственности [Lao-tzu. The Dao de Zhing, or the Scripture about the morality]. Rostov-on-Don, Phoenix, 1994.
18. Konfutsii. Ya veryu v drevnost' [Confucius. I Believe in the Antiquity]. M., Respublika, 1995. 384 p.
19. Lavrov P.L. Izbrannye proizvedeniya: v 2-kh t. [T. 1. Filosofiya i sotsiologiya] [Selected works: in 2 vol. [Vol. 1. Philosophy and sociology]]. M., Mysl', 1965. 739 p.
20. Lokk Dzh. Sochineniya: v 3-kh t. [T. 3] [Locke J. Works: in 3 volumes [Vol. 3]]. M., Mysl', 1988. 668 p.
21. Marks K., Engel's F. Kapital [T. 1] / Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. [T. 23] [The Capital [Vol. 1] / Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. [Vol. 23]]. M., Politizdat, 1960. 900 p.
22. Mill' Dzh. S. Utilitarizm. O svobode [Utilitarianism. About Freedom]. SPb., 1900. 482 p.
23. Mishineva A.K. «Teoriya progressa» P.L. Lavrova i «formula progressa» N.K. Mikhailovskogo ["Theory of Progress" by P. L. Lavrov and "Formula of Progress" by N.K. Mikhailovskii] // Vestnik MGTU. 2008. Vol. 11. pp. 64-69.
24. Platon. Zakony // Sobr. soch. v 4-kh t. [T. 4] [Plato. Laws // Coll. works in 4 vol. [Vol. 4]]. M., Mysl', 1994. 654 p.
25. Platon. Dialogi [Plato. Dialogues]. M., Mysl', 1986. 607 p.
26. Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [People. Civilization. Society]. M., Politizdat, 1992. 543 p.
27. Spenser G. Sinteticheskaya filosofiya (v kratkom izlozhenii G. Kollinza) [Synthetic Philosophy (in brief by G. Collins)]. M., Nika-TSentr, 1997. 512 p.
28. Spinoza B. Etika [Ethics]. Mn, Kharvest; M., AST. 2001. 336 p.
29. Struve P.B. Intelligentsiya i narodnoe khozyaistvo // Intelligentsiya. Vlast'. Narod (Russkie istochniki sovremennoi sotsial'noi filosofii) [The Intellectuals and the National Economy // The Intelligentsia. Power. Nation (Russian Sources of Modern Social Philosophy)]. M., Nauka, 1992. 341 p.
30. Tugan-Baranovskii M.I. Sotsial'nye osnovy kooperatsii [Social Bases of Cooperation]. M., Lan', 2010. 495 p.
31. Toffler E. Nezavisimaya gazeta. Politika (spetsial'nyi vypusk: Yaroslavskii forum-2009), 2009. June 8th. [The World Power Has Turned to Be Unprepared for the Demands of the Time/ Politics (Special Issue: 2009 Forum in Yaroslavl)].
32. Fikhte I.G. Sochineniya [Works]. M., Nauka, 2008. 752 p.

33. Tsitseron. O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh [Cicero. On Old Age. On friendship. On responsibilities]. М., Nauka, 1974. 248 p.
34. Tsitseron. Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh [Cicero.Dialogs. On State. On Laws]. М., Ladomir, 1994. 224 p.
35. Epiktet. Izbrannye mysli rimskogo mudretsa. Aforizmy [Epictetus. Selected Thoughts of the Roman Sage. Aphorisms] Rimskie stoiki [The Roman Stoics]. М., Respublika, 1995. pp. 206-270.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Завальнев Вячеслав Игоревич – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: v.zavalnev@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zavalnev Vyacheslav I. – post-graduate student of the department of Politology and Law, Moscow State Regional University;
e-mail: v.zavalnev@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Завальнев В.И. Безопасность в политическом мировосприятии мыслителей прошлого: аналитическая ретроспектива // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 176-189.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-176-189.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Zavalnev. Security through the political worldview of thinkers of the past: analytical retrospective // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 176-189.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-176-189

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

2016. № 1

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» И.А. Потапова
литературный редактор О.О. Волобуев
переводчик Е.В. Приказчикова
корректор Н.Л. Борисова
компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 13,5, усл. п.л. 12.
Подписано в печать 24.02.2016. Выход в свет: 21.03.2016. Заказ № 2016/02-03
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а